

ИЖОРА

Очерки истории и культуры

Санкт-Петербург
2009

УДК 391/397(=511.1)
ББК 63.5(2)
К 65

Академическая научно-популярная серия
«КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»

*Книга издана при поддержке Комитета
по информационно-аналитическому обеспечению
Ленинградской области*

Под общей редакцией
д.и.н. *Е.А.Резвана*

Конькова О.И.

К 65 Ижора. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. —
248 с.; илл.
ISBN 978-5-94348-049-2

Книга известного археолога и этнографа Ольги Игоревны Коньковой открывает новую академическую серию «Коренные народы Ленинградской области» и посвящена истории и культуре ижоры — древнего коренного народа Северо-Запада России. В книге впервые сведены воедино самые различные, прежде неизвестные данные о происхождении и археологической культуре ижоры, о сложной судьбе этого народа, о его необычных народных костюмах, о магических обрядах и праздниках, о древних калевальских песнях и старинных музыкальных инструментах. Научный подход к рассмотрению истории и культуры ижор, с одной стороны, и яркий живой стиль изложения, с другой стороны, делает эту книгу интересной как для профессиональных исследователей и студентов, так и для краеведов и всех интересующихся историей Северо-Запада России и культурой населяющих его народов.

Рисунки
О.И. Коньковой, Л.В. Пости, Л.А. Сакса

На обложке — рисунок «Замужняя ижорка. Нижняя Луга»
из книги I. Manninen «Suomensukuiset kansat», Porvoo, 1929;
орнаменты ижорских полотенец

ISBN 978-5-94348-049-2

© О. И. Конькова, 2009
© Е. А. Резван, ред., 2009
© О. И. Конькова, Л. В. Пости,
Л. А. Сакса, иллюстрации, 2009
© МАЭ РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ЧИТАТЕЛЮ	5
О книге	7
ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ	9
Мезолит	10
Неолит	15
Эпоха металла	20
ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИЖОРЫ	24
ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛОВА «ИЖОРА»	30
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ	
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИЖОРЫ	33
Могильники и находки	34
Погребальный обряд	42
Погребальный инвентарь	47
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ	50
Первые сведения	50
«Ижорская земля»	54
Расселение ижоры в средневековье	55
Хозяйство ижоры в средневековье	61
ШВЕДСКОЕ ВРЕМЯ	68
ИСТОРИЯ ИЖОРЫ В XVIII-XIX вв.	79
Вхождение Ингерманландии в Россию	79
Крепостничество	80
Рекрутчина	83
Начало исследования ижор	84
Расселение ижор в XIX в.	86
ИСТОРИЯ ИЖОРЫ В XX в.	94
ВНЕШНИЙ ОБЛИК И ХАРАКТЕР	103
ОДЕЖДА	107
Мужская одежда	107
Женская одежда	110
Комплекс с <i>ааннуа</i>	110
Северно-ижорский комплекс	113
Комплекс с <i>хурстод</i>	114
Сарафанный комплекс	117

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ	121
Деревни	121
Дома и постройки	121
ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И ПРОМЫСЛЫ.....	134
ВЕРА	143
КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ	155
СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ.....	174
КУЛЬТ МЕРТВЫХ	179
«Царство мертвых». Становление понятия	179
Жизнь после смерти. Уход духа	182
«Горевания»	184
Одежда покойников.....	185
Еда покойников	186
ФОЛЬКЛОР	190
Собиратели	190
Певцы.....	194
Эпические руны	199
Средневековые баллады.....	201
Исторические и военные песни	202
Лирика	203
Свадебные песни.....	204
Причитания	204
Музыкальные инструменты.....	207
ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК	211
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
Ижоры в конце XX в.....	217
Музей	220
Наши дни	222
Умирает ли надежда?	227
ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.....	228
ССЫЛКИ	231

ЧИТАТЕЛЮ

Я смотрю на эту землю, на ее поредевшие, но все еще величественные леса, на ее холмы, с которых взгляду нет предела, на ее бесконечные черные речки и глухие лесные озера. На землю, где за коричнево-зеленым нагромождением еловых пиков и топких болотин можно разглядеть сотни и тысячи поколений почти исчезнувшего народа. Эти миллионы глаз, тысячелетиями вбиравшие в себя пределы, ограниченные стыком моря и неба. Эти миллионы рук, столетиями тянувшие тяжелые мокрые сети и выбиравшие камни с полей.

Я думаю, куда это все исчезло? Неужели вся жизненная сила древнего народа, пришедшего на эти северные безнадежные земли вслед за отступающим ледником более 10 тысяч лет назад, вся мощь тел мужчин и суровость лиц женщин, вся их непреклонная гордость сохранилась сейчас в трех сотнях пар усталых глаз и иссеченных временем рук? А куда ушло все другое? Их взгляды вобрали в себя камни. Их голоса ушли в бесплодную землю. Их слезы, смешавшись со стылой водой Финского залива, придали ей слабый горьковатый вкус. Их кровь проступает на закате багровым цветом на стволах искривленных прибрежных сосен.

Я хочу, чтобы все знали: земля, на которой мы сейчас живем, по которой ходим, не замечая ее древней силы и не осознавая ее глубинной памяти — это *ижорская* земля. Для многих она ста-

ла родиной, каждый нашел или находит в ней что-то свое, пронзительное — острый стальной изгиб реки, податливую мягкость хвои на влекущей в детство глухой лесной тропинке, тысячеоттеночную сжатость серого цвета петербургского двора и многое другое, личное и потаенное. Но если бы эти реки, дороги и камни сумели прорваться через мучительный порог безголосья, мы бы услышали мягкую, похожую на движение предвечерней воды *ижорскую* речь.

Мы почти не знаем, на какой земле живем. Не в смысле ее местонахождения или статуса. Я говорю об ее почти бесконечном прошлом. Всегда политически выгодная и потому распространенная история об основании Санкт-Петербурга на пустынных болотистых берегах Невы, сформировала у обывателя представление, что исходной точкой отсчета петербургского «локального» времени является лишь начало XVIII в. Где-то далеко, в стороне, в невероятном отрыве от сегодняшних дней стоят Северная Русь и Ладога (тогда еще не «Старая»), Новгородское государство и события древнерусской поры. Память о них служит достойным основанием для «русской» предыстории Петербурга. При этом особый мир, издавна существовавший и поныне рядом существующий, исключен из системы обычных исторических представлений. Наивный, но жесткий в своей очевидности эксперимент: спросите любого, кто аборигены Америки, и вам абсолютно каждый расскажет об индейцах, гуронах и апачах, вигвамах и скво, о вероломстве «белых братьев» и резервациях. А теперь спросите, кто коренные, исконные жители петербургской земли. Вы слышите ответ? Я — нет...

Мы отторгаем глубочайший по древности и исключительный по культуре мир коренных народов этой земли. И этот мир, почти не замечаемый и потому непонятый, понемногу уходит от нас. Народы, чье прошлое безмерно, народы о которых говорили средневековые папские послания и древнерусские летописи, народы, насчитывавшие, и в лучшие свои годы, всего тысячи, но претерпевшие столь много, исчезают. И это, увы, уже не предотвратить. Конечно, вся история мировой цивилизации — это исчезновение одних народов, формирование других, и опять череда исчезновений и появлений. Но одно дело — народы, отстающие во времени и пространстве, порой полумифические из-за своей отдаленности, и, совсем другое — живущие рядом и исчезающие на твоих глазах. Это сравнимо с осознанием смерти: понятно, что она неизбежна для всех, но не тогда, когда дело касается твоих близких.

В наши дни в Ленинградской области, на южном побережье Финского залива, в деревнях между Нарвой и Ломоносовом и ныне живет прибалтийско-финский народ — *ижора*. Есть и другие деревни, где еще помнят об ижорах. Еще больше мест, где о них уже позабыли. А ведь когда-то ижорская речь звучала от реки Нарвы на западе до Ладожского озера на востоке, от Лемболовских высот на се-

вере до оредежских болот на юге. Ижоры издревле освоили холодные каменистые земли между Финским заливом и Ладогой. Они столетиями защищали их от набегов врагов, сумев сохранить свою самобытность и уникальность. Ижорский народ оставил несметное фольклорное наследие — многие десятки тысяч прекрасных песен и древних рун, горьких причитаний и таинственных заговоров. Ижорский народный костюм — не только образец необычной материальной культуры, но и загадочный ключ, открывающий дверь в мир древних торговых путей и странных представлений о красоте. Ижорский язык сохранил многие, исчезнувшие у других народов черты ушедшей древней прибалтийско-финской речи. Он дал исследователям ценнейший материал для выяснения многих вопросов истории северных народов и языков.

Это поистине уникальный народ. Со своим особым стойким характером. Со своей яркой, ни на что не похожей культурой. Со своими древними песнями. Со своей сложной, зачастую тяжелой историей. И все-таки со своей верой в завтра.

О КНИГЕ

Это невероятно трудно — в одной небольшой книге попытаться рассказать о сложной истории и неизвестной культуре целого народа. Особенно, когда знаешь, что о многих сторонах ижорской жизни можно говорить почти бесконечно. Но мы попытались найти самое главное, без чего нельзя представить этот уникальный народ, и рассказать о древнейшей истории этой земли и об археологических находках, о сложных веках средневековья и трагических десятилетиях XX века. Мы постарались показать, как красив был ижорский костюм и веселы праздники. Мы вспоминали старинные ижорские песни и с тревожной надеждой вглядывались в наши дни.

В этой книге мы предприняли попытку простым доступным языком рассказать о том, что исследовали ученые, начиная с XVIII века, и какие открытия сделаны в последние годы. За страницами этой книги стоят месяцы изучения музейных коллекций, годы раскопок и сидения в архивах и десятилетия общения с невероятно интересными людьми.

И поэтому, прежде чем Вы начнете читать эту книгу, и ижорский мир станет ближе Вам, мне бы хотелось высказать слова глубочайшей благодарности всем тем, кто помог созданию этой книги и чьими стараниями и непрерывным усердием у ижор есть надежда на будущее.

Прежде всего, я благодарю тех ижор, с которыми мне довелось встречаться и вести долгие беседы в редких сохранившихся ижорских деревнях. Многих из

них уже нет в живых, но я помню всех. И именно из их воспоминаний, редко — радостных, чаще — горьких, складывалась общая канва истории ижор — так из отдельных деревьев возникает большой и сильный лес. Особая благодарность — жителям Сойкинского полуострова и Нижней Луги, которые, несмотря на все испытания и беды, сумели сохранить память о своем народе. Они создали Ижорский музей, они поют ижорские песни, они в библиотеках, клубах и школах своими словами и поступками поддерживают память об ижорах.

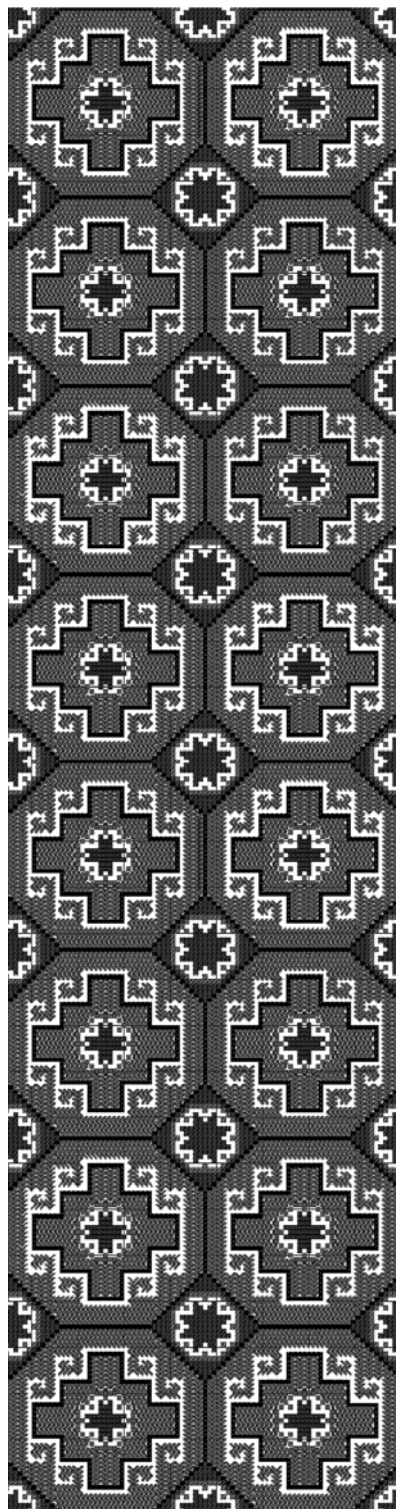
Искренние слова благодарности я приношу своим соратникам по Центру коренных народов. Это люди разного возраста и разных интересов объединены одной невероятно важной целью: дать себе и другим надежду сохраниться как народ. Именно поэтому они профессионально возрождают интереснейший и богатейший ижорский фольклор, воссоздают давно забытые ижорские костюмы, проводят праздники, пишут книги, изучают ушедшие диалекты, создают музеи и выставки, читают лекции.

Хочется поблагодарить и национальные общества, своей активностью и организованностью проводящие большую работу в деле сохранения народной истории и культуры — Общество ингерманландских финнов «Инкерин Лиитто» и Общество ижоры и води.

Нельзя не отметить и труд музейных работников Эстонского Народного музея и Музея культур в Хельсинки и их искреннюю радость от того, что десятками лет невостребованные ижорские коллекции стали необходимы самому народу.

И, наконец, особая признательность тем, благодаря кому была издана эта книга: Правительству Ленинградской области, Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и частным лицам.

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Эта глава написана для тех, кто хочет внимательно всмотреться и понять историю этих земель с самого «начала». С тех невообразимо далеких времен, когда первые люди вышли к берегам холодных северных приледниковых озер. С тех отдаленных тысячелетий, когда ныне привычный для нас мир морских и озерных берегов, мощных рек и звенящих ручьев, мир покатых холмов и клюквенных болот еще не существовал.

Геологическая история Балтики невероятно интересна. Многие современные поля и леса были когда-то морским дном, холмы — прибрежными дюнами. Финский залив то становился озером, то прорвавшиеся воды опять соединяли его с Балтийским морем. Были времена, когда широчайший пролив соединял Финский залив и Ладожское озеро. Были времена, когда воды Ладоги, сметая все на своем пути, рвались к морю, создавая Неву. Было многое. Не случайно геологи говорят, что за 40 тысяч лет наша земля претерпела больше изменений, чем Кавказские горы за многие миллионы!¹

Есть разные мнения о времени освобождения от ледника этих земель: некоторые исследователи относят дату отступления ледника к XII тыс. до н.э., другие полагают, что это произошло 10 тысяч лет назад. Но еще долгое время эти земли оставались недоступными для заселения человеком из-за неоднократных затоплений водой.

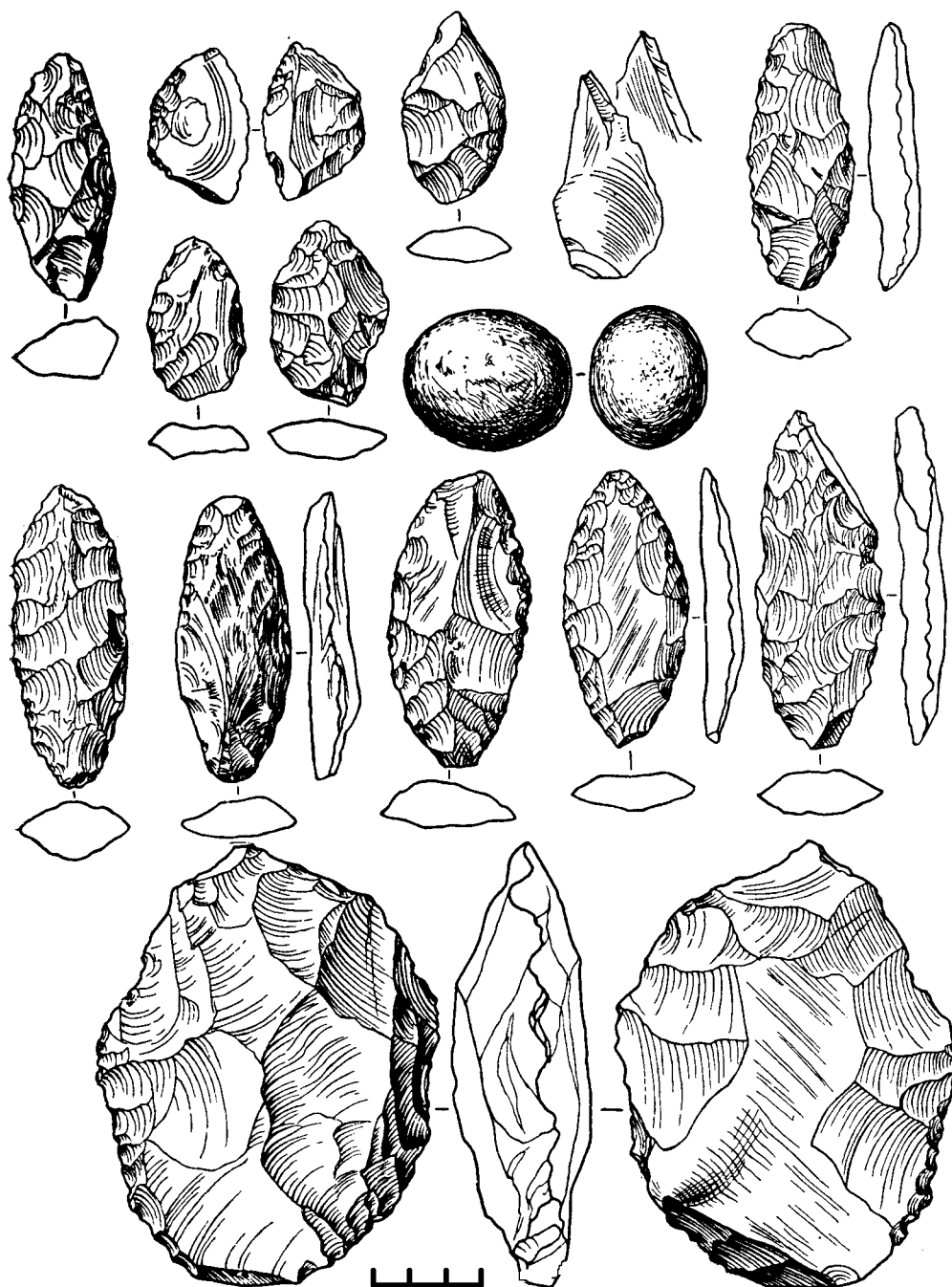
Мы не знаем, какими были первые люди, пришедшие сюда вслед за отступающим ледником и стадами северных оленей. Мы не знаем, на каком языке они говорили, как себя называли. Важно отметить, что мы далеки от мысли отождествлять это древнее население с прямыми предками исторических ижор. Границы между древними племенами в современных народах смешаны. Наша цель — доказать, что на территории, где позднее известны ижоры, с древнейших времен существовало население. Доказать в противовес устоявшемуся мнению о незаселенности и пустынности земель, в раннее средневековье воспринявших переселенцев с Карельского перешейка.

Для этого необходимо детально и внимательно рассмотреть все имеющиеся археологические памятники и все случайные находки, начиная со времени появления здесь первых древних охотников и рыболовов — с эпохи мезолита.

МЕЗОЛИТ

Мезолитические находки на этих землях немногочисленны. Они как бы дугой опоясывают ту землю, на которой много позднее известны ижоры. Одна из самых поразительных находок обнаружена к северу от мест более позднего расселения ижор, вблизи деревни Корпилахти старинного финского прихода Антреа, на левом берегу р. Вуоксы (недалеко от современного города Каменногорска Выборгского района Ленинградской области). Там в 1914 г. финские крестьяне, добывая торф, нашли скопление древних предметов — каменные острообушные топоры, небольшие долотца, костяные орудия. Но особенно любопытна находка остатков рыболовной сети, сплетенной из волокон коры серой ивы с поплавками из сосновой коры и грузилами из крупной гальки. Эта уникальная сеть — древнейшая из обнаруженных в мире! Ее возраст по радиоуглеродному анализу 9300 лет. Сеть очень большая — ее длина достигала 27-30 м, ширина — 1,3-1,5 м². Ныне эта сеть хранится в Национальном музее Финляндии и составляет историческую гордость финского народа. Как попали эти вещи в землю? Археологи полагают, что это результат несчастного случая, случившегося с древним рыбаком, вероятно, утонувшим в северной части широкого пролива. Этот пролив соединял Ладожское озеро и Балтийское море еще во времена существования Литоринового моря. А на южном берегу этого же пролива были обнаружены и каменные топоры V тысячелетия до н. э.

На северо-западной границе будущих ижорских земель в 1915 г. была открыта стоянка на Сестрорецкой косе. Тип кремневых орудий и отщепов при полном отсутствии керамики, а также анализ геологических условий залегания позволили датировать находку IV тысячелетием до н.э.³

Каменные орудия эпохи мезолита со стоянки Разлив

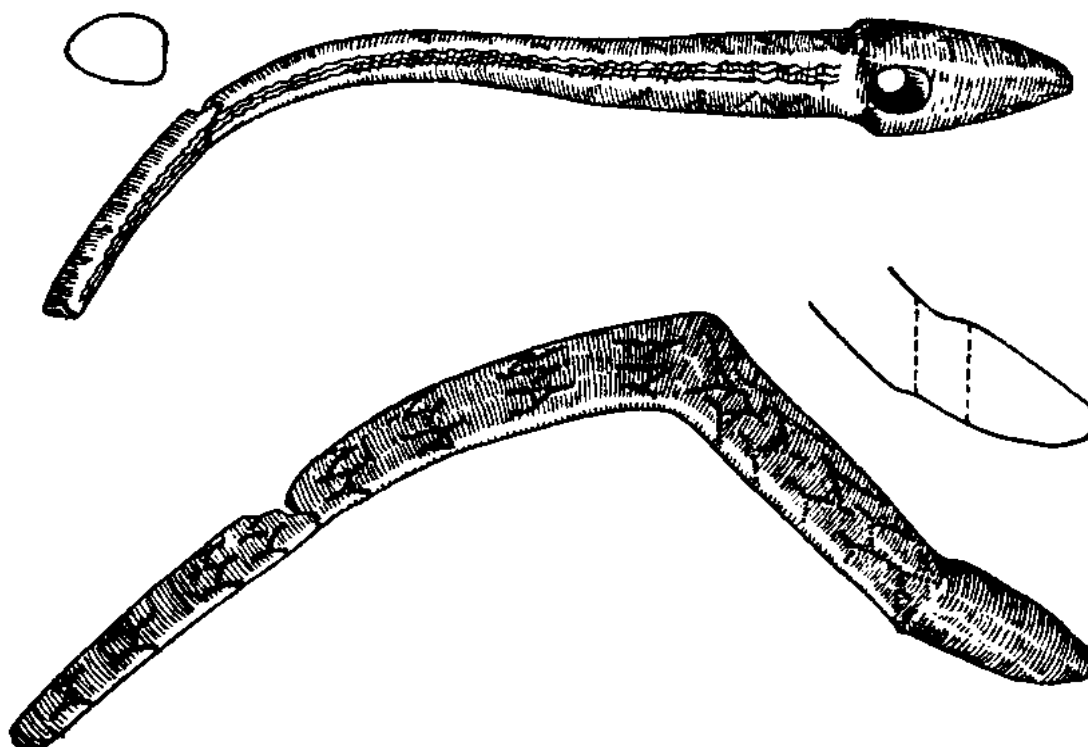
Уникальная находка была сделана и на самой северной границе той земли, где в последствии будут проживать ижоры — недалеко от р. Тайпалеенйоки (совр. Бурная) в пределах бывшего финского прихода Метсяпиртти (окрестности совр. пос. Запорожское Приозерского района Ленинградской области) было обнаружено украшение из янтаря в форме маски или головы человека (см. цветную иллюстрацию I)⁴. Может быть в этих резких чертах лица, в прямом взгляде глубоко посаженных глаз, в старающемся что-то сказать нам рте мы можем разглядеть представление древнего человека о самом себе?

Всего лишь в 25 км от южной границы более позднего расселения ижоры, в современном Лужском районе Ленинградской области, примерно в 2 км от деревни Соколок, на южном берегу озера Соколовское в 1982 г. была открыта древняя стоянка. Обнаружено значительное количество орудий из кости и кремня. Орнаментация наконечника гарпуна, архаичные формы 150 костяных и роговых предметов, 614 находок из кремня имеют аналогии в материалах знаменитой культуры Кунда в Эстонии. В то же время 200 предметов из кварца сближают эту стоянку с миром северных мезолитических культур. Находки датируются VII-VI тыс. до н.э.⁵

На западной границе интересующей нас территории, на правом берегу реки Нарва, в 5-6 км от ее устья, близ деревни Тырвала, расположенной у края когда-то существовавшего древнего морского залива, при разработке карьера нашли костяные предметы: кинжал с рукоятью, обернутой берестой, наконечники стрел. Самая необычная находка — скульптурное изображение змеи. Эта роговая фигура со сквозным отверстием — первый памятник искусства на изучаемой нами территории! Назначение ее загадочно. Порой в ней видят «жезл начальника» — такие же предметы обнаружены в погребениях очень «значительных» людей в Западной Прибалтике. Иногда полагают, что это — предмет шаманского культа (ведь именно змеи — одни из лучших «проводников» шамана в мир мертвых предков). В любом случае эти находки говорят о древних связях между различными племенами Балтики. Споро-пыльцевые анализы позволили отнести предметы из Тырвалы, когда-то оброненные в воду, к концу VI — началу V тыс. до н.э.⁶ Исключительно интересна и находка сети, сплетенной из лыка, обнаруженная к северу от г. Нарвы, на левом берегу реки Нарвы⁷.

Единственная пока находка в центральной части «ижорского» региона, говорящая о существовании здесь населения в столь древние времена — роговой предмет-муфта, служивший для закрепления каменного топора. Его нашли на берегу реки Суйдинки у деревни Новое Колено. Правда, некоторые исследователи относят эту находку к более позднему времени — к эпохе неолита⁸.

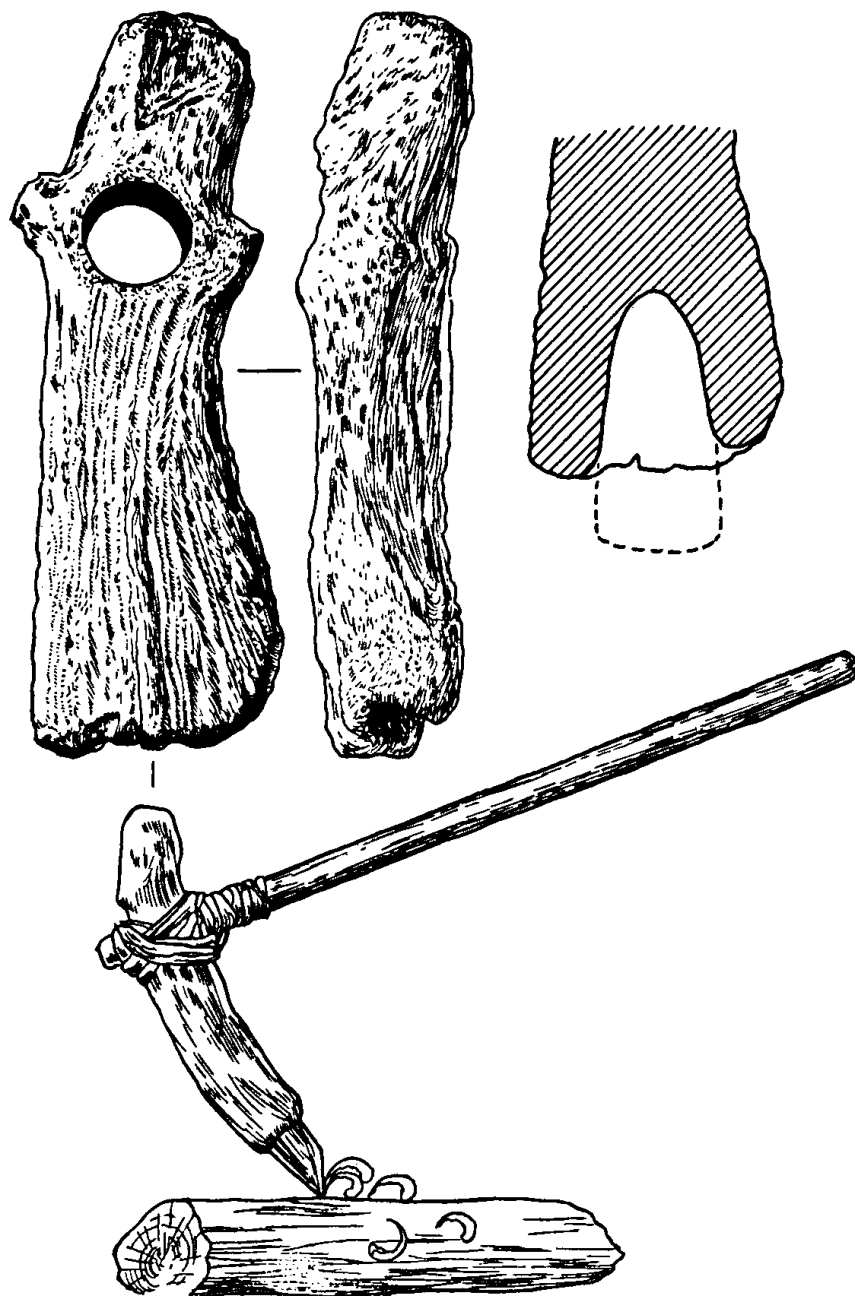

Костяная змея эпохи мезолита из д.Тырвала (берег р. Нарвы)

Однако археологическая «пустота», которую мы наблюдаем на исследуемой территории в эпоху мезолита (и в довольно продолжительное последующее время), вполне может оказаться мнимой. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, устоявшееся в науке мнение об якобы незаселенности этих земель в древнейший период повлекло за собой отсутствие самих поисков новых памятников. Почему же это произошло?

Против таких поисков, казалось, выступают данные гидрографии: Ижорское плато, занимающее центральную часть исследуемого региона, практически не имеет открытой воды, вся вода, поглощаемая землей, выходит через ключи на окраинах плато. Это делало невозможным существование здесь древних охотников и рыболовов. В свою очередь, прилужские и приневские болота (а также болота притоков Невы) также, по мнению многих, являлись препятствием для охоты. Однако лишь центральная часть плато реально обезвожена (это 1/10 часть всей позднее известной зоны расселения ижоры). Значительное же количество рек, озер и ручьев в целом создают идеальные условия для древней охоты и рыболовства.

Роговая муфта для крепления каменного топора из д. Новое Колено
и реконструкция всего орудия

Во-вторых, при поиске археологических памятников обязательно следует учитывать, где и в каких условиях обнаружены уже открытые памятники. А здесь следует вспомнить, что, например, стоянка Соколок была обнаружена на берегу озера лишь после того, как мелиоративные работы снизили уровень воды в озере почти на 2 м. И находки в Тырвала также залегали на глубине не менее 1,5 м. Поэтому мы можем сделать смелый вывод, что главные открытия еще впереди!

И все же ограниченность известных ныне мезолитических материалов не дает возможности ответить на один из главных вопросов этногенеза древнего населения Северо-Запада, а именно о путях проникновения сюда первых поселенцев. Но даже это незначительное количество памятников позволяет определить, какое место занимает изучаемая территория в сложной системе древних культур Севера Европы. Все находки однозначно говорят о том, что в среднем и позднем мезолите регион был восточной периферией зоны распространения восточно-прибалтийской культуры Кунда. В то же время здесь сказывалось и влияние северных культур: ведь к северу в то время была распространена архаичная финляндская культура Суомусярви, а к северо-востоку — мезолитические стоянки карельской общности. Однако местные памятники, вероятно, еще не несли в себе своеобразия самостоятельной археологической культуры. Немногочисленные местные группы охотников и рыболовов, селившихся по берегам озер, морских заливов и рек, были еще невыделяемой частью общего потока редкого населения, осваивавшего последнический Север Европы. Эти древние племена, как признается ныне, были дофинно-угорскими. Не случайно, в прибалтийско-финских языках прослеживаются черты какого-то еще неопределенного более древнего языка⁹.

Но здесь нам очень важно вспомнить данные антропологии, полученные в последнее время. Исследователи отмечают, что даже в средневековых краниологических материалах (т.е. в черепах) ижоры прослеживается очень своеобразный комплекс признаков. Эти признаки отличают ижор от других финно-угорских народов, но очень близки особенностям древнего мезолитического населения Прибалтики. Возможно, это свидетельство происхождения ижоры от самых первых поселенцев, вышедших 10 тысяч лет назад к берегам Балтики!

НЕОЛИТ

Неолитических стоянок и случайных предметов на исследуемой территории известно гораздо больше, нежели памятников эпохи мезолита. Однако и они не предоставляют полной возможности разрешить многие вопросы происхождения и культуры древнего местного населения, прежде всего из-за недостаточности материалов.

Более тщательное археологическое обследование Карельского перешейка принесло свои результаты: в северных районах современной Ленинградской области найдено наибольшее число известных памятников эпохи неолита.

Изучение неолитических памятников на Карельском перешейке было начато в XIX веке русскими геологами, открывшими группу стоянок на северо-восточном берегу Финского залива¹⁰. Позднее исследовалась богатая стоянка близ станции Разлив¹¹. Были открыты остатки древнего поселения в самом Разливе¹², стоянка в Токсово на берегу Кавголовского озера¹³. Наибольшее же скопление стоянок наблюдалось в районе современного города Сестрорецка. Там было исследовано восемь стоянок эпохи неолита, две — эпохи раннего металла и случайно обнаружено сланцевое орудие. Из близлежащих территорий происходят кремневый скребок (поселок Ольгино) и каменное орудие (поселок Репино)¹⁴. Однако эти исследования носили эпизодический характер.

Систематическое и широкое обследование районов Карельского перешейка было проведено финскими археологами в довоенное время. В более позднее время были проведены раскопки стоянки Вьюн на северной границе исследуемой зоны¹⁵, и стоянки на озере Хепо-Ярви. Изучение территории к северу от Невы в наши дни было продолжено разведочными работами В.И.Тимофеева, обследовавшего в 1984 г. около 30 стоянок и местонахождений неолитических предметов, расположенных на берегах озер¹⁶.

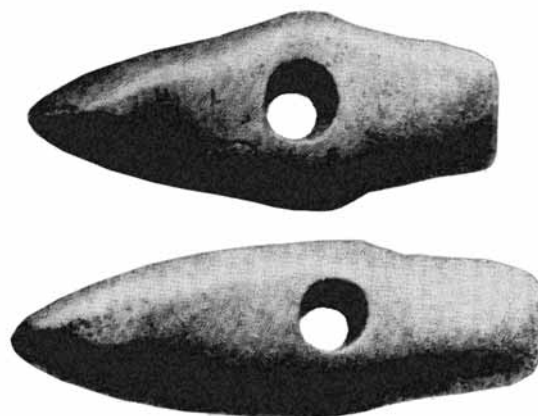
Западная часть интересующей нас территории осталась почти неизученной. Лишь эстонским археологом Р.Индрекко и позднее Н.Н.Гуриной была исследована неолитическая стоянка на реке Ломми — левом притоке реки Луги¹⁷. Кроме того, в 1986 г. В.П.Петренко обнаружил неолитическую стоянку близ деревни Венкуль в низовьях реки Наровы¹⁸.

Археологи считают, что в эпоху неолита к северу от Чудского озера происходили значительные передвижения населения. Вместе с тем представляется странным практически полное отсутствие находок того времени в западной части исследуемой территории, ведь, судя по материалам близлежащих стоянок, нарвско-лужский бассейн — самый важный путь контактов и передвижения неолитического населения. В результате проведенной нами архивной работы удалось дополнить карту находок эпохи неолита. Получены сведения об обнаружении финским исследователем К.Сойккели в 1910 г. двух шлифованных топоров с отверстием в деревнях Струппово и Конново (современный Кингисеппский район), ныне хранящихся в Национальном музее Финляндии. Оба они представляют собой общеевропейские формы боевых топоров культуры топоров-молотков, распространенной в неолитическое время в Прибалтике и Скандинавии, и по материалам Финляндии датируются 2300-1500 гг. до н.э.¹⁹ В 1920-х годах

в деревнях Кейкино, Ропша и Краколье (современный Кингисеппский район) крестьянами были найдены аналогичные орудия²⁰. А в 1980 г. учениками школы в поселке Котельский в расположенном поблизости овраге был обнаружен небольшой каменный шлифованный рабочий топор, также относящийся к культуре топоров-молотков.

В центральной части ижорской территории планомерного обследования проведено не было. Известны случайные находки древнего челна в Стрельне и каменных орудий близ деревень Усть-Рудицы (при слиянии рек Коваша и Черной) и Воропелево (Вярепелево). Кремневые наконечники стрел обнаружены у села Б.Кузьмино и в деревне Славянка близ Красного Села. Каменное орудие происходит и из деревни Ижоры близ города Павловска²¹.

Изучение всех указанных археологических материалов и сравнение их с памятниками соседних территорий говорит о сложной истории местных племен. Вероятно, в раннем неолите происходит проникновение населения из Эстонии, ведь некоторые стоянки южного берега Ладожского озера содержат элементы так называемой нарвской культуры, распространенной в Эстонии, Латвии, западной Литве и северо-восточной Белоруссии. Но мнение о незаселенности будущей ижорской территории оказалось настолько устойчивым, что даже известный археолог Н. Н. Гурина предположила, что небольшая часть населения из восточной Эстонии проникла в Приладожье не по земле, а по водному пути, лежащему вдоль побережья Финского залива! Но опровергнуть это мнение нам помогают уже описанные выше археологические материалы стоянки Мерево-2 в современном Лужском районе, которые содержат как раз нарвскую керамику. Таким образом, миграционные пути проходили и через интересующий нас район Северо-Запада. Демографическая роль пришлого населения не ясна. Большое число обнаруженных неолитических стоянок в целом говорит о значительном увеличении численности населения. Однако разрешить вопрос причинности только в пользу миграции извне нельзя, так как большинство местных неолитических стоянок нарвской керамики не содержат, кроме того, подобный ответ привел бы к явной недооценке возможностей внутреннего развития местных культур.

Каменные неолитические топоры
из деревень Струппово и Конново
на Кургальском полуострове

Позднее на территории современной Ленинградской области складывается прибалтийская культура ямочно-гребенчатой керамики. Свое название эта сильная и мощная неолитическая культура получила потому, что самый яркий признак ее стоянок — обломки керамических сосудов с очень необычной орнаментацией. Верхняя часть этих горшков, а иногда и вся их поверхность была аккуратно украшена рисунком из небольших углублений — «ямок», и рядов линий как бы прочерченных «гребенкой». Отсюда и происходит название «ямочно-гребенчатая керамика». При помощи этих двух простых штампов порой удавалось украсить горшок такими самобытными рисунками, что невозможно найти два похо-

Сосуд культуры ямочно-гребенчатой керамики

жих сосуда. Да и сами горшки были необычны: иногда их диаметр достигал 70 см! И столь привычного для нас ровного дна не было. Дно таких сосудов было заостренное или яйцеобразное. Такой горшок не «ставили», а «втыкали» в землю. И готовили в них пищу странным способом — ведь почти всегда на них снаружи нет следов огня! Оказывается, можно варить и «иначе»: нагреть на костре камни докрасна и опустить их в горшок, куда уже положено все необходимое для ожидаемого блюда (вода, мясо или рыба, корни и то, что желала фантазия или давала необходимость).

Хотя эта глава немного суховата и изобилует фактами, а не рассуждениями, все же не могу не рассказать об одном случае, когда знание древней истории местных племен спасло мне жизнь. В экспедициях случается много забавных и драматических историй, не случайно «экспедиционники», проводившие много сезонов «в поле», потом всю оставшуюся городскую жизнь тоскуют по превратностям той, настоящей жизни. Итак, в одной экспедиции на Севере у нас сломалась машина, и мне пришлось идти до ближайшего населенного пункта 70 км по тундре. Забытый компас, исчезнувшее за глухими облаками солнце и разница между правой и левой ногой (что заставляет человека с каждым шагом отклоняться от прямого пути) привели к обычному результату — я заблудилась. Я искала дорогу несколько дней. И спасли меня 4 вещи: спички, небольшие, шириной в две ладони ямки с водой, квакающие пресмыкающиеся и знание ямочно-гребенчатой керамики. Нагрев камни на костре из сухой травы и стволов карликовых деревьев, нагнав в ямку лягушек, и опустив туда раскаленные камни, я питалась как, наверно, ели много тысяч лет назад мои предки. Лягушек жаль бесконечно! Но я выжила!

Возвращаясь к эпохе неолита и к культуре ямочно-гребенчатой керамики, важно отметить, что в это время происходило обратное движение населения на запад. Это привело к ассимиляции аборигенных культур в Эстонии, Латвии и юго-восточной Финляндии. Сложение новой прибалтийской культуры фиксируется на стоянках Нарва-Ригикюля 1, 2 и 3 на границе Эстонии и изучаемой территории.

Вопрос, кем были по происхождению создатели культуры ямочно-гребенчатой керамики — один из важнейших в ряду проблем этнической истории племен Северо-Запада. Ныне у большинства исследователей не вызывает сомнения, что появление подобной керамики связано с расселением древних финно-угорских народов. Быстрое распространение подобной керамики и сопровождающих ее элементов отражает появление в прибалтийских землях и соседних областях предков прибалтийско-финских племен. Об этом же говорят и данные гидронимии (гидронимика — это раздел науки, занимающийся изучением названий

водных географических объектов). Если мы внимательно посмотрим на карту Северо-Запада, то увидим, что большая часть названий рек и озер происходит из слов финно-угорского происхождения²².

Если мы нанесем на карту и гидронимы, и археологические памятники эпохи развитого неолита, то увидим, что ареал названий рек и озер финно-угорского происхождения совпадает с ареалом распространения археологической культуры ямочно-гребенчатой керамики. Естественно, что не следует отождествлять племена этой древней культуры с ныне известными народами. Те, кто использовал ямочно-гребенчатую керамику и по-своему называл реки и озера, были предками прибалтийско-финских племен. Собственное развитие этих племен, внутренние переселения, миграции каких-то новых народов позднее приведут к формированию современных прибалтийско-финских народов.

Когда на наших землях появились первые финно-угры? Большинство ученых считают, что финно-угорские племена расселились в Прибалтике и соседних восточных районах 5 тысяч лет назад — в III тыс. до н.э. (некоторые комплексы в Финляндии датируются концом IV тыс. до н.э.).

ЭПОХА МЕТАЛЛА

Хотя памятники эпохи раннего металла на ижорской территории почти неизвестны, все же мы можем полагать, что и в это время исследуемая территория находилась «на стыке» различных археологических культур. Так, северо-западную, морскую границу региона образуют каменные могильные кучи на острове Лавансаари²³, находящемся на расстоянии 26 км от южного берега Финского залива, недалеко от устья реки Луги. Близкие по облику каменные сооружения происходят и с острова Малый Тютерс²⁴. Известны они и на территории Эстонии и Северной Латвии с VIII-VII веков до н.э. Некоторые исследователи полагают, что по происхождению эти могильные сооружения связаны с курганами Скандинавии²⁵.

В это время сохраняется преемственность использования для стоянок северных берегов Финского залива — Лахтинская стоянка, обнаруженная в 1922 г. дала немногочисленные, но важные материалы для понимания истории местного населения эпохи раннего металла. На побережье Сестрорецкого разлива, сравнительно недалеко от Лахты, выявлены находки эпохи раннего металла на стоянке Глиняный ручей — небольшое количество сланцевых и кремневых предметов дополнялось фрагментами керамики, большая часть которых имела сходство с керамикой финских стоянок²⁶.

К эпохе раннего металла (1500 г. до н.э. — 0/50 г. н.э.) относится стоянка, обнаруженная в западной части ижорской территории. Эта стоянка расположена на южном берегу Финского залива на северном берегу Хабаловского озера²⁷. Бассейну нижней Луги принадлежит и случайная находка каменного сверленого топорика, обнаруженного в 1930 г. близ д. Большое Куземкино²⁸. В эпоху бронзы продолжается деятельность неолитического населения и рядом с южной границей той территории, где позднее известны ижоры — на северном берегу Мереvского озера²⁹.

В керамических материалах всех указанных поселений наблюдается определенное своеобразие: на всех стоянках фрагменты керамики с отпечатками ткани, так называемой текстильной керамики, в количественном отношении явно уступают другим разновидностям керамики. Так, в Хабаловской стоянке доминируют фрагменты, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа, перевитого шнура и насечками; в Мерево преобладают орнамент из мелких полукруглых ямок и линейного штампа; в Лахтинской стоянке часто встречается либо отсутствие орнаментации, либо использование очень тонкого гребенчатого штампа.

Возможно, это объясняется наличием особенностей в материальной культуре племен, обитавших в западной части современной Ленинградской области, отличающих их от соседних племен.

Следует заметить, что культура поздней ямочно-гребенчатой керамики, связываемая, как отмечалось выше, многими исследователями с формированием прибалтийско-финского населения, во II тыс. до н.э. испытывает сильное влияние из центральных районов России. В результате, эта культура преобразуется в новую общность, включающую культуры асбестовой керамики (когда в керамическое тесто добавляют асбест) и текстильной керамики (где орнамент на еще необожженных сосудах получают прикладыванием ткани). Первая распространяется на территории к северу и северо-западу от Ладожского озера, вторая — к югу от него. Судя по аналогиям, текстильная керамика была занесена на территорию Северо-Запада новой волной финно-угорского населения, пришедшего с Верхней Волги — из областей дьяковской и ананьинской культур. Значение культуры текстильной керамики на территории Северо-Запада определено не до конца. Некоторые исследователи именно ей отводят главную роль в формировании прибалтийско-финской языковой общности.

Судя по всему, культура текстильной керамики не породила прибалтийско-финскую этноязыковую общность. Она явилась своеобразной «вуалью», накрывшей уже существовавшие прибалтийско-финские группировки. Эта культура оставила следы языковой и культурной близости прибалтийско-финских и поволжских финно-угорских народов (ранние следы подобного родства восходят

еще к эпохе неолитической гребенчато-ямочной керамики). Можно предположить, что некоторые черты сходства этнографического костюма ижоры, зафиксированного в конце XVIII в., с элементами одежды поволжских финнов восходит именно ко времени распространения текстильной керамики.

Для всех поселений раннего металла на исследуемой территории характерна крайняя бедность культурного слоя находками: обнаружены мелкие кварцевые отщепы, незначительное количество сланцевых и кремневых орудий, керамика, порой отмечен разновременный характер обнаруженных предметов. Подобный материал заставляет придти к выводу, что люди поселялись здесь неоднократно, но на непродолжительное время. Такой тип поселений характеризует экстенсивный, присваивающий тип хозяйства жителей Северо-Запада, занимавшихся охотой и рыболовством. И это требует постоянных передвижений. Вероятно, подобному населению рубежа нашей эры и соответствуют «фенны», упомянутые Тацитом в 98 г. Они отличались «удивительной дикостью и ужасной бедностью», жили в шалашах, не имели оружия и кормились исключительно охотой³⁰.

В западной части исследуемой территории в последние годы обнаружены археологические памятники так называемого римского времени — первой половины I тысячелетия н.э. Это погребения и случайные находки, которые могут происходить из разрушенных погребений. У водских деревень Валговицы и Великино были открыты поверхностные каменные кладки, которые многие исследователи связывают с культурой эстонских каменных могильников. Комплекс в Валговицах не содержал остатков захоронений, а по инвентарю (фрагмент точильного камня, два железных и один бронзовый браслет, железный кельт) датировался I-II вв. н.э. Из вымостки у дер. Великино с трупосожжениями происходили предметы III-IV вв. н.э. (железные булавки и часть косы-горбуши)³¹.

С римским временем связывают и часть предметов из могильника у дер. Войно-солово.³² В последние годы изучается каменный могильник у дер. Удосолово, где обнаружены вещи I-II вв. н.э.: глазчатые фибулы, железные булавки, ножи-косари.³³

Лесные массивы Северо-Запада давали древним охотникам обильную пищу. Вместе с тем, о начатках земледелия можно судить по материалам уже упомянутой каменной кладки у дер. Великино, где были обнаружены остатки косы-горбуши и по находкам ножей-косарей у дер. Удосолово. Возможно, именно местные охотники потеряли, а может, и принесли в жертву овальные кресала — их обнаружили в дер. Выбье на Кургальском полуострове и в дер. Куземкино на нижней Луге. Каменные кресала многими исследователями рассматриваются в качестве археологического свидетельства охотничьего промысла в период V-VII вв. н.э.³⁴ В таежных районах Финляндии овальные огнива являются сви-

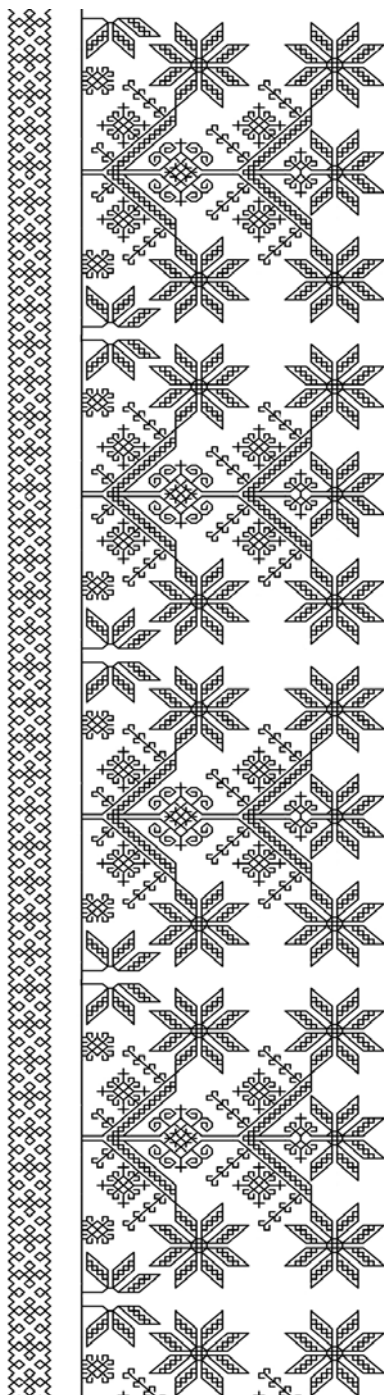
Каменное кресало из д. Выбье в низовьях реки Луга

детельством дальних охотничьих походов. Однако стоит обратить внимание на распространенность овальных кресал в местах, пригодных для возделывания полей. Вполне вероятно, что они связаны с выжиганием леса и поклонением богу грома Укко и могут говорить о раннем подсечно-огневом земледелии³⁵.

В целом памятники железного века на территории Северо-Запада практически отсутствуют. Лишь несколько более ранних поселений доживает до VI-VII вв. н.э.³⁶ Подобная картина наблюдается и на Карельском перешейке, и в юго-восточном Приладожье, и в северо-западных и южных землях современной Ленинградской области. На наш взгляд, это связано лишь с малой изученностью памятников первой половины I тыс. н.э. Можно предположить, что в указанный период все эти земли занимали группы прибалтийско-финского населения, близкие в культурном отношении. Вероятно, существование такого прибалтийско-финского конгломерата обнаруживается в сообщении готского историка Иордана о покорении Германарихом в IV в. «северных племен», под именем «Tchoudens»³⁷, легко сравнимого с «чудью» «Повести временных лет». Малая искаженность приводимых готским историком этнонимов свидетельствует о наличии доброкачественного в географическом отношении источника. Скорее всего, он представлял собой перечень народов восточного пути из Северной Европы на Волгу, пролегавшего через или вблизи Ладожского, Онежского и Белого озер. Именно с южной границей расселения «чуди» столкнулись славяне, начавшие активно осваивать регион Ильменского бассейна в VIII–IX вв.

Подводя итог краткому обзору археологических памятников, можно прийти к выводу о постоянном наличии населения на территории, где позднее мы встречаем ижор. Малое же количество обнаруженных памятников и невозможность их точного этнического определения является лишь результатом отсутствия планомерных поисков. Возможно, будущие исследования прояснят этот длительный, но невероятно важный период истории. Тогда самые отдаленные века приблизятся к нам, и, поняв прошлое, мы сделаем свою жизнь длиннее на тысячи ушедших лет.

ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИЖОРЫ

Происхождение ижоры — самый проблемный и трудноразрешимый вопрос истории этого народа. Как определить дату возникновения народа? С какого момента безнадежно ушедшего времени разрозненные люди или племена вдруг начинают осознавать себя неким единством, некой сплоченной группой, непохожей на соседей, со своим языком, своим образом жизни? В какой год возникает понятие «границы», и люди, разделенные невидимой чертой, начинают смотреть друг на друга не просто настороженно, как раньше, а с чувством определенного превосходства, с мыслями «мы — здешние, мы — люди этой земли, а вы — чужие для нас»? Когда эту объединившуюся группу начинают признавать другие народы, видя в ней порой друга, но, чаще, врага?

Мы не ответим на эти вопросы. Мы лишь сможем попытаться нащупать некую условную временную грань. Грань, перед которой стояли отдельные местные племена, почти ничем не выделяемые из десятков других разобщенных и в то же время похожих друг на друга племен. Грань, за которой мы можем уже различить народ со своей самобытной культурой, со своим хозяйственным укладом, со своей собственной уникальной историей.

Сначала рассмотрим те гипотезы происхождения ижоры, которые в течение двух веков встречаются в научных трудах. Сразу следует отметить, что никто из исследователей никогда

целенаправленно не изучал этот вопрос. Более того, высказанное более 170 лет назад известным финно-угроведом А. Шёгреном замечание о сходстве современных ему ижор с карелами³⁸, послужило небывало прочным основанием для почти всех последующих гипотез. Различия в этих гипотезах происходят, главным образом, из разрешения дилеммы: являются ли ижоры и карелы (имеются в виду древние карелы, жившие когда-то на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье) «равноправными» потомками некогда единого племенного образования, или ижора — лишь довольно поздно отделившаяся часть карел.

Гипотезы «позднего» происхождения ижоры наиболее широко распространены в трудах лингвистов. Суть их заключается в том, что происхождение ижоры связывается с относительно поздним продвижением в бассейны рек Невы и Ижоры части древних карельских племен и с их последующим обособлением. Так, известный советский финно-угровед Д.В. Бубрих писал: «На грани XI и XII вв., согласно различным данным, карела стала продвигаться к Неве. Одна ее группа вышла к устью Невы и стала известна под именем Inkere, ижоры, получившей свое название от реки, впадавшей в Неву с юга. Эта группа карелы, оказавшаяся в особом экономическом положении и в особых отношениях к политическим силам того времени, рано обособилась»³⁹. По мнению эстонского лингвиста П. А. Аристэ, отделение ижоры от карел произошло несколько раньше, в конце I тыс. н.э.⁴⁰. Исследователь ижорских диалектов А. Лаанест вернулся к точке зрения Д.В. Бубриха: «Не позже первых веков настоящего тысячелетия часть древних карел поселилась на территории между Гатчиной и р. Волхов и заложила основу племени ижора»⁴¹. Следует заметить одну очень важную особенность всех этих гипотез: основания для хронологических привязок своих теорий лингвисты находят в трудах археологов и историков. Но и археологи делают выводы не самостоятельно, а опираясь на предположения лингвистов и на отсутствие археологических памятников ижоры I тысячелетия нашей эры. Таким образом, создавалась своеобразная «круговая порука» — постоянная ссылка лингвистов, археологов и историков друг на друга, и именно она явилась причиной широкого распространения отмеченной гипотезы. Более того, с каждым новым печатным трудом это, вначале лишь простое замечание о схожести народов, становилось все более и более авторитетным мнением.

Другая гипотеза наиболее полно представлена в исследованиях известного финского лингвиста Р.Е. Нирви. По его мнению, из области юго-восточного Приладожья, с территории близ реки Волхов, пракарельское население (т.е. племена, из которых затем произошли карелы) начинает распространяться по трем направлениям. Во-первых, вдоль восточного берега Ладожского озера на север, на Олонец. Во-вторых, через Ладогу на северо-запад в район современного При-

озерска. И, в-третьих, на запад, в долину рек Ижоры и Невы. Отсюда потом происходит разделение на позднейшие места обитания ижор: на север — на Карельский перешеек, на юг — на верхнее течение реки Луги, на запад — на реку Коваши и Сойкинский полуостров вплоть до устья реки Нарвы⁴². Сразу скажем, что Р. Нирви, строя свою гипотезу на лингвистическом материале, привлекает неправильно интерпретируемые археологические данные, относимые к ижоре. Схожей точки зрения придерживался и финский историк Х.Киркинен, считая, что ижоры были периферийной частью пракарельского племени, и пришли в Ингерманландию с юго-востока⁴³. Позже он выдвинул гипотезу, согласно которой ижоры и карелы отделились от общего народа — предка в эпоху викингов и крестовых походов (800-1150 — 1300 гг. н. э.). Таким общим предком была населявшая новгородские земли чудь, которая с течением времени расселялась во все стороны, причем та ее часть, которая обосновалась в Ингерманландии, и положила начало образованию ижорского племени⁴⁴.

Против упрощенного схематизма гипотез, рассматривающих ижору как позднее ответвление от карелов, высказались замечательные эстонские исследователи Х.А. и А.Х. Моора. Они представили иную теорию этногенеза, где во внимание принималось наличие поздненеолитических находок, обнаруженных в пределах ижорских территорий. По мнению исследователей, «основу формирования ижоры образовал древний местный субстрат». Но, все же они соглашались с тем, что с основной территории своего обитания в бассейне Невы ижора уже с очень ранних времен расселялась в западном направлении по низменному побережью Финского залива до низовья р. Нарвы⁴⁵.

Подводя итог краткому историографическому обзору теорий этногенеза ижоры, необходимо заметить, что главной причиной столь разнородных мнений была, без сомнения, недостаточная археологическая изученность районов расселения ижоры. Еще в 1937 г. финский археолог А.М. Талльгрэн отметил: «Пришли ли ижоры как совершенно новый элемент, из Финляндии в 1050-1100 гг. н.э. на территории Северной и Восточной Ингрии, на побережье Невы, в местности, которые еще в эпоху викингов были ненаселенной тайгой, или же мы имеем дело с поздней ступенью более древнего, еще неизвестного нам населения, пока невозможно решить».⁴⁶

Вместе с тем, проведенные нами в последние 25 лет археологические раскопки памятников средневековой ижоры и последние находки, сделанные петербургским археологом Петром Сорокиным на реке Мге, позволяют нам создать новую концепцию происхождения и ранней истории ижоры. (Сейчас мы лишь очертим ее, но более заинтересованный читатель сможет найти конкретные данные в предстоящей и последующих главах).

Только тогда мы поймем, почему и как появляется ижора, когда осознаем, как действовал механизма создания и выделения раннесредневековых культур коренного населения Северо-Запада. Когда мы представим, как из «неясного» в этническом отношении и «размытого» в культурном аспекте населения под влиянием определенных причин вдруг прорываются яркие, самобытные, известные в Европе и поражающие нас своей необычностью средневековые культуры местных народов.

В предыдущей главе нам с вами удалось немного прояснить картину самого раннего заселения этой земли. Мы увидели, как на основе незначительного по численности коренного населения на обширной территории Северо-Запада к железному веку создалось некое единство близкородственных племен охотников и рыболовов. У этого конгломерата был близкий способ присваивающего хозяйства (охота, озерное, речное и морское рыболовство), т.е. были и почти одинаковые орудия труда. Для него характерна довольно единообразная археологическая культура смешанной керамики (текстильной, штрихованной и неорнаментированной гладкой) — а это говорит о близком бытовом и культурном укладе. Эти племена говорили на схожих диалектах, восходящих к древним прибалтийско-финским диалектам. У них были сходные черты языческого культа и фольклора, сохранявшиеся до недавнего времени.

Различия между отдельными группами указанного более или менее единого массива населения заметно усиливаются лишь тогда, когда они вступают в контакт с населением более развитых регионов, обладавших в то время более значительным культурным и хозяйственным потенциалом и гуще заселенных.

Сначала эти контакты географически очень широки и довольно слабы. И именно благодаря этим контактам, в археологических памятниках Северо-Запада появляются необычные, но единичные предметы, которые происходят из совсем других культур. И здесь многие исследователи делают ошибку, полагая, что эти вещи — результат прихода нового населения, итог миграций. Но сами вещи распространяются легко — торговля, обмен, грабеж и еще десятки причин способствуют «путешествиям» вещей без их создателей. Особенно часто это происходит тогда, когда свое, местное производство развито слабо (нет сырья или навыков), а привозные вещи столь красивы и добротно сделаны, что сразу могут стать знаком богатства или знатности.

Однако в последней четверти I тысячелетия нашей эры эти контакты с развитыми соседями усиливаются. Западная Финляндия усиленно влияет на население Карельского перешейка, Балтийский регион и Эстония — на предков приграничной води, нарастающий славянский поток — на земли новгородской и приладожской чуди. И это влияние становится столь сильным, что происходит «разрыв»

былого почти единого массива населения на отдельные племенные образования. Эти новые племена известны нам либо по историческим и археологическим источникам (как корела и водь), либо только по археологическим памятникам (как приладожская чудь).

Однако создание этнических образований и связанное с ним становление самобытных археологических культур зависело не только от влияния трех указанных этнокультурных массивов Северной Европы. Оно происходило, несомненно, на основе двух равноправных составляющих: культурно-хозяйственных импульсов «извне» и «проснувшихся» природно-хозяйственных потенциалов изнутри. Причем характер этих местных, до сей поры скрытых возможностей экономического развития в разных зонах «чудского» массива мог быть совсем разным. У корелы и води сыграли роль плодородные земли, значение которых резко возросло лишь после привнесения культуры пашенного земледелия. В формировании культуры «приладожской» чуди важной составляющей стало расположение на северном участке Великого Волжского пути вблизи одного из крупнейших международных торговых и ремесленных центров — Ладоги.

Конечно, был и приход нового населения. При этом часть коренного населения, особенно в экономически выгодных регионах, подвергалась не только культурному и хозяйственному влиянию, но и частичной ассимиляции, что произошло, например, в Приильменье, в Полужье, на большей части земель Ижорского пла-то и т.д., когда там появились группы славянского населения.

А что же происходило в это время с предками ижор? Почему население южного и северо-восточного берегов Финского залива, бассейна реки Невы и ее притоков, а также юго-западного Приладожья (т.е. земель, где позднее известны ижоры) не создает ранней яркой самобытной культуры? Ведь оно было на стыке всевозможных влияний (и следы этих влияний мы обнаруживаем в ижорских средневековых погребениях)! Поиск причин приводит нас к мысли, что здесь главную и, увы, отрицательную роль сыграло отсутствие местных хозяйственно-экономических потенциалов, которые бы соответствовали уровню внешних влияний. Земли здесь были непригодны или малопродуктивны для уровня земледелия того времени. Не случайно большая их часть осваивается лишь концу средневековья, а некоторые земли так и остаются невозделанными до сих пор. Косвенным свидетельством позднего перехода ижоры к земледелию служит отсутствие упоминаний об ижоре в сообщениях о неурожаях и их последствиях (особенно голоде) для других уже земледельческих народов (корелы, води, жителей Новгородской округи), которыми насыщены средневековые летописи. Об этом говорит и «неосновательный» вплоть до XIV-XV вв. ижорский погребальный обряд (смотри главу «Культ мертвых»). Не было здесь и ранних городских

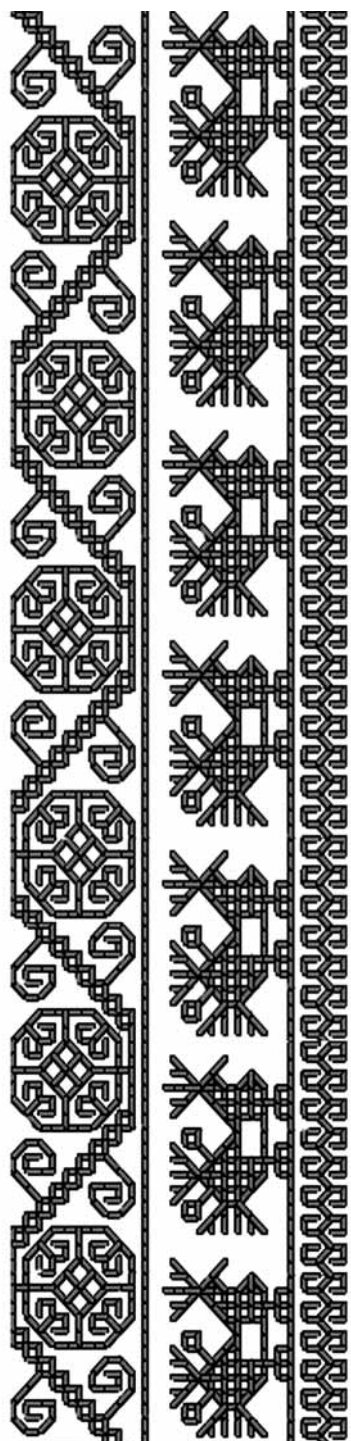
центров, способных консолидировать местное население, ориентировать их на иной путь развития, более развитый или более выгодный (эту роль уже взяла на себя Ладога).

Именно поэтому ижора как народ появляется на исторической сцене так поздно, хотя ее предки жили на этих землях, возможно, уже тысячи лет.

Ижоры из д. Озерешно. Фотография Й. Луккаринена. 1911 г.
Музейное Ведомство Финляндии

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛОВА «ИЖОРА»

Прежде всего следует разобраться, откуда, как и когда возникло само название «ижора».

О происхождении имени народа *ингере/инкери/ижора* существует много предположений. Самая ранняя гипотеза, выдвинутая еще знаменитым российским историком В.Н.Татищевым, выглядит маловероятной⁴⁷ и рассматривается ныне как исторический анекдот, хотя в популярных изданиях ее вспоминают довольно часто. Уже слишком привлекательно связать непонятное название *ингере* с именем Ингигерды, жены князя Ярослава, получившей северо-западные земли в качестве приданого!

Позднее, в середине XIX в. известный географ Петр Кеппен предположил, что первоначально это имя носил приток Невы, а лишь затем оно перешло на живущее по берегам население, полагая, что слово «ижоряне» новгородцы стали употреблять для того, чтобы отличить карел, живущих по реке Ижоре от остальных карел⁴⁸. Того же мнения придерживаются некоторые финские и эстонские ученые⁴⁹. Ряд других исследователей полагает, что этноним *ингере* восходит к личному княжескому имени Игорь (в формах Ингор, Ингер, Ингорь)⁵⁰.

При оценке всех этих предположений следует обратить внимание на ряд принципиальных моментов:

— во-первых, в древнерусской этнонимике отсутствует традиция обозначения народа по личному имени;

— во-вторых, по крайней мере, на обширной территории Северо-запада не прослеживается способ наименования племени на основе гидронимов или топонимов, географическое название может быть лишь добавочным именем (например, Кобылицкая Корела, Чудь Заволочская и т.д.);

— в-третьих, внимания достойно следующее замечание: рядом с рекой Ижорой в Неву впадает река Славянка (известная по материалам писцовых книг XV — начала XVI вв. как Словенка). Данная антитеза «Ижора» — «Словенка», более явно проступающая в местном прибалтийско-финском наименовании как *Inkereenjoki* — *Venjoki* («Ижорская река» — «Русская река») несет в себе смысл явного этнического противопоставления и может указать на вторичность наименования обеих рек;

— в-четвертых, относительная древность исследуемого этнонима подтверждается тем, что его происхождение неясно и не выводится прямо из какого-либо языка. Ведь у самого народа не было необходимости давать себе особое название. Изучение механизма возникновения самоназвания у многих народов показывает, что сам народ обычно называл себя на своем языке «люди» или «народ нашей земли». Особое название, порой основанное на каких-либо внешних ярких чертах культуры, определенному народу давали соседние племена или народы. И со временем именно это внешнее название (экзоэтноним) становилось самоназванием (эндоэтнонимом). Поэтому истоки названия народа чаще всего следует искать не в языке этого народа, а в языках его древних соседей.

Хотя есть попытки связать появление *ингере/инкере* с различными прибалтийско-финскими словами, Так, например, эстонский лингвист Ю. Мягисте полагает, что это имя восходит к древнему прибалтийско-финскому слову *ankerias* («угорь»)⁵¹. А знаток ингерманландской истории и культуры пастор Арво Сурво, сравнив некоторые прибалтийско-финские топонимы и тексты калевальских рун, выдвинул гипотезу о связи слова *inkere* с понятиями «изгиб реки» и «круг».⁵²

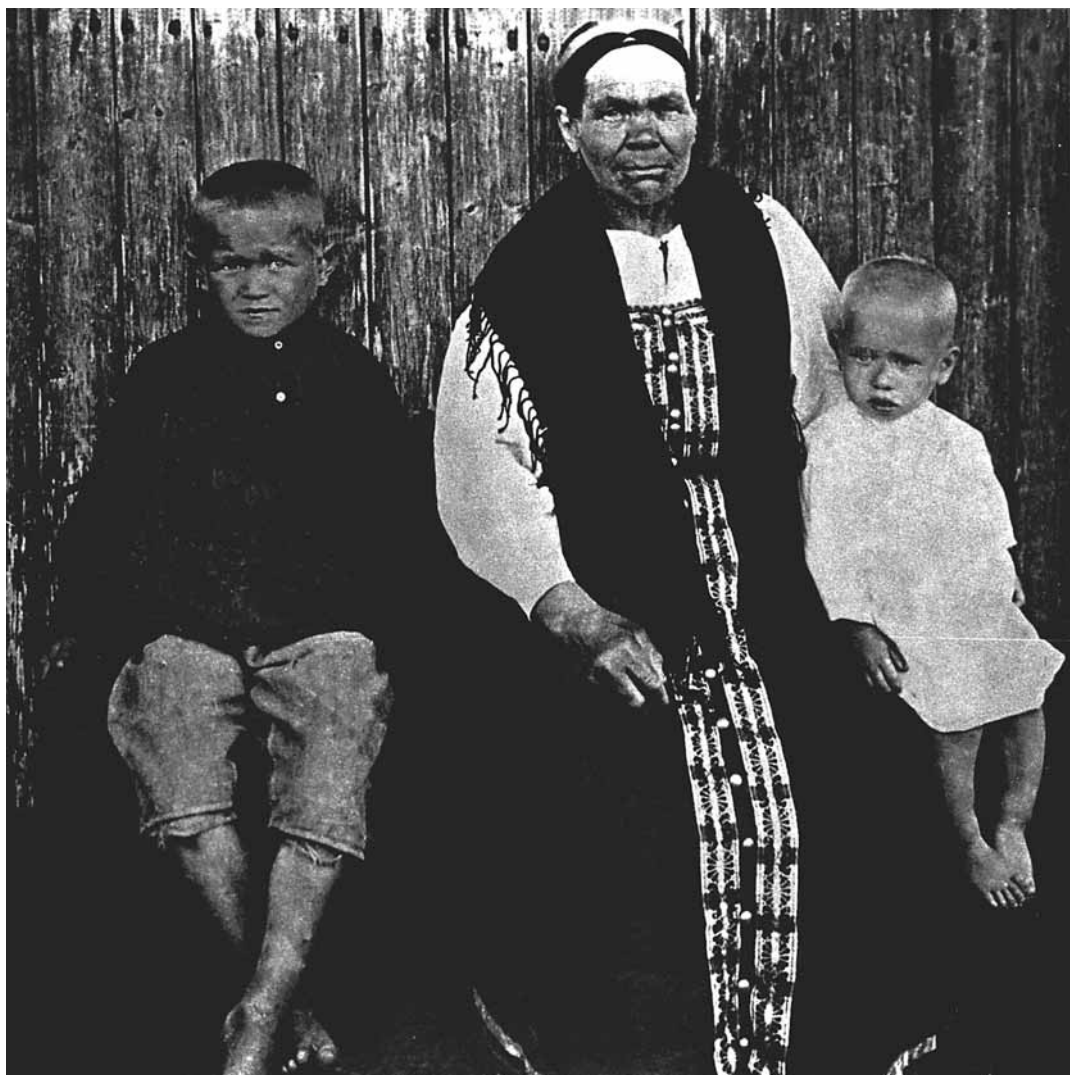
Это древнее слово *ингере* сохранилось в самоназваниях ижоры. Так, по берегам реки Хэваха (Коваши) ижоры еще недавно называли себя — *ингеройсет* (в единственном числе — *ингеройнен*), а на севере, в вуолских и лембаловских лесах — *инкерикот* (в единственном числе — *инкерикко*).

Именно от этого неясного нам сейчас слова *ингере* произошло и русское наименование народа *ижора* и собирательное название *ижоряне* (*ижеряне*). И хотя кажется, что эти слова не очень-то и похожи, но по законам древнерусского языка переход прибалтийско-финского сочетания согласных «нг» в русский звук «ж» — закономерное явление.

Учитывая сказанное, на наш взгляд, следует отказаться от попыток объяснить происхождение слова *ингере/инкере/ижора* на основе сравнительно позднего

перенесения на народ чьего-либо личного имени или названия реки. Впереди нас могут ждать и новые предположения, но, пожалуй, мы никогда так и не узнаем, откуда произошло это непонятное всем название. История с трудом открывает нам давно перелистанные страницы.

Для нас важно, что уже начиная с XII в. этноним *ингере* и его производные (латинские *ingrier*, русифицированные *ижора* и *ижоряне* и т.д.) выступают ясным этническим определителем — как название самостоятельного и невероятно интересного народа.

Бабушка-ижорка с внуками. Фотография Д.Золотарева. 1926 г.
Российский этнографический музей

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИЖОРЫ

Многие археологи сравнивают землю с огромной почти непознанной книгой. И мы, раскапывая слой за слоем, поднимаем наше прошлое страницу за страницей. Но мы не помним языка, не знаем правил грамматики. Мы с трудом различаем лишь буквы. И по их очертаниям пытаемся понять, о чем эта книга. Так, по случайно сохранившимся, брошенным или утерянным предметам мы пытаемся восстановить тысячелетия истории. Так, по отдельным памятникам средневековой поры мы будем представлять себе столетия жизни целого народа. Но каждый раз, упоминая ножи и горшки, фибулы и топоры, мы будем помнить, что это были чьи-то вещи, кто-то их берег, гордился ими или отдавал умершим как последний свой подарок. Нам нужно проделать путь от ржавых и потускневших предметов к ушедшим людям.

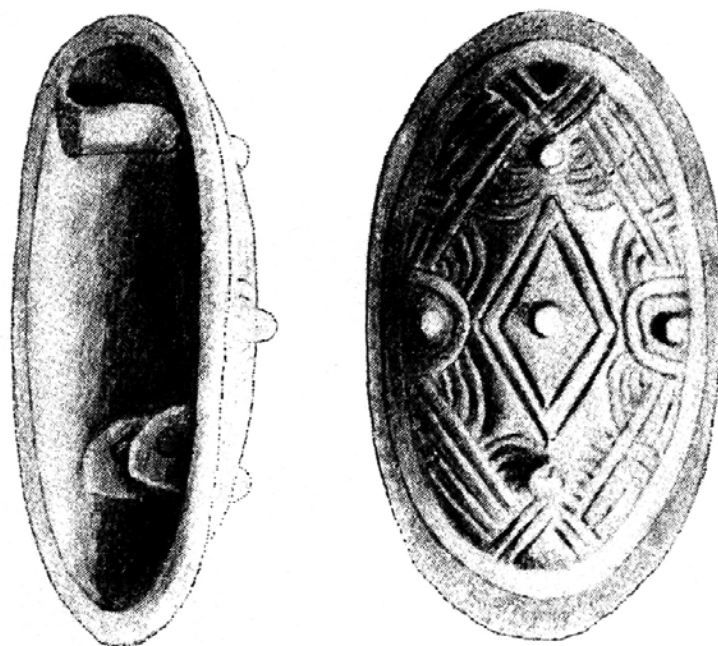
Поэтому эта глава будет, может быть, излишне подробна. Я расскажу о средневековых ижорских могильниках и находках, о древнем погребальном обряде и архаичных представлениях о смерти.

До недавнего времени ранняя история ижоры была представлена очень малым числом археологических памятников, которые дали крайне разнородный материал. По сложившейся традиции, к средневековым археологическим памятникам ижоры относили ряд грунтовых могильников и случайных находок, обнаруженных в зоне,

где расселение ижоры отмечено историческими и этнографическими источниками и, прежде всего, это касалось восточной части территории ижоры.

МОГИЛЬНИКИ И НАХОДКИ

Самая ранняя находка в восточной ижорской зоне — так называемая овальная «черепаховидная» фибула X-XI вв. Она была случайно обнаружена в Келтто (современный поселок Колтуши Всеволожского района Ленинградской области)⁵³. Такие украшения часто называют карельскими фибулами. Но внимательный анализ показал, что больше всего таких фибул было найдено не на Карельском перешейке, а в юго-восточном Приладожье, есть они и в Прибалтике, и в Финляндии, и на знаменитом торговом острове Готланд. Нам удалось найти сведения еще о двух подобных фибулах из того же района — одна была обнаружена немного севернее, в приходе Вуоле, другая — в деревне Порошкино. Недавно две овальные фибулы были выкопаны «черными» археологами на берегу реки Мги, несколько подобных фибул получено и в результате раскопок П.Сорокина обнаруженного в том же месте могильника.

Фибула XI-XII вв. из д. Келтто (Колтуши) на Карельском перешейке

В районе расселения ижор по реке Хэваа (Коваши) в 1866 г. замечательным коллекционером А.М.Раевской был частично раскопан могильник в Урочище Черном, близ д. Усть-Рудицы, давший смешанный финско-древнерусский инвентарь XIV-XVI вв. при южной ориентировке погребенных⁵⁴.

В 1908 г. в нижнем течении реки Ижора, у церкви в деревне Инкере-Войсково при земляных работах были найдены два черепа и наборы вещей конца XII-XIII вв. В состав предполагаемого женского погребения входили как вещи карельской культуры («черепаховидная» фибула со звериным орнаментом, круглая серебряная застежка, две подковообразные фибулы), так и древнерусской культуры (витая шейная гривна, часть височного кольца «новгородского» типа) и др. Вероятно, к мужскому погребению относились копье и топор⁵⁵.

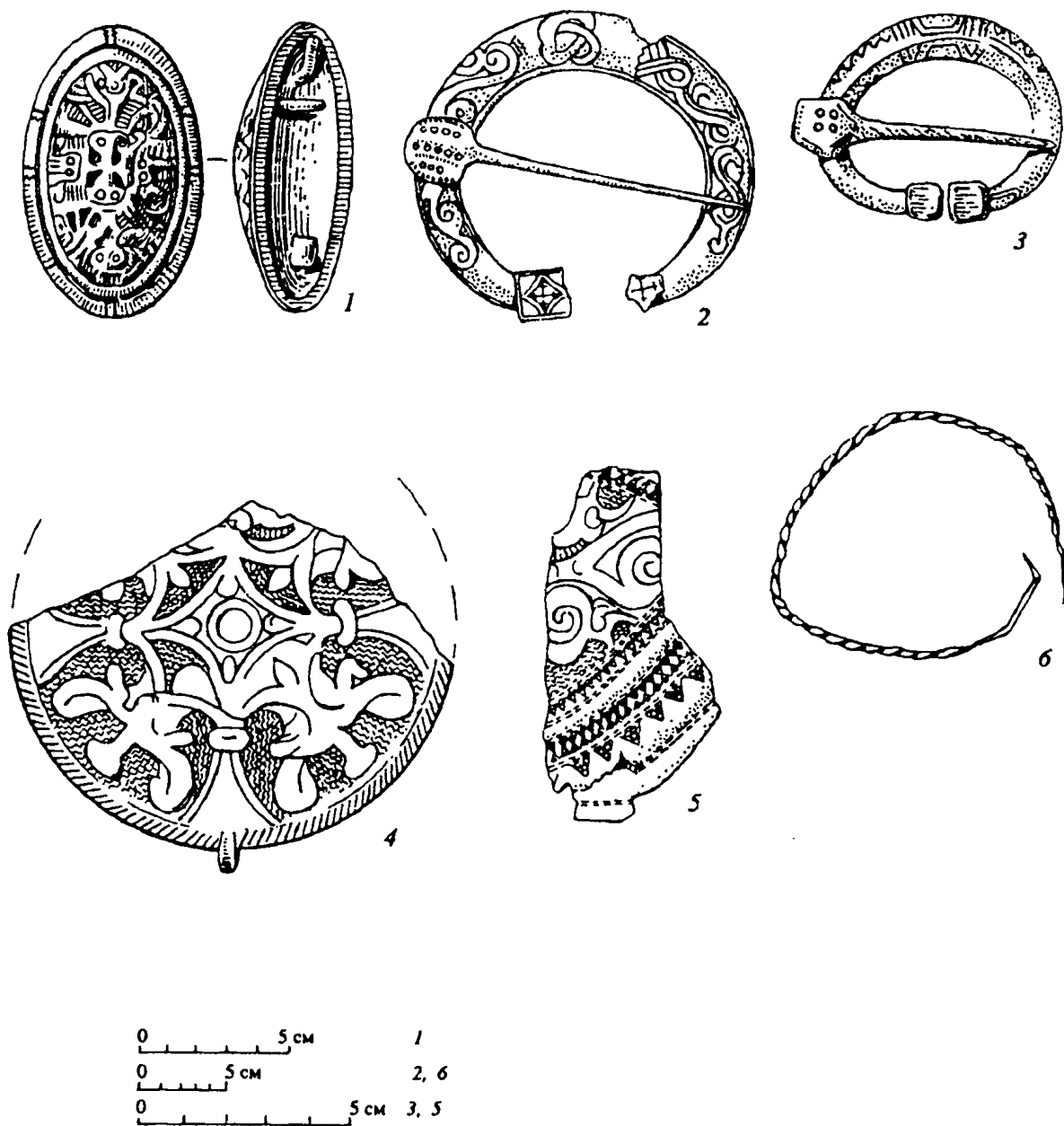
Такой же смешанный облик имели находки из разрушенного грунтового могильника последней четверти XII-XIII вв., открытого при разработке карьера близ станции Пупышево (Пунуши). Правда, «корельского» здесь было совсем мало — всего две «черепаховидные» фибулы из более чем 20 древнерусских предметов (височных колец, решетчатых подвесок, лунниц, бус, фибул, перстней и браслетов)⁵⁶.

Ко второй половине — концу XIII в. относят ряд вещей, обнаруженных в 1904 г. при прокладке железной дороги у деревни Мишкино, между реками Мга и На-зия, на территории средневекового Ижорского погоста. Полагают, что это остатки одного женского погребения с целостным набором женских металлических украшений, подобных убору средневековой корелы. Кроме того, был найден и медный котел⁵⁷.

Случайные находки происходят и из крепости Орешек, основанной в 1323 г. в истоке Невы. Среди них вещи, относимые рядом исследователей к карельской культуре («черепаховидные» фибулы со звериным и раковидным узором, часть спирального цепедержателя), и древнерусские предметы, и украшения общего финно-угорского облика (так называемые коньковые подвески)⁵⁸.

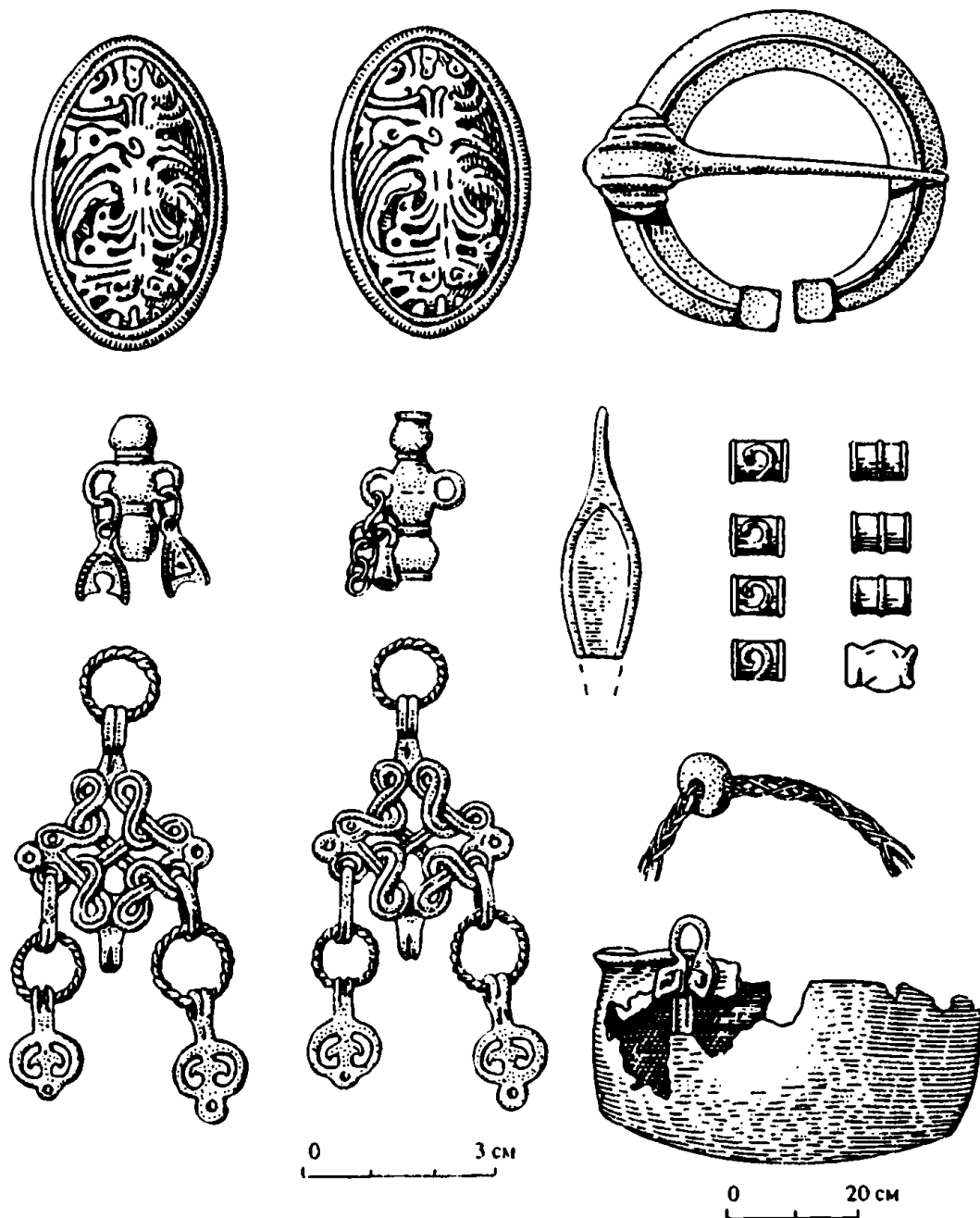
Традиционно к ижорским древностям относили и могильник, обнаруженный в городе Гатчина в начале 1930-х годов⁵⁹, но детальный анализ инвентаря, обрядности и, главное, антропологические измерения заставляют отказаться от его «ижорской» принадлежности⁶⁰.

Кажется странным, что так мало находок сделано в восточном районе расселения ижоры. А ведь по писцовым книгам 1500 г. мы знаем, что на берегах Невы было 55 деревень, Ижоры — 45, Славянки — 17, в устье Тосны — 16 поселений. Значительное число деревень было на землях к северу и югу от Невы. Трудности обнаружения археологических памятников ижоры, прежде всего, связаны с тем, что ижорские могильники были грунтовые (т.е. захоронения совершались в ямах)

Некоторые предметы из погребений XII-XIII вв.
из Инкере-Войскорово на реке Ижора

Предметы XIII в. из разрушенного погребения у д. Мишкино

и не имели сохраняющихся долгое время внешних признаков. Кроме этого, при нашем климате и качестве почв костный материал и металлические вещи сохраняются плохо. Заметим, что все указанные погребения были обнаружены случайно. При массовой и всегда поспешной застройке приневских территорий на подобные находки могли не обращать внимания. Но обнаружение ижорских могильников еще впереди. Так, в 1990-2005 гг. на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей было выявлено и частью исследовано несколько разрушенных грунтовых могильников: на левом берегу реки Фонтанки (во дворе Шереметевского дворца), у устья р. Охты, в Павловске (при слиянии рек Тызвы и Славянки), на стрелке Васильевского острова. При более детальном исследовании могильника на р. Фонтанке было выявлено 31 захоронение XIV-XVII вв. с незначительным количеством инвентаря и остатками керамической посуды (любопытно, что у погребенных ножи находились рядом с головой — так же, как и в западно-ижорских погребениях, которые мы рассмотрим ниже). В 2005 г. Петром Сорокиным в восточном ареале расселения ижор, у дер. Кирсино, на берегах реки Мги был раскопан могильник и обнаружено несколько погребений, совершенных практически на материке и перекрытых невысокими насыпями с каменными кольцевыми обкладками. Из-за почти поверхностного обряда захоронения костяки не сохранились, но погребения содержали замечательные богатые наборы вещей: мечи, боевые топоры, медный котел, черепаховидные фибулы, различные подвески и керамику. В целом, погребальный инвентарь включал в себя наиболее распространенные предметы «корельского» облика, украшения, распространенные в Юго-Восточном Приладожье и в более восточных финских регионах и некоторые обще-древнерусские вещи, датируемые XI-XIII вв.⁶¹

Наши исследования позволили к перечню восточных ижорских могильников добавить еще четыре: могильники у деревни Поречье бывшего Шлиссельбургского уезда⁶², на холме Калмояки в деревне Мистолово бывшей Осинорощинской волости С.-Петербургского уезда⁶³ и близ деревни Лемболово⁶⁴.

К ижоре можно отнести и семь неисследованных грунтовых могильников — у деревень Ропша, Верхняя Рудица, Карлино, Реполка, Лезья (2) и близ Красного Села⁶⁵.

При рассматривании карты распространения могильников казалось странным, что огромное пространство южного берега Финского залива от устья Невы до устья Нарвы — районы населенные ижорой вплоть до сегодняшнего дня — почти столетие являлись «белым пятном», никогда не подвергавшимся исследованию. Лишь в 1963 г. в низовьях Луги в деревнях Краколье, Остров и Лужицы были выявлены три грунтовых могильника и получены сведения о средневековых захоронениях у деревни Липово на Курголовском полуострове⁶⁶.

Предметы из могильника у д. Кирсино на реке Мга (раскопки П.Сорокина)

Когда в 1979 г. я с тремя университетскими сокурсницами впервые поехала в экспедицию, то целью было лишь обнаружение водских могильников (тогда еще археологические памятники этого, не менее чем ижора интересного народа, не были обнаружены, и многие из нас «бредили» открытием воды!). Мы решили зайти в водские земли с севера и оказались на Сойкинском полуострове. И вдруг со всех сторон, почти в каждой деревне, на нас «посыпались» рассказы о таинственных синих огнях на древних «руусенкалмет» («шведских кладбищах»), о костях людей, «которые раньше были выше нас, ну как великаны», и чьи остатки «случайно вспахал дед деда еще 100 лет назад, вот тут, за огородом», о жалобных голосах убитых шведами детей, которые «в осеннюю ночь всегда слышны на берегу Систы за сараем» и многое, многое другое.

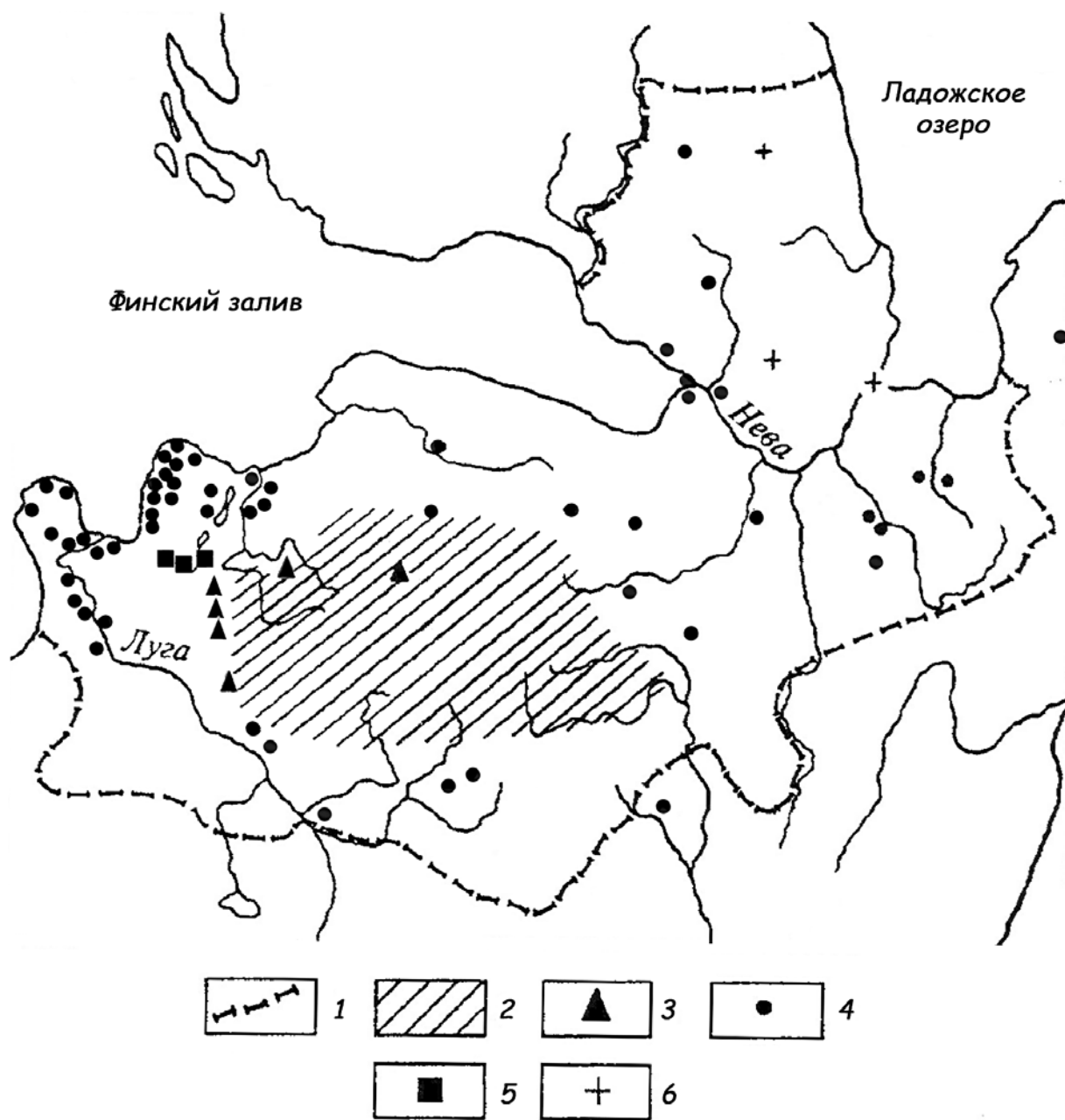
Я думала сначала, что это легенды и «страшные» сказки — сколько я их слышала в детстве! Но слишком четко указывались в этих рассказах места, слишком много было людей, которые сами видели истлевшие коричневатые кости, и слишком часто хотелось, чтобы это все оказалось правдой!

На следующий год я поехала раскапывать «шведское кладбище» на горе у деревни Гамалово. Месяц копания с 6 утра («о, как прекрасен восход солнца над горой, когда на секунду все замирает, потом проносится ветер, и встает оно, огромное, шевелящееся, вечное») до полной темноты («зачем что-либо желать, если хочется навсегда лечь в этот перемолотый песок...»). Три бесконечные стометровые траншеи глубиной 2 м — до некопаемой глины и ниже ее. И ничего. Совсем ничего.

Но я получила свой урок ижорского терпения, по которому все воздается. В последний даже не день, и не час, а в последнюю минуту перед отъездом, полностью разочарованная и решившая больше не верить «народным» истинам, закончив последнюю траншею ровно на отметке 100 метров, я просто так воткнула лопату в 20 см от ее края. И лопата ударилась о старое железо. Археологи поймут меня. У каждого предмета под землей свой звук и отдача: при соприкосновении с лопатой звонко сопротивляются живые корни, и чавкающе-мягко вбирает в себя лопатное железо старое, археологическое дерево, пронзительно кричат камни и сухо отзывается керамика. А это был глухой, но непреклонный звук покрытого ржавчиной кованого железа. Так был открыт Гамаловский могильник.

После этого на территории южного берега Финского залива в зоне этнографического расселения ижоры нами были начаты исследования, в результате которых раскопаны могильники в деревне Гамалово (датированные вещами погребения XIV-XVII вв.), Урмизно (рубеж XI-XII — XV вв.), в лесу на Дубовском полуострове (XIV в.), в деревнях Большое Стремление (XIII-XV вв.), Пятчино (XV-XVI вв.), Остров (XV в.), Липово (XIV-XVI вв.) и Кайболово (XII-XVI вв.) на Кургальском полуострове. Обнаружены грунтовые могильники близ деревень Репино, Валяницы, Вистино, Пахомовка, Вейно и в месте, называемом Кульдан-марканмяки. Получены сведения о семи могильниках близ деревень Старое и Новое Гарколово, Колкомпя, Ручьи, Слободка, Кошкино, Б.Райково, М.Райково, Усть-Луга, Выбье, Б.Куземкино. В хэваском ареале расселения ижоры близ реки Коваши выявлен могильник и остатки селища⁶⁷.

При изучении финских рукописных и фото-архивов удалось получить сведения о существовании еще нескольких могильников на Кургальском полуострове и в низовьях реки Луги в деревнях Кургалово, Конново, Кулаанкюля (ныне не существует), обнаруженных в 1910 г. финским исследователем Й.Луккариненом,

Археологические памятники эпохи средневековья.

- 1 — граница Ингерманландии; 2 — ареал курганов Ижорского плато; 3 — захоронения с предметами «чудского» типа; 4 — грунтовые могильники, относимые к ижоре;
5 — водские могильники; 6 — случайные находки

причем из могильника Кулаанкюля на реке Мертвице был получен средневековый инвентарь⁶⁸.

В 1984 г. были зафиксированы остатки разрушенного могильника у д. Ропша, могильники у д. Орлы и Извоз⁶⁹. К этому перечню присоединяются и бескурганые могильники в среднем течении реки Луги у деревни Ср. Село, Ивановское, Сабск⁷⁰, а также грунтовый могильник близ озера Самро.

В оредежском ареале расселения ижоры автором обнаружен грунтовый могильник в деревне Озерешно⁷¹.

Таким образом, археологическая культура ижоры уже перестала быть белым пятном на карте средневековых культур Северо-Запада. Более того, обнаруженные ранние памятники на западе ижорского ареала однозначно говорят о том, что, по крайней мере, с рубежа XI-XII вв. ижора проживала на обширной территории от реки Нарвы до реки Лавы.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Все археологи сходятся в одном — погребальный обряд важнее вещей, обнаруженных в захоронении. Он, и только он, может более или менее достоверно рассказать о том, кем был умерший, к какому народу он относился. Ведь вещи заимствуются легко, они «путешествуют» то в ладье купца, то в суме странника, то в узле «незваного гостя». Мода существовала всегда. Легко приколоть скандинавскую фибулу или заткнуть за пояс рейнский меч, но никому не придет в голову хоронить своих умерших не так, как заведено еще дедами.

Поэтому мы сейчас найдем время и силы разобраться в том, каков был ижорский погребальный обряд, чем он был необычен, какими чертами отличался от традиций захоронения у соседей. Только так сможем понять глубинную суть археологической культуры и древнего сознания средневековых ижор.

В своих построениях мы будем опираться, в основном, на наши исследования западных ижорских могильников⁷². И не потому, что эти материалы «ближе» и «роднее» — ведь на раскопки этих памятников ушло более десятка лет. А потому, что когда случайно находили остатки древних погребений в восточных землях проживания ижоры, отмечать особенности обряда не удавалось — ведь почти все погребения уже были разрушены.

Есть у известных ижорских могильников одна особенность, которая сразу выделяет их среди памятников соседних культур — они почти всегда расположены на возвышенных местах и крутых склонах, с которых открываются красивые виды на лесные поляны, бесконечно темнеющие леса, на быстрые речки и беспредельное

море. Кажется, что это отражает не просто какие-то ушедшие представления об «иной» жизни, но и говорит о неизменном стремлении ижор к широте и свободе, ведь не только деревни «мертвых» людей, но и обычные ижорские деревни «живых» всегда занимали места, откуда было «хорошо смотреть и легко дышать».

Начало развития известного нам собственно ижорского погребального обряда во многом неясно, но раскопки двух могильников — в деревне Урмизно на реке Систе и у ныне не существующей прибрежной деревни Кайболово на Кургальском полуострове — помогут нам сделать некоторые предположения.

Средневековое кладбище в Кайболово граничило с плотной вымошкой из камней различной величины, среди которых было обнаружено железное копье, датирующееся по аналогиям XI в. Но сама вымошка, близкая по облику таким же сооружениям, обнаруженным в ареале расселения води близ деревень Валговицы и Великино, выводит достоверно ижорские памятники на общий «чудской» пласт древностей Северо-Запада I тыс. н.э.

На могильнике в Урмизно мы обнаружили остатки частично сожженного тела, захороненного в небольшую ямку глубиной в 15 см. Оно располагалось рядом с находившимся на глубине всего 16 см захоронением уже несожженного тела, сопровождавшегося самой ранней находкой среди всех раскопанных здесь могильников — фибулой с маковидными головками (ее датировка — XI — начало XII в.). И вблизи каждого более позднего погребения были следы горевших когда-то кострищ.

Таким образом, мы можем предположить, что к концу XI в. происходит переход от поверхностных кремаций (сожжений) к практически поверхностным ингумациям (захоронениям несожженного тела). Почему этот вывод для нас важен? Во-первых, потому, что сожжения умерших с помещением остатков в небольшие ямки — это обряд, отмеченный и в других районах Северо-Запада, например, в Северном Причудье в X-XI вв. Значит, это подтверждает наш вывод о том, что ижора по происхождению коренное местное население. Во-вторых, становится понятным отсутствие на исследуемой территории археологических памятников конца I тысячелетия нашей эры — ведь их практически невозможно обнаружить!

Ранние ижорские захоронения по обряду трупоположения совершены под дерном, в слегка заглубленных овальных узких ямах, поверхностных каменных конструкций не имеют, ориентировка погребенных — северная или приближенная к северной, иногда — западная. Вещи в захоронениях почти отсутствуют. Подобные погребения датируются XI-XIV вв.

Затем могильные ямы становятся несколько глубже, иногда появляются нерегулярные каменные обкладки. Ориентировка умерших — северо-западная и западная. В погребальном инвентаре обязательно присутствуют железные

ножи, очень часто — фибулы, в отдельных случаях — монеты и предметы вооружения (боевой топор, наконечник стрелы, боевой нож), редко — украшения (кольца, бубенчик, бронзовая спиралька, браслет, украшение из колечек, бронзовые или янтарные кресты, бусины), столь же редко — бытовые предметы (кремни, бронзовые иглы, оселки). Керамика иногда обнаруживается на дне могил. Захоронения такого типа можно датировать XIV-XVI вв.

В дальнейшем глубина овальных могильных ям достигает 0,6-1 м. В большинстве случаев присутствуют поверхностные каменные обкладки, как правило, плотные и регулярные. Иногда могилы отмечены каменными плохо вытесанными крестами. Ориентировка умерших — западная и юго-западная, используются для захоронений деревянные колоды и гробовища. Инвентарь представлен же-

Железные топоры и кольцевидная серебряная фибула из могильника у д. Гамалово и фибула с маковидными головками из могильника у д. Урмизно

лезными ножами, иногда — шведскими или русскими монетами и бронзовыми нательными крестами, очень редко — украшениями (проволочная серьга, бусина). Остатки горшков и мисок обнаруживаются рядом с могилами под дерном. Датируются подобные погребения XVI-XVIII вв.

Таким образом, описанный ижорский обряд бескурганного погребения совершенно отличен от славянского или древне-русского обряда, для которого характерен переход от курганов к жальникам (жальники — это захоронения в могильных ямах с поверхностной овальной или четырехугольной каменной обкладкой). Отличается ижорская погребальная традиция и от водской. Судя по исследованиям последних лет, у воды отсутствовала явно наблюдавшаяся у ижоры тенденция развития от отсутствия каменных наземных конструкций к их использованию. На всем этапе существования исследованных водских могил каменные обкладки либо присутствуют, либо нет. Также не сопоставимо положение умерших в могиле у воды (изредка — головой на восток, гораздо чаще — на запад) с наблюдаемым у ижоры изменением ориентировки погребенных от более ранней языческой северной (или приближенной к ней) к более поздней юго-западной. Характерной особенностью водского ритуала является помещение на могилы или рядом с погребенным преднамеренно согнутых или сломанных орудий труда — серпов, кос-горбуш, ножей, разбитых сопел от сыродутных горнов. У ижор этот обычай отсутствует.

Особенно важно сравнить погребальную обрядность ижоры и карелы⁷³. И так, с IX в. до второй половины XII в. на Карельском перешейке практиковался обряд трупосожжения с помещением остатков кремации на каменной вымостке, сопровождавшейся устойчивым набором вещей в погребениях — привозным оружием и украшениями западно-финских типов. На южном берегу Финского залива в XI — начале XII вв. уже был осуществлен переход от обряда трупосожжения на стороне с последующим помещением остатков в неглубокую ямку (Урмизно) к трупоположению в неглубоких, до 10-15 см овальных могилах без каких-либо деревянных внутренних конструкций, с очень скудным погребальным инвентарем, без предметов вооружения, чаще всего с северной, иногда западной ориентировкой умерших (Урмизно, Гамалово, Кайболовский берег).

У карелы с конца XII до начала XIV в. (времени расцвета карельской культуры, начало которой характеризуется сменой обряда) появляются трупоположения в могилах глубиной 0,3-0,8 м, сверху отмеченных каменными вымостками, с деревянными срубами или рамами внутри. Ижорские могилы этого времени менее глубоки, каменные конструкции на них отсутствуют, узкие размеры и овальная форма могильных ям исключают возможность использования внутри деревянных сооружений. У карелов значительная часть могил содержала кол-

лективные (от 2 до 4 человек) захоронения. У ижоры подобный тип погребений отсутствует, лишь в Гамалово обнаружено одновременное захоронение женщины с маленьким ребенком, а в Кайболово — погребение в одной могиле 2-х детей в возрасте до 6 лет. Значительная разница и в погребальном инвентаре: у ижоры совершенно отсутствуют типично «карельские» вещи, нет богатого погребального убора, нет комплекса вооружения и орудий труда, не фиксируется сопутствующий инвентарь. Обычный ижорский погребальный набор — нож и фибула, подковообразная или кольцевидная.

С начала XIV в. у корелы под влиянием христианства отмеченный для расцвета карельской культуры обычай погребения прекращается. И хотя типично карельские украшения продолжают использоваться, о чем говорит их обнаружение в слоях XIV-XV вв. в крепости Корела, Тиверске и Орешке, их, так же как предметы вооружения и орудия труда, в могилы уже не кладут. Изменяется и обряд погребения — доминирует западная ориентировка, захоронения осуществляются в деревянных колодах и гробах. На южном берегу Финского залива нам открывается совсем иная картина: погребения XV-XVI вв. продолжают погребальные традиции предыдущих этапов, захоронения при северо-западной ориентировке также совершаются в узких овальных неглубоких ямах, в двух случаях зафиксировано положение умерших на помост из досок и прикрытие из сверху неокрашенной берестой (Гамалово). На некоторых могильниках появляются каменные сооружения над могилами — цепочки камней, нерегулярные и, изредка, регулярные каменные обкладки. Традиционный погребальный набор — фибула и нож, часто расположенный у головы погребенного — обновляется. Появляются большие серебряные кольцевидные фибулы, среди подковообразных фибул выявляются местные дериваты. В мужские погребения кладут предметы вооружения — самобытные боевые топоры (Гамалово), боевой нож или наконечник стрелы (Кайболовский берег), в женские — кольца, иглы, бронзовые спиральки, серьги. К этому же времени относится и обнаруженное в Кайболово ожерелье из трех янтарных и двух бронзовых крестов, бус и монетной подвески. В погребениях встречаются кресала, кремни, очень часто — серебряные монеты. Появляются в ижорских могилах и рабочие топоры. В конце XVI-XVII вв. облик ижорских погребений меняется: могильные ямы становятся глубже, появляются гробовища и гробы, ориентировка умерших становится западной и юго-западной, из погребальных предметов остаются лишь нож (также часто его кладут у головы), монеты и нательные кресты, что, несомненно, связано с закреплением христианства.

Таким образом, сравнение показало, что мы не обнаруживаем сходства в погребальном обряде ни в самых ранних погребениях ижоры и корелы, ни в эволюции погребального обряда в пределах каждого этнического образования.

Мы пришли к выводу, что у ижор в средневековье был самостоятельный, развивающийся по собственным правилам и законам погребальный обряд.

И это тоже является доказательством самобытности ее истории.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Большое своеобразие наблюдается и в погребальном инвентаре ижорских могильников. Как указано выше, набор предметов многих рассмотренных захоронений довольно беден, но и его анализ позволит нам придти к определенным раздумьям.

Мы можем выделить три группы вещей. Первая — общераспространенные предметы «областной» культуры, ориентированной на Новгород и древнерусской по своему характеру. Подобные украшения (подковообразные фибулы, ожерелья из бус, браслеты, перстни, ножи и подвески) встречаются на обширной территории Северо-Запада независимо от этнической принадлежности погребенных. Такое влияние древнерусской культуры является нормой — подобные украшения производились серийно, в большом количестве и, судя по всему, в самом Новгороде. Их делали в новгородских мастерских специально на продажу, копируя при этом даже местные «чудские» образцы.

Вторая группа — вещи «корельского» облика, встреченные не только в восточных ижорских могильниках, но и в северо-восточной части курганов Ижорского плато, в Приладожье, в Саво, Эстонии и даже близ Ярославля. И это «корельское» влияние вполне объяснимо высоким уровнем развития ювелирного мастерства на Карельском перешейке и развитой в этом регионе торговлей.

Третья группа — собственно ижорские предметы. Это, прежде всего, железные топоры и боевые ножи, не имеющие аналогий на Северо-Западе.

Такой трехкомпонентный состав погребального инвентаря ижорских средневековых могил понятен. Ижора, не обладавшая сырьевыми запасами цветного металла, прочными экономическими связями с соседними территориями на основе торговли пушниной, хлебом или ценными породами рыб, не имевшая протгородских ремесленных центров, необходимых для создания собственной яркой «бронзовой» культуры, неминуемо должна была попасть под воздействие сильных в культурном отношении соседей. Но со временем, начав использовать имевшиеся в ее распоряжении природные ресурсы — собственные запасы железной руды и развив железоделательное и кузнечное ремесло (об этом можно узнать в главе «Хозяйство ижоры в средневековье») ижоры создали «прорыв» в этой практике заимствования.

Ижора стала обладать определенным культурным потенциалом, выразившимся не только в создании собственной «железной» культуры, но и в способности оказывать воздействие на живущие рядом народы.

И все же и в этом, во многом несамостоятельном ижорском погребальном инвентаре есть особенности, выделяющие его среди соседних культур. Можно наметить два пути сравнительного анализа состава ижорского погребального инвентаря. С одной стороны, он сопоставим как с вещевым материалом курганов Ижорского плато, в значительной мере представляющим древнерусскую культуру, так и с синхронным ему богатым вещевым набором водских могил. С другой стороны, возможно сопоставление с ранним этнографическим женским костюмом ижоры XVIII в., сохранившим многие древнейшие черты одежды.

Полное отсутствие височных колец (в западных ижорских могильниках), ожерелий из бус, подвесок, исключительно редкая встречаемость браслетов (всего 3 экземпляра) отличает инвентарь ижорских могильников от синхронных ему курганов и жальников Ижорского плато. Столь же отличен ижорский погребальный вещевой набор от водского женского убора: у ижор не обнаружены нагрудные булавки и цепочки с различными привесками. Вместо водской орнаментации одежды значительным числом бронзовых спиралек, колечек, нашивных оловянных бляшек, в ижорских погребениях в исключительных случаях выявлены отдельные спиральки и украшение из колечек, нанизанных на шнур. Отсутствуют у ижор в погребениях и раковины каури, и желтый бисер, и бусинные височные кольца.

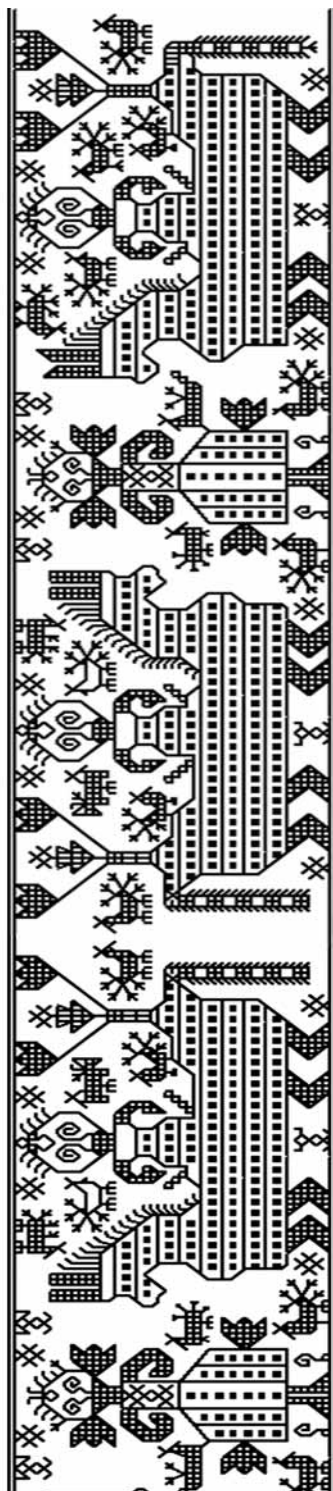
С другой стороны, следует помнить, что самая ранняя этнографически фиксируемая ижорская женская праздничная одежда имела весьма древние черты и обладала значительным количеством археологически сохраняемых атрибутов: оловянные бляшки, железные пряжки, большое число ожерелий из бус и камней с подвешенными крестами, серебряные фибулы, парные сложносоставные серьги, бисер, раковины каури (см. главу «Костюм ижоры»). В погребениях же мы находим в основном лишь фибулы и ножи, изредка захоронение сопровождают кольца, одна серьга, в поздних погребениях — один нательный крест. Единственно возможный вывод при подобном сопоставлении: у ижоры отсутствовала традиция погребения в праздничной одежде. Прямым свидетельством этому является погребение № 23 из могильника Кайболово, представлявшее собой захоронение девушки 16-18 лет, где весь набор украшений, во многом соответствующий этнографическим описаниям (три янтарных и два бронзовых креста, три стеклянные бусины и подвеска из монеты (артиг Ливонского Ордена, чеканенный в Риге при Вольтере фон Плеттенберге в 1494-1535 гг.)⁷⁴ в составе одного ожерелья, а также 6 бронзовых пластинчатых колец) не был надет на погребенную, но находился у ее головы, положенный в мешочек из ткани.

Таким образом, мы подошли к очень важному положению: ижорская погребальная одежда не является аналогом реально существовавшей средневековой одежды ижоры. Следовательно, недопустимо из маловыразительности погребального инвентаря делать вывод о «бедности» ранней ижорской культуры. Поиск причин неиспользования праздничной одежды в ижорских погребениях приводит к мысли о существовании у ижоры в средневековье особых представлений о смерти. Вспомним, что культ умерших обретает важное значение в процессе перехода к земледелию и оседлости и связан с определенным земельным угодьем. Теперь можно предположить, что отмеченная выше ижорская погребальная традиция отражает виды хозяйственной деятельности ижоры, отличные от соседних народов (подробнее об этом читайте в главах «Хозяйство ижоры в средневековье» и «Культ мертвых»).

Средневековый грунтовый могильник у дер.Кайболово
на Кургальском полуострове. Фотография О. Коньковой. 1994 г.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ

Если археологические находки показывают нам лишь пути, следуя которым мы когда-нибудь и придем к более четким и ясным знаниям о самых отдаленных от нас временах, народах и событиях, то средневековые летописи и хроники уже прямо и определенно говорят об ижоре как о древнем населении северо-западных земель.

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ

Во второй половине XII в. ижора впервые упоминается в историческом документе — в булле (послании) папы Александра III к шведскому первому Упсальскому епископу Стефану, написанной между 1164 и 1189 гг., где среди прочих опасных соседей говорится и об «инграх». Местные племена представляли, видимо, серьезную опасность для своих западных соседей: 9 января 1230 г. папа Григорий IX предписал Архиепископу Упсальскому и Линчепинскому запретить в их местах всем прихожанам-христианам под угрозой отлучения от церкви возить к язычникам карельским, ингерским, лапским и ватландским оружие, железо, медь, свинец, лошадей и деревянные изделия, чтобы в землях, лежащих близ Швеции, вера Христова не была искоренена ее врагами⁷⁵. И практически все летописи, хроники и послания рисуют нам ижору как сильный и независимый народ. За все изменчивое и опасное средневековье,

с его христианскими идеалами и полным равнодушием к людям, с его предательствами и непременными нарушениями «договоров навсегда», с его коварными набегами и жестокими войнами — за все это безумное время ижора почти никогда не терпела поражений! Лишь один раз ее «многолюдные и богатые скотом» земли были разграблены. Тогда, в 1221 г., жители Саккалы (крупного мааконда в Эстонии) «перешли Нарову и сделали далекий поход в землю, называемую Ингардия, относящуюся к Новгородскому королевству. Так как никакие известия их не опередили, то нашли эту область полной народу и нанесли ингарам тяжкий удар, перебили много мужчин, увели массу пленных обоего пола; множество овец, быков и разного скота не могли захватить с собой и истребили». Так писал о единственном временном поражении ижор Генрих Латвийский в Хронике Ливонии⁷⁶.

Появление ижоры в европейских письменных источниках не случайно. Издавна пользуясь невской артерией на северном варианте пути «из варяг в греки», скандинавские и прибалтийские народы должны были хорошо разбираться в этническом составе земель, через которые лежали торговые маршруты. В то же время европейское внимание к местным племенам определено политическим состоянием Фенноскандии в XII в. — завоевание Финляндии шведами и начало их борьбы за овладение восточными территориями. Центральная Финляндия, заселенная племенем емь, являлась сферой новгородских государственных интересов, и Новгород упорно отстаивал их в борьбе с претендующими на эту территорию шведами. Походы новгородцев с корелю на емь в 1143 и 1191 гг. сменились ответной военной акцией еми в 1228 г. Эти события, связанные с реальной угрозой Новгороду, и заставили его обратить внимание на местное население, которое до сих пор не попадало в сферу экономических (в противоположность интересу, например, к води) и политических (как по отношению к кореле) интересов Новгородского государства. Только в начале XIII в. этноним *ижора*, *ижоряне* (*ижеряне*) начинает регулярно появляться и в русских летописных сводах.

Первое летописное упоминание приведено именно в связи с упомянутым сообщением о вторжении в 1228 г. крупного отряда еми в Ладожское озеро. После сражения с ладожанами, враг скрылся в лесах, но был добит ижорой и корелой: «После же оставшеся Ижеряне устретоша их бегающе, и ту их избиша много...»⁷⁷.

Через 12 лет ижора принимает непосредственное участие в знаменитой Невской битве. В «Житии Александра Невского», составленного на основе рассказов самого Александра и других участников сражения, приведено сказание о битве князя со шведами 15 июля 1240 г. при реке Ижоре. «Был некто муж, старейшина в земле Ижерстей, именем Пелгуй, поручена была ему стража мор-

ская». При крещении Пелгуй получил имя Филипп, хотя и жил «посреди своего рода погана суща» (т. е. среди язычников)⁷⁸. Когда шведский ярл Биргер, собрав «великую силу и наполни корабли много зело полков своих», вошел в устье Невы, именно Пелгуй предупредил об этом новгородцев (см. цветную иллюстрацию II). Рассказ о событиях облечен в форму чудесного видения. «Когда стоял Пелгуй на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало всходить солнце, он услышал на море страшный шум, а посреди ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутанные облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику нашему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгуй, потрясенный, пока ладья не скрылась с глаз его. Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгуй же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему о видении. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому». После того решился напасть на них в шестом часу дня. И была сеча великая с латинянами (т.е. со шведами, исповадовавшими католическую, или как ее называли в то время, «латинскую» веру — *О.К.*), и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем»⁷⁹. Исход этой битвы всем известен.

Любопытно, что в переписной книге 1500 г. упомянуты две деревни Пелгуевы в Дудеровском погосте и деревня Пелкуево на правом берегу Невы⁸⁰.

Еще заметим, что в этом рассказе прямо указывается, что ижора несла охранную службу «при краи моря и срежаше обою пути» (т.е. оба русла Невы при впадении в Балтийское море). О том, что, вероятно, и в предшествующие века подобная охрана была хорошо организована и эффективна, говорит отсутствие кладов на невском участке пути знаменитого торгового пути «из варяг в греки» с середины IX в. Ведь если охрана была надежной, то и не возникало таких драматичных ситуаций, когда, опасаясь нападения, проезжающие торговцы зарывали клад, и, видимо, погибнув, уже не забирали из тайников спрятанное.

Ижора регулярно участвовала в действиях новгородского войска. Так, в 1241 г. ижора совместно с новгородцами, ладожанами и корелой совершила поход против вторгшихся в Водскую землю крестоносцев и разрушила «немецкую» крепость в Копорье⁸¹.

Вскоре ижорские земли вошли в состав новгородской «волости», и ижора продолжила защищать северо-западные земли уже во внутренних военных столкновениях Новгорода с великими князьями Ярославом Ярославичем в 1270 г. и Михаилом Ярославичем в 1316 г.⁸²

Самое тяжелое время началось с конца XIII в., когда сама Ижорская земля стала местом военных действий — шведы не оставляли попыток овладеть столь

Крепость Копорье. Гравюра из книги Адама Олеариуса. 1633-1634 гг.

желанной и стратегически удобной территорией. В 1292 г. «в то же лето приходиша Свея воеват, 800 их: 400 иде на Корелу, а 400 на Ижеру; побиша их Ижера, а Корела изби своих, а иных руками изимаша...»⁸³

А в 1300 г. у впадения реки Охты в Неву шведы основали крепость, названную ими Ландскрона («корона земли»). Но весной следующего года она была захвачена вместе с гарнизоном и разрушена новгородцами⁸⁴.

«ИЖОРСКАЯ ЗЕМЛЯ»

В упомянутом сообщении о Невской битве, мы упустили один важный факт — сообщение о наличии у ижоры уже в первой половине XIII в. собственного административного образования под названием «Ижорская земля» во главе с родовым старейшиной. Что это за земля? Средневековые источники не дают четких и определенных сведений о границах племенной территории ижоры, известно лишь, что одним из мест ее проживания были приневские земли. Исследователями предпринимались неоднократные попытки реконструировать ареал летописной Ижорской земли. Но по непонятным причинам авторы большинства работ стремились представить эту территорию небольшой, зачастую ограничивая ее лишь бассейнами рек Ижора и Нева, а порой и только южным берегом Невы!⁸⁵ В последнее время некоторые исследователи определяют границы «Ижорской земли» так: на западе она граничила с Водской землей по рекам Стрелка и Оредеж, на юге — с будущим Новгородским уездом, на востоке по реке Назия — с Лопской землей, на севере по реке Сестре и Лемболовским высотам — с Корельской землей⁸⁶. Такие границы Ижорской земли выглядели бы вполне обоснованными, если бы мы знали точно, каковы были границы выше упомянутой Водской земли (а ее границы тоже реконструируются почти при полном отсутствии данных!). Более того, предположения о существовании «Лопской земли» еще менее обоснованы (это только осторожное предположение). При определении южной и северной границ «Ижорской земли» привлекаются более поздние материалы, связанные с новым административным делением территорий в начале XVI в. Вывод неутешителен: мы не можем даже предположительно определить границы летописной «Ижорской земли» середины XIII в. Не случайно говорят, что история — самая фантастическая наука, потому что она постоянно создает миражи!

Здесь нам необходимо сделать ряд замечаний. Во-первых, наблюдается смешение понятий «Ижорская земля» и «территория заселения ижоры», что является явным упрощением истории этих земель. Понятие «территория ижоры» означает ареал распространения ижорского населения и имеет этническую нагрузку. В то же время «Ижорская земля» — понятие в летописных источниках административное и мало отражающее этническую ситуацию в северо-западных Новгородских владениях, и оценивать его следует в общей системе наименований «земель» и «пятин» Новгородского государства. А здесь нам следует вспомнить, что в средневековье и позже было обычным явлением так давать названия: переносить наименование конечного пункта на путь, ведущий к этому пункту, а затем на территорию, по которой проходит путь. Напомним мнение известного русского историка К.А. Неволлина: «Представленные

объяснения названий половин в пятинах: Вотской, Шелонской, Обонежской и Бежецкой, показывают, что и здесь, как для пятин, названия были заимствованы от оконечностей, от направлений, которые надобно было принять ехавшему из Новгорода в ту или другую половину, от путей»⁸⁷. Можно предположить, что свое наименование «Ижорская земля» в XIII в. получила благодаря выходу к тем ижорским землям, которые имели для Новгорода важное значение — к берегам реки Невы.

Здесь следует вспомнить, что при исследованиях этнической истории соседнего прибалтийско-финского народа — води — «Водскую землю» и «территорию води» различают. Более того, по мнению ряда исследователей, по крайней мере, в эпоху средневековья водь в Водской земле не проживала, а занимала примыкающие к летописной земле с запада «чудские» погосты⁸⁸!

Во-вторых, над всеми реконструкциями границ Ижорской земли довлеют пространственные с XIX в. гипотезы о том, что по происхождению ижора — это часть карел, ушедших с Карельского перешейка и расселившихся в районе рек Нева и Ижора лишь на рубеже I-II тыс. н.э.

Итак, еще одна загадка в истории ижор: мы знаем, что Ижорская земля существовала, но где она была?

РАССЕЛЕНИЕ ИЖОРЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Оставив трудно разрешимый пока вопрос об «Ижорской земле», сосредоточим внимание на очерчивании территории, занятой ижорскими племенами в средние века. Для этого нам послужат археологические материалы, исторические, ономастические (т.е. касающиеся имен) и топонимические (т.е. касающиеся географических наименований) данные.

Только так, кропотливо рассматривая чудом сохранившиеся ветхие листы старинных актов, тщательно разбираясь в археологическом материале, сопоставляя разрозненные факты, можно приблизить к себе события 500-летней давности.

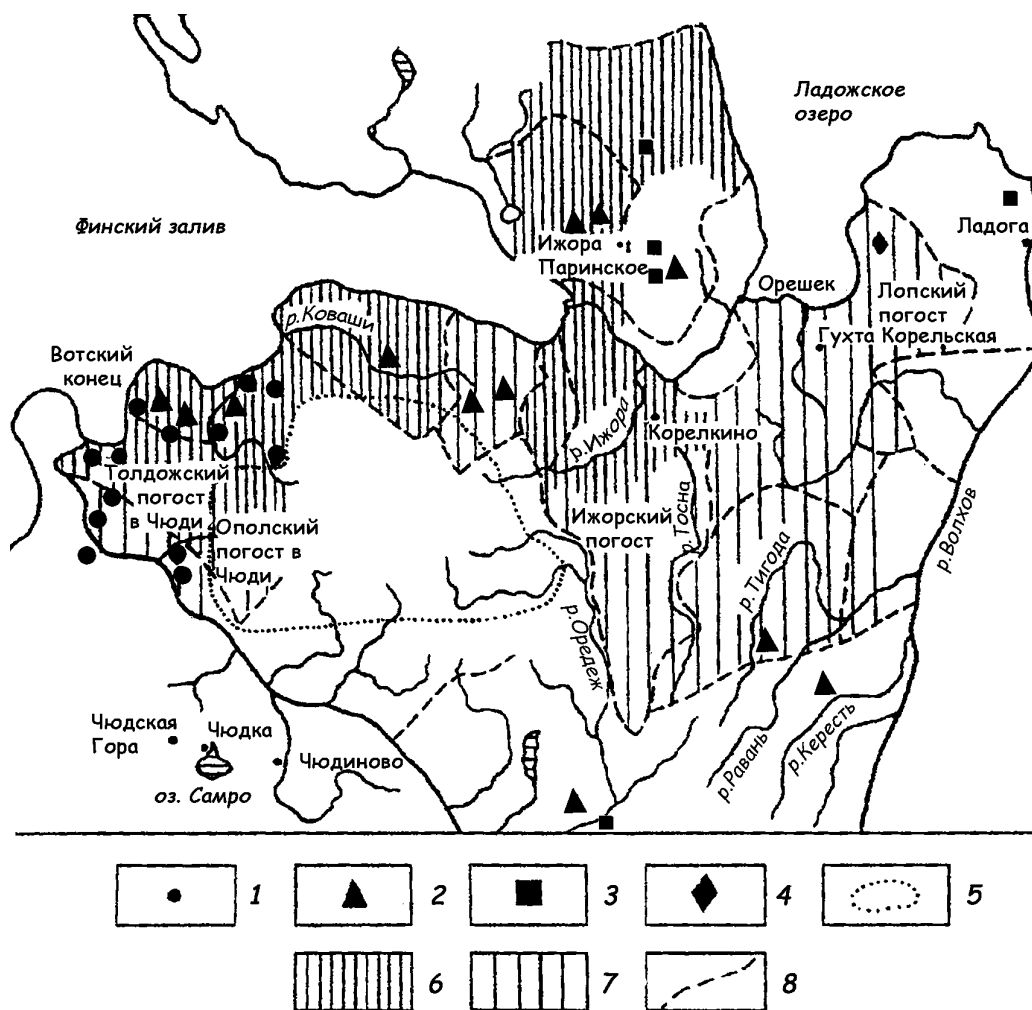
В писцовых книгах 1500 г. в прибрежных погостах Водской пятины — Кипенском, Дятелинском и Каргальском мы находим многочисленные поселения с названиями прибалтийско-финского происхождения. Часть жителей этих деревень и селений носила имена также прибалтийско-финского облика, а порой с дополнительным именем «ижерянин», «ижорянин». А ведь территории указанных погостов простирались от реки Стрелки до Сойкинского полуострова (т.е. там, где и позднее мы знаем ижору!).

Так, «ижоряне» встречены в селениях Речица и Храпши (современная д. Ропша) в Кипенском погосте между рекой Стрелкой и Финским заливом, в д. Глебова Гора в Дятлинском погосте, занимавшем часть побережья Финского залива между верхним и средним течением реки Коваши, в трех селениях «у моря» в Каргальском погосте. Селения с крестьянами «ижорянами» также встречены в погостах, лежащих к северу от реки Невы — Корбосельском и Городенском, в южных погостах Водской пятины — Солетском, Тигодским (в бассейне левых притоков р. Волхов — рек Тигоды и Керести) и Будковском между верхним течением реки Оредеж и озером Вялье⁸⁹.

С ижорским населением, несомненно, связаны и отмеченные в писцовых книгах селения, носящие название «Ижора» («Ижора Паринское» в северном Корбосельском погосте), а также ряд селений с названиями типа «Изори» или производными от последнего: это селения «Изори у монастыря» и «Изоринское» в Каргальском погосте, Изорняки в Кипенском, две деревни «Изори над озером Белым» в Будковском погосте, а также деревня Изори в междуречье рек Оредеж и Луга и деревня Изори, расположенная напротив места впадения реки Сабы в Лугу. Подобные топонимы в других местах Северо-Запада не встречены.

Следует заметить, что этноним *ингере*, преобразовавшись в русском языке в название *ижора*, с течением времени попадает в ижорский язык в новом фонетическом оформлении как *изора*, что отмечено в поздних самоназваниях сойкинской и оредежской группировок ижор, где *изора* сосуществует с прежними этнонимами, производными от основы *ингере*. Подобным же образом называли ижору эстонцы, используя словоформы *isurid* и *isorid*. Прямая связь названий *ижора* и *изори* подтверждается следующим топонимическим рядом: селение XV в. «Изори над озером Белым» на «Карте Ингерманландии и Карелии», созданной до 1721 года, представлено в виде «Ижерики», а «Изори у монастыря» в шведских документах начала XVII в. засвидетельствовано как «Inkere». Большинство селений с названиями типа «Изора» и производными от него встречаются там, где археологически, исторически или этнографически зафиксировано пребывание ижор.

Любопытно, что по материалам XV в. два селения Изори находились на территории Будковского погоста, т.е. там же, где отмечено пребывание «ижорян», и где в историческое время находилась группа ижорских деревень с носителями особого оредежского диалекта ижорского языка. Многими исследователями утверждалось, что заселение ижорами верховьев Луги произошло после заключения Столбовского мирного договора со Швецией в 1617 г. и связано с миграционными потоками из захваченной шведами Ингерманландии. Однако приведенные выше данные вместе с обнаруженным нами в том же районе в деревне

Расселение ижор и «чуди» по письменным данным рубежа XV-XVI вв.
(по карте Е.А.Рябина)

- 1 — пункты с носителями дополнительного прозвища «Чудин»; 2 — то же, «Ижорянин»;
3 — то же, «Корелянин»; 4 — то же, «Лопин»; 5 — ареал курганно-жальничных
могильников Ижорского плато; 6 — погосты, где в писцовых книгах отмечено
до 10 селений с финно-угорскими именами жителей; 7 — то же, свыше 10 селений;
8 — границы некоторых погостов

Озерешно грунтовым средневековым могильником свидетельствуют о наличии здесь ижорского населения и в более раннее время.

Вблизи деревни Изори, расположенной в районе среднего течения реки Луги, близ Большого Сабска сведений о существовании здесь ижор в средневековье

нет, но есть данные, указывающие на возможность раннего существования здесь ижор. Во-первых, вблизи Б.Сабска, а также у деревень Реполка и Селище, расположенных в бассейне рядом протекающей рекой Лемовжа, выявлены грунтовые могильники, по ряду признаков относимые к ижоре. Во-вторых, на расстоянии всего 20 км от деревни Изори в окрестностях озера Самро не только также обнаружен грунтовый могильник, но этнографическими наблюдениями отмечено проживание ижор в XX в. В-третьих, по материалам писцовых книг окрестности оз. Самро изобилуют топонимами типа Чюдка, Чюдская Гора, Чудиново. Все эти обстоятельства ясно указывают на ранее присутствие здесь нерусского населения, а топоним «Изори» и этнографические данные начала XX в., возможно, могут определить его как ижорское.

Вообще же проблема «чудских» топонимов выходит за рамки книги, но в целом надо отметить стремление отдельных исследователей видеть в «чуди» ранних письменных источников средневековья представителей лишь одного какого-либо этнического образования на изучаемой территории — либо древних эстов, либо только водь. Общеизвестно, что первоначально этнонимом «чудь» славянское (древнерусское) население называло финно-угорские этнические массивы, когда не было необходимости или возможности различать отдельные близкородственные и обладающие сходными культурами и языками племена. Лишь в дальнейшем это название начинает более определенно использоваться для обозначения отдельных племен (как, например, водь).

Для нас важны прямые и косвенные указания на применение наименования «чудь» по отношению к ижоре. Так, в труде российского историка Г.А. Немирова находим сообщение о существовании древней рукописи, где было сказано, что посланцы из древнего Новгорода дошли до «чудских селений Пулк и Дудора, где спеша в лодии и поплывоша»⁹⁰. Но район упомянутых селений Пулкола и Дудорова (современное Пулково и Дудергоф-Можайское) в средневековье были населены ижорой, остатки которой зафиксированы и по этнографическим материалам XVII-XIX вв. Расположенные на западе новгородских владений конца XV в. Никольский Толдожский и Воздвиженский Ополецкий погосты по писцовым книгам находились «в Чюди» и не входили в состав Водской земли Великого Новгорода. К условно называемой «Чудской земле» порой относят и примыкающие к ним Егорьевский Радчинский и, частично, Каргальский погосты⁹¹. В пределах этой территории в эпоху позднего средневековья наблюдалось преобладание прибалтийско-финской топонимики и ономастики. На территории указанных погостов веке проживало не только почти все водское население, но и значительное число ижор. При этом очень важно, что в ранних летописных источниках существует ясное различие местных этнических группировок — води

и чуди. Так, например, в сообщении 1241 г. говорится о том, что новгородцы после освобождения временно захваченной немцами крепости Копорье, повесили перешедших к врагу водских и чудских «переветников»⁹². Возможно, что под этнонимом «чудь» здесь присутствует смешанное, сложное по этническому составу водско-ижорское население, чье наличие в указанных погостах фиксируется в материалах как XV в., так и XVII-XX вв.

Таким образом, топонимы, производные от этнонима «чудь» могут относиться и к ижорскому населению. И здесь нам стоит вспомнить не только «чудские» названия в окрестностях озера Самро, но и селение Среднее Чюдля в Дятелинском погосте, а также д. Чудской Бор на территории Тигодского погоста близ современного г. Любань и т.д. Может быть, и там когда-то проживала ижора?

Важным источником при определении территории расселения ижор в средневековье является топонимический материал. Так, в Ореховском уезде из 1347 селений, переписанных в 1501 г., около трети названий имеют несомненное прибалтийско-финское происхождение. Любопытно, что многие названия деревень типа Толкола, Тойвокала, Алгила имели типичный для прибалтийско-финских топонимов формант *-ла*, и лишь у незначительного числа деревень было дополнительное славянское окончание *-во*. А это говорит о том, что влияние русского языка (и русского населения) на этой территории даже в XV в. было незначительным.

Большое количество подобных названий селений происходит из Копорского уезда, особенно из Каргальского погоста (например, Арбала, Варьевалда, Васокара, Кербикула, На Койдоме, Нахкуево, Непуево и т.д.)⁹³. Имеются прибалтийско-финские топонимы в Кипенском погосте (Замошье — Лавда-Кондуи)⁹⁴, в Дятелинском (Кокуево-Степановское, Куткуево Сиденье и Новзуево на Ковоше)⁹⁵. Все указанные селения находятся в зоне этнографического расселения ижоры.

Но особенно интересно, что топонимы прибалтийско-финского облика были встречены в Тигодском и Будковском погостах. Вместе с представленными выше данными об «ижорянах» это говорит о наличии здесь сравнительно раннего ижорского населения. Так, например, в Тигодском погосте в XV — начале XVI в. отмечены деревни за Левгуем, Камуев, Ловголанголино, Пелгуи, а в Будковском — пустошь Ихвини, селение Пелково⁹⁶.

Данные топонимики в большинстве случаев подтверждаются и ономастическими данными рубежа XV-XVI вв.: в Никольском Толдожском погосте Ямского уезда 57 человек носили имена, 137 — отчества и 30 — имена и отчества прибалтийско-финского происхождения (а это почти пятая часть всех указан-

ных дворохозяев). В Каргальском погосте Копорского уезда эти цифры таковы — 39, 97 и 16 соответственно (десятая часть населения). Особенно сильно финскими именами были насыщены районы устья реки Луги, Сойкинский полуостров и территория севернее реки Коваши. В Ижорском, Дудоровском и Ярвосольском погостах Ореховского уезда, лежащих к югу от реки Невы, прибалтийско-финские имена зафиксированы в 69 селениях. О населении погостов к северу от Невы данные сохранились не полностью, но и здесь в 32 селениях встречаются имена подобного типа.

Мы не имеем переписных материалов конца XV в. по северной части Шелонской пятины, охватывавшей земли между реками Нарова и Луга (они либо не сохранились, а, может, еще и не найдены в архивах). Но археологические данные, полученные при исследовании средневековых могильников в этой зоне и охватывающие период с конца XI до XVIII в., свидетельствуют о наличии и здесь ижорского населения.

Раннее существование ижор в низовьях реки Луги доказывается и этнографическими фактами: для одежды «кревинов» — потомков пленных, угнанных Ливонским орденом в Курляндию после похода 1444-1448 гг. из районов нижней Луги, характерны типичные элементы ижорской одежды⁹⁷.

Обширный ареал расселения ижоры, воссоздаваемый нами, в основном, на материалах письменных и этнографических источников XV — начала XVI в., во-первых, полностью совпадает с картой археологических памятников XI-XV вв., приписываемых ижоре (о них мы рассказали выше), и, во-вторых, не заходит на территорию, занятую древнерусскими курганами и жальниками XI-XVI вв. и водскими грунтовыми могильниками XII-XVII вв. Эти два обстоятельства заставляют нас придти к очень важному выводу о стабильности ижорского населения в XI-XVI вв. А это является опровержением существующего мнения о том, что ижора довольно поздно продвинулась из бассейна рек Нева и Ижора в места проживания води и древнерусского населения в средние века.

Реконструируемая нами территория расселения средневековой ижоры выходит за границы предполагаемой зоны обитания племени, описываемой другими авторами. Она простирается от реки Наровы на западе до реки Лавы на востоке. На юге рубежами ее расселения служит среднее течение реки Луги и верховья реки Оредеж. На севере земли ижоры доходили до лемболовских высот.

И это заставляет нас не просто иначе взглянуть на историю ижоры, но и дать ей право на долгий самостоятельный путь в веках, право на самобытную древнюю культуру и важнейшую роль в освоении этих обширных земель и лесов.

ХОЗЯЙСТВО ИЖОРЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Теперь, когда мы столь тщательно и кропотливо прояснили для себя, где проживала ижора в XIII-XV вв., встает вопрос, что же представлял тогда собой этот народ. Надо попытаться выяснить, чем и как занимались тогда ижоры, в каких деревнях жили, чем отличались, а чем были и схожи с соседями. Для этого у нас есть многое. И прежде всего это великолепные по насыщенности реальными фактами новгородские писцовые (оброчные) книги. Самая полная из них составлена в 1500 г. московскими писцами Дмитрием Китаевым и Никитой Моклоковым. Она содержала опись почти всех земель Водской пятины. В ней указаны все деревни, дворы, имена, а порой и прозвища хозяев. В ней есть указания, кто, где и сколько пахал, что сеял, чем должен платить налог. Прошло более 500 лет, а мы, переворачивая истершиеся страницы, исписанные с трудом понимаемым почерком, узнаем, кто отдавал подать овсом, кто — льном, кто вез в Новгород возы, полные курвой (не подумайте плохого, по-ижорски «курва» означает «корюшка»), а кто отсылал туда железные сковороды.

По писцовым книгам, к концу XV в. основные районы расселения ижоры становятся земледельческими. Основой хозяйства почти во всех деревнях северо-западных московских владений становится пашенное земледелие: при описании двора или деревни писцы, прежде всего, указывают размер запашки и сенокоса, а затем уже прочие угодья (рыболовные, охотничьи, бортные и т.д.). Об основной роли земледелия говорит размер пахотного поля — в обжах и сохах. В летописи под 1478 г. встречено следующее определение: «Три обжи соха, а обжа — один человек на одной лошади орет, а что на трех лошадях и сам третий орет, ино то соха»⁹⁸.

Основными зерновыми культурами были овес и рожь, в меньшем количестве сеяли пшеницу и ячмень, еще реже встречались горох и греча. Неотъемлемой принадлежностью хозяйства земледельца был скот. Ведь уже ранние письменные памятники дают указания на разведение лошадей, крупного рогатого скота и овец. Вспомним, что в Ливонской Хронике в уже упомянутом нами сообщении о походе саккальских эстонцев в Ингардию в 1221 г. указывается: «множество овец, быков и разного скота не могли захватить с собой и истребляли»⁹⁹. Гибель скота лишала возможности вести земледельческое хозяйство. Так, например, под 1240 годом в летописи имеется запись о бедствиях крестьян в связи с военными акциями шведов: «поймаша по Лузи (Луге — О.К.) вси кони и скот, и нелзе бяше орати по селом и нечим»¹⁰⁰.

Однако тип хозяйства в зоне ижорского расселения (погосты Ореховского уезда, а также северные погосты Копорского и Ямского уездов) выпадает из об-

щей системы хозяйствования Водской пятины. Наиболее яркий пример Ореховского уезда: для него характерен самый низкий в пятине размер средней запашки на двор и самый высокий процент денежных платежей¹⁰¹. Это связано с ведением смешанного земледельческо-промыслового хозяйства, ведь географическое положение уезда, охватывавшего земли по берегу Ладожского озера, реке Неве и ее притокам и Финскому заливу, издавна благоприятствовало развитию важнейшего из промыслов — рыболовства. Древнее занятие местного населения продолжало оказывать огромное воздействие на хозяйственную жизнь ижоры. Основная часть населения, занимавшегося рыболовством, все же имела небольшую пашню: так, например, в вотчине Богдана Есипова Калганицы, лежащей при устье Невы (Ижорский погост) на 1500 г. приходилось 63 деревни, 174 двора, 266 человек тяглого мужского населения, 110 обож. Непашенных дворов здесь не было, но у многих пашня была столь незначительна, что в 17 деревнях посев падал до 2-3 коробей яри на хозяйство (при том, что в Корельском уезде он доходил в среднем до 5,1, а в Новгородском и Ладожском уезде составлял 4,4 коробей)¹⁰². Выделялись Калганицы рыбными промыслами: в состав подати входила большая сумма денег и сама рыба — 625 невских сигов¹⁰³. Существовали в Ореховском уезде и люди, не имевшие пашни — поземщики. Из 55 поземщиков уезда 53 были рыбными ловцами. Сохранялась в Ореховском уезде охота: в состав дохода, шедшего с крестьян, входили зайцы, белки, а в Ижорском погосте даже существовали «мхи оброчные», с которых шел «великого князя оброку с году на год сокол, а не буде сокола... давали за сокол деньгами пол третьи гривны...» (здесь речь ведется о ловле птиц для соколиной охоты)¹⁰⁴. Перевесья, путики, охота на соколов, зайцев и белок кроме Ижорского погоста упоминаются также в Дятелинском и Кипенском погостах, расположенных по южному берегу Финского залива в местах давнего поселения ижор.

Добавим, что низкий уровень запашки был характерен и для Ямского уезда (в среднем 3,2 коробья на один двор), и для Копорского уезда (3,8 коробья на один двор)¹⁰⁵.

Ижорские земли были скудными, и людей кормили не только пашни, но и леса, озера, реки и даже болота с их болотной рудой. Почему же московские писцы мало замечали неземледельческие занятия и промыслы? Следует заметить, что московская писцовая практика сложилась в условиях хозяйства и землевладения Северо-Восточной Руси, где главным занятием населения было именно земледелие. Писцовые книги преследовали цели сбора налогов, а размер этих налогов традиционно зависел от размера пашни. Поэтому полную картину промысловой стороны хозяйства ижор восстановить почти невозможно.

И все-таки, кое-что мы узнать можем. Так, в ижорских землях совершенно очевидно проявляются два центра крестьянской железоделательной промышленности.

Первый и самый мощный центр был на южном берегу Финского залива. Вторым центром тяготел к Ладожскому озеру и располагался между реками Мгой и Назией. Оба железоделательных центра охватывали значительную часть ижорской территории. В писцовых книгах Водской пятины отмечено 215 домниц, в том числе в пределах расселения ижор их было 200!¹⁰⁶ Так, в Копорском уезде в Каргальском погосте их было 67, в Ямском уезде в Толдожском погосте — 62, в Дудоровском — 38, в Ореховском уезде в Ярвосольском погосте — 11. В этих районах залежи бурого железняка (так называемая «болотная руда») обнаруживаются почти повсеместно. Особо мощными они были в дворцовой волости на Красных Горах на реке Коваши. Значительное развитие выплавки железа стало основой для железообрабатывающего промысла. По писцовым книгам в обычном погосте было в среднем один-два кузнеца. При этом в Никольском Толдожском погосте записано 42 кузнеца, а в Каргальском — 12!¹⁰⁷. Следует учитывать, что это — неполные данные, так как в писцовых книгах отмечалось занятие только владельца двора и не указывалось занятие его взрослых сыновей или близких родственников, которые тоже могли быть кузнецами. Среди владельческого дохода, шедшего с кузнецов и владельцев домниц, встречаются топоры, рукоятные сковороды, сошники и лемехи. Но гораздо чаще упоминаются крицы и пруты, т.е. железные заготовки. По подсчетам известного археолога Б.А.Колчина, все 200 упомянутых домниц южного берега Финского залива давали 100 000 криц (или 20 тысяч пудов) железа в год!¹⁰⁸. Подобная продукция выходила на широкий рынок и обеспечивала спрос всех погостов Водской пятины. Отсутствие домников и большое количество кузнецов в самом Новгороде говорит о том, что последние работали на привозном сырье. Самое удивительное, что найденные в Новгороде крицы и готовые изделия сделаны из единообразного по своему химическому составу железа, что указывает на единый источник их производства!¹⁰⁹. Так что, возможно, именно ижорское железо делало Новгород сильным и независимым!

Во втором центре железоделательного производства — в Ореховском уезде — по писцовым книгам добыча руды и железа отмечена только в Ярвосольском погосте в деревнях Гаитино и Папороть. Но вполне можно предположить, что обработка руды велась и в Спасско-Городенском погосте, где на реке Неве находились селения Рудное и Железниково!¹¹⁰. В целом в Ореховском уезде было 25 кузнецов, однако эти данные неверно отражают реалии XV в.: например, в упомянутых деревнях Гаитино и Папороть, где отмечена добыча железа и в доходе значатся косы, кузнецы вообще не отмечены!¹¹¹.

Любопытно, что о кузнецах ничего не говорится и в деревнях с такими названиями как Кузнецово и Кузнецово Сиденье. В целом, этот меньший по размерам производства район добычи и обработки железа можно ограничить следующими погостами — Никольско-Ярвасольским, Егорьевским-Лопским, Спасским-Городенским и Никольским-Ижорским.

Данные писцовых книг о развитии железоделательного и железообрабатывающего промысла в районах расселения средневековой ижоры подтверждаются и археологическими материалами. Самые распространенные категории вещей, обнаруженные в ижорских могильниках, сделаны из железа. В состав погребального инвентаря почти каждого захоронения входили ножи, зачастую — железные кресала и пряжки, отмечены самобытные формы боевых топоров, не имеющие аналогий среди синхронных древностей соседних народов, что говорит об их несомненно местном производстве.

Интересно заметить, что важнейший ижорский средневековый промысел нашел отражение и в ижорском фольклоре. Во многих эпических песнях калевальского эпоса присутствует широко известный кузнец — первопредок и создатель небесного свода. У карел и финнов этот кузнец носит имя Ильмаринен или Ильмойллинен. У ижор он часто выступает под именем, имеющим совершенно ясную этнонимическую нагрузку — Ингеройнен (т.е. «ижор»)¹¹².

Чрезвычайно важным промыслом в восточной части ижорской территории были обслуживание и охрана речных, и, частично, морских перевозок, связанных с международными торговыми путями. Сложный невский фарватер требовал привлечения лоцманов, хорошо знающих речное русло. Что касается средневековья, то не раз упомянутое летописное повествование об Александре Невском указывает на наличие в 1240 г. «старейшины в земли Ижерстей», которому была поручена «стража морская». Торговые договоры Новгорода с Ганзой и Готландом второй половины XIII в. дают некоторые представления об этом виде хозяйственных занятий местного населения. Так, мирный и торговый договор 1257-1259 гг. гарантировал ганзейским и готландским купцам безопасность плаванья от острова Котлин до Новгорода¹¹³. Ответственность за подобную безопасность отмечал и договор 1270 г. (и его проект 1209-1270 гг.), один из пунктов которого, обязывающий лоцманов брать с купцов за провоз «то, что брали издавна, но не более», указывает на возникновение промысла задолго до составления договора¹¹⁴. Для начала XV в. имеются точные сведения об объединении местных судовладельцев в организацию, регулировавшую условия фрахта «лодей». Но в 1495 г. по приказу Ивана III были схвачены и отпущены только через год 49 иноземных купцов, а их товары забраны в Москву. В результате подобных акций Ганзейский союз прекратил сношения с Новгородом, переведя свою торговлю

в Ригу, Дерпт и Ревель, а, позднее, в Нарву. Уничтожение новгородско-ганзейской торговли, несомненно, отразилось на жизни приневского населения и привело к запустению многих селений¹¹⁵.

Большое развитие в северо-западных землях Новгорода получило возделывание льна. Во всех новгородских пятинах наибольшее количество деревень, в состав владельческого дохода с которых входили пряжа и полотно, было именно в ижорских землях, а именно — в Ореховском уезде (Колтушский, Лопский, Дудоровский, Ижорский и Ярвосольский погосты). Полотном были обложены и крестьяне Копорского уезда (Каргальский, Дятелицкий и Кипенский погосты), а также Толдожского погоста Ямского уезда¹¹⁶.

Таким образом, характер хозяйственной деятельности в деревнях территории расселения ижоры ясно определяется как земледельческо-промысловый, но при этом важно рассмотреть уровень местной экономики. Если промышленная деятельность, как мы видим, ни в чем не уступала наиболее передовым районам северо-западной Руси, то уровень земледелия в изучаемых районах требует более пристального изучения в связи с выдвинутым в предыдущей главе тезисом об отсутствии развитого земледелия у ижоры в ранее средневековье. И особое внимание обращает на себя вопрос о системе полеводства. Исследование вопроса о системе земледелия в Новгородской земле было предпринято еще в начале в 1915 г. А.М. Гневушевым, сделавшим на основе изучения писцовых книг вывод о повсеместном распространении трехполья в XV в.¹¹⁷ Однако эта система не была единственной. С одной стороны, в писцовых книгах встречаются сообщения об отсутствии озимых посевов, причем подобные случаи всегда отмечались очень тщательно. С другой стороны, об этом говорил и сам состав оброка, в целом отражающий пропорции реального урожая. Преобладание в нем яровых культур указывало на неустойчивость трехполья и существование других систем полеводства.

Изучение материалов писцовых книг привело нас к выводу, что во многих районах ижорского расселения трехполье не было доминирующей системой. Так, например, в волости Ковоша на р. Ковоше на Красных Горках (на южном берегу Финского залива в Каргальском погосте), насчитывавшей 54 села и деревни и принадлежавшей Богдану Есипову, посевы овса и других яровых хлебов более чем в 5 раз превышали посевы ржи. Даже расчет посева сделан здесь писцом на основе яровых, и можно предполагать, что здесь господствовал перелог¹¹⁸. По нашим подсчетам, переложная система (где явно преобладают яровые хлеба) или смешанная (где яровые немного превышают озимые) господствовали в следующих погостах (цифры справа указывают, во сколько раз яровые превышают озимые в составе владельческого дохода в пределах одного погоста):

Замосткий — до 5.

Дятелинский — до 4,6.

Ижорский, Дудоровский и Кипенский на р.Словенской — до 3,16.

Каргальский — до 3.

Толдожский — до 2,5.

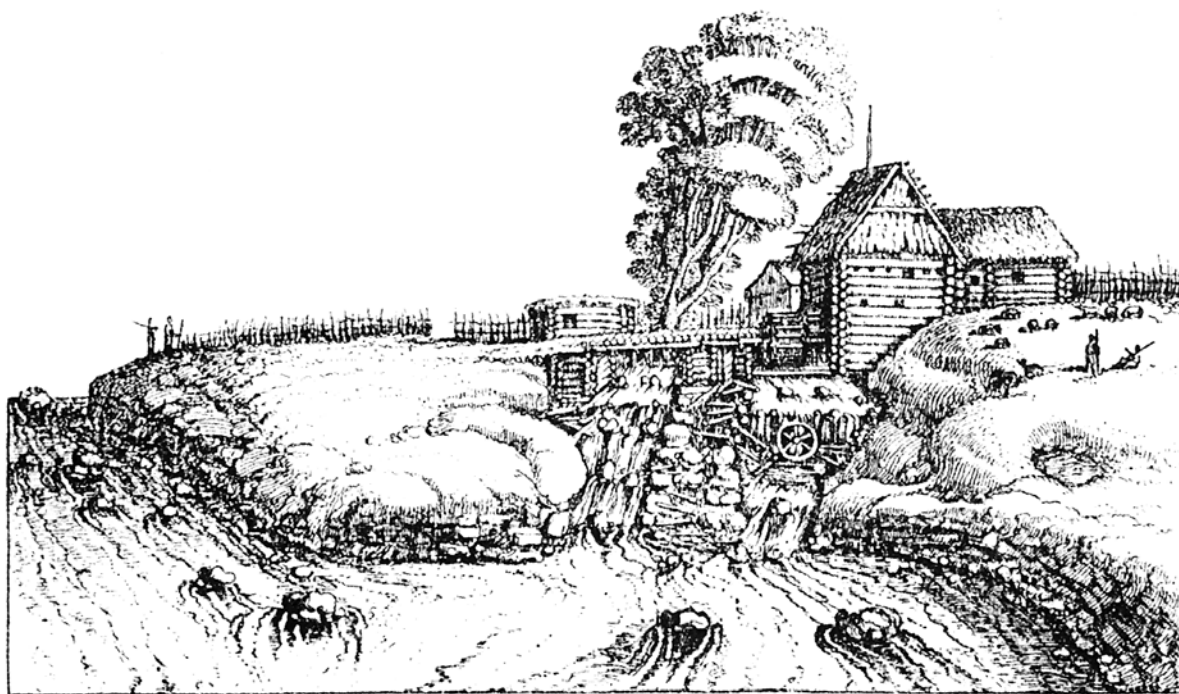
Бутковский и Куйвошский — до 2,14.

Таким образом, необходимо сделать очень важный вывод: при общем преобладании в новгородских пятинах трехпольной системы полеводства, на ижорской территории явно доминирует переложная система, что говорит о существовании в ижорских погостах менее прогрессивной системы земледелия. На наш взгляд, причиной подобного экономического отставания может являться лишь сравнительно позднее включение исследуемых территорий в систему пашенного земледелия. К охоте и рыболовству — древним занятиям ижор, постепенно, под влиянием соседних уже земледельческих народов (древнерусское население, карелы, водь) в эпоху средневековья добавилось земледелие.

Различные косвенные данные дают возможность предположить время перехода ижор к земледелию и оседлому образу жизни. Изменения в хозяйственном укладе неминуемо сказываются на духовных представлениях народа. Так, в процессе перехода к земледелию и оседлости, связанной с определенным земельным угодьем, особое значение обретает культ умерших. Естественно, что все эти процессы не протекают одновременно и существует определенное хронологическое отставание в том, как погребальный обряд отражает изменившиеся экономические реалии. И это затрудняет поиск временных границ периода перехода ижоры к новому типу хозяйства и стабильному проживанию. Тем не менее, к XIV — началу XV в. происходит резкое увеличение количества фиксируемых ижорских могильников и числа погребений в них. Это явление не связано с приходом новых групп населения, т.к., во-первых, захоронения XIV-XV вв. типологически связаны с предшествующими и, во-вторых, не существует региона, откуда подобный ижорскому погребальный обряд мог бы распространиться, так как соседние народы обладали в тот период как другими обрядами, так и другой материальной культурой. Как в свое время в землях корелы и води, так теперь и в зоне расселения ижорских племен происходит своеобразный «взрыв» количества населения, связанный с переходом к новой, более прогрессивной системе ведения хозяйства. Это давало возможности для резкого увеличения числа жителей в связи с появлением более регулярного и обильного источника пищи. Характерно, что все обнаруженные ижорские средневековые могильники располагались у деревень, отмеченных писцовыми книгами в конце XV в., что подтверждает мысль о стабилизации населения. Причем и деревни, и могильники концентрируются

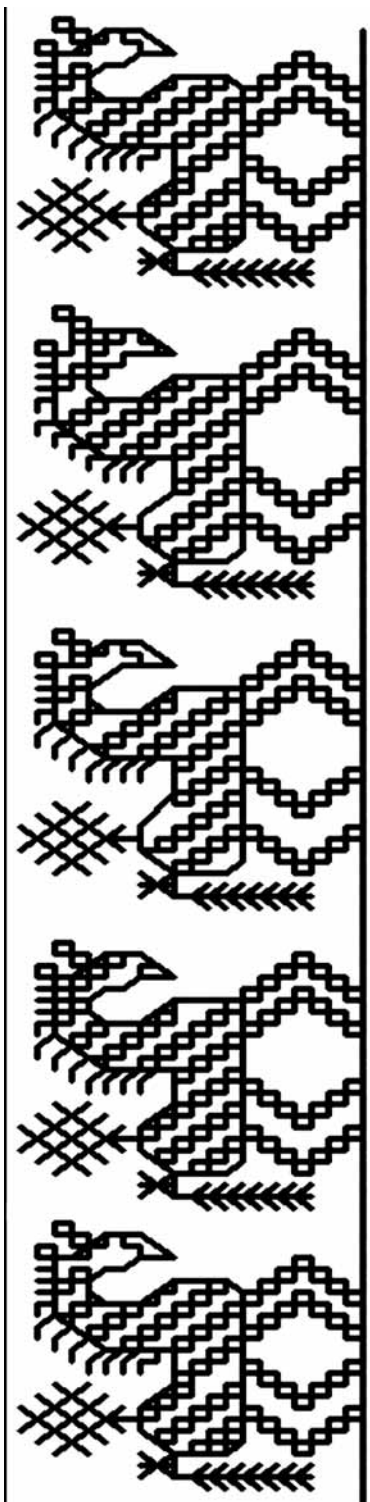
вдоль побережья Финского залива и по берегам впадающих в него рек, что свидетельствует о традиционности занятий рыболовством.

В захоронениях конца XIV-XV вв. заметны некоторые изменения погребального обряда. Естественно, значительную роль здесь сыграло влияние христианства, но не все объяснимо изменениями религиозных воззрений. Более богатый погребальный убор, положение в могилу оружия, обнаружение керамики внутри могильных ям и за их пределами — эти языческие черты обрядности проявляются именно к XIV в., что, на наш взгляд, связано с появлением новой концепции обиталища мертвых как жилища, соответствующего земному. Подобная концепция, проявляющаяся с XI в. в Фенноскандии и на Северо-Западе, отражает переход к земледелию и оседлому образу жизни (подробнее об этом можно прочесть в главе «Культ мертвых»). Таким образом, мы можем утверждать, что к XV в. уже произошли изменения в хозяйственном укладе ижоры и экономические инновации уже нашли отражение в таких консервативных сферах духовной жизни как погребальный обряд. Косвенным свидетельством относительно позднего вступления ижоры в систему земледельческого хозяйства, о котором мы уже упоминали, выступает отсутствие упоминаний об ижоре в сообщениях о неурожаях и голоде, столь частые в средневековых летописях.

Водяная мельница в окрестностях г. Яма. Рисунок А. Готеериса 1615-1616 гг.

ШВЕДСКОЕ ВРЕМЯ

Удивительно, но свой отсчет «исторического» времени сами ижоры начинают со времен шведских войн конца XVI–XVII вв. Самые древние могильники — «шведские», самые высокие горы — порой тоже «шведские», непонятные кучи камней в лесу — остатки «шведских» крепостей. Многие старики вам покажут, где, в какой глубокой речке или неприметном заросшем озере непременно затоплена золотая карета шведского короля Карла XII. К северу от Невы еще в начале XX в. видели остатки бревенчатых дорог, проложенных по болотам шведским генералом Понтусом де ла Гарди, и называли их Понтусовыми дорогами. Сколько я слышала историй о страшных кровавых битвах со шведами, о замученных детях в Урмизно, о тысячах погибших ижор в Колгомпя. Как дрожал голос моей бабушки, скорбно певшей о колесах, катящихся в крови, и костях, как тростник лежащих на берегу...

Видимо, эти войны, и эти беды, и столетие чужой власти были столь тяжелы, оставили такой неизгладимый след в сознании людей, что даже через триста лет ижоры помнят о них, забыв довоенное, «дошведское» время. Всегда горе вытесняет из нашей памяти спокойные и более счастливые времена.

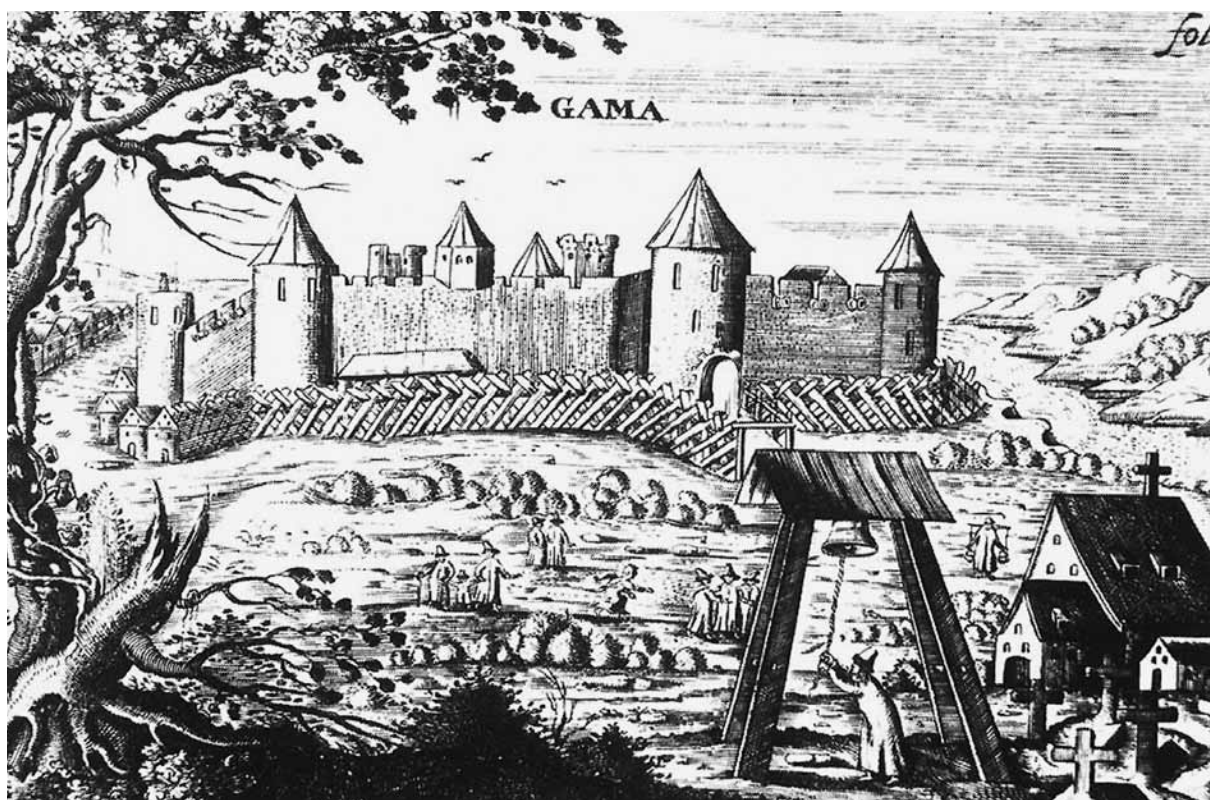
А теперь — история. Сложные конфликтные русско-шведские отношения, начавшиеся еще в средневековье, во второй половине XVI в. продолжились Северной двадцатилетней вой-

ной (1570-1595 гг.). Военные действия не проводились постоянно. Северо-западные русские земли стали ареной сражений лишь зимой 1579 г., когда Хенрик Клауссон Хорн совершил военный поход в новгородскую округу через южные земли Финского залива.

Осенью 1581 г. попытка шведов захватить мощную русскую крепость Ивангород увенчалась успехом. Та же участь постигла крепости в Ивангороде, Яме и Копорье, хотя в 1590 г. Московскому государству в результате военных действий удалось вернуть их. В начале 1583 г. было заключено перемирие, а в 1595 г. в прилужской деревне Тязино был подписан мирный договор, по которому эти земли остались за Россией, лишь Нарва отошла к Швеции¹¹⁹.

Но в 1610 г. военные действия были возобновлены: после тяжелой полугодовой блокады в 1611 г. была завоевана крепость Корела, а еще через год — Орешек, Копорье, Яма и Ивангород. Захваченные земли официально перешли в шведское владение после заключения мира в Столбово в 1617 г. Еще с конца XVI в. в Скандинавии весь северо-запад (т. е. земли и ижоры, и води) стали на-

Крепость Яма. Гравюра из книги Адама Олеариуса. 1633-1634 гг.

зывать Ингерманландией. Название это происходит от смешения ижорских слов «ингерин маа» (что значит «ижорская земля») и шведского «ланд» («земля»). Когда Швеция овладела этой территорией, то за ней окончательно закрепилось название «Ингерманландия».

В 1629 г. было образовано генерал-губернаторство Ингерманландии и Ливонии, из которого в 1642 г. были выделены территории Кексгольмской волости и Ингерманландии с центром в городе Ниеншанце (с 1652 г. — в городе Нарве)¹²⁰. Границы новой шведской провинции Ингерманландии по двум межевым записям от 29 марта и от 3 августа 1618 г. очерчивается следующим образом: на западе — по реке Нарва, на юге — по реке Пята, по среднему течению реки Луга, затем извилистой линией по верховьям рек Ящера, Тосна и Мга, с востока — по реке Лава, с севера — по реке Сестра, по землям севернее озера Лемболовское до берега Ладожского озера. Еще совсем недавно последние ордежские ижоры из деревень Ольховец и Озерешно показывали мне старые камни, по которым когда-то шла русско-шведская граница.

Где и как жила ижора в шведское время? Сведений об этом очень мало. Лишь случайные упоминания в личных записях, судебных документах и официальных посланиях помогут нам прояснить этот невероятно сложный период ижорской истории.

Данные об ижорских деревнях оставил пастор Гезелиус, который в августе 1684 г. вел миссионерскую деятельность в ижорских и водских землях. Во время своей поездки он вел дневник, где между различными заметками упоминал некоторые запомнившиеся ему деревни. В то лето он встретил ижор в низовьях реки Луги — в деревнях Хаавико (теперь — Кейкино), Котко (Орлы), Кукузуи (Куровицы), Нарвузи (Куземкино), Йоэнперя (Краколье). На Сойкинском полуострове они были в деревнях Харкола (Старое Гарколово), на реке Систе в Нурмисто (Урмизно), на реке Хэваа (Коваши) — в деревнях Мурто (Мурдовщина), Харьявалта (Гора-Валдай). Были ижоры и в более южных деревнях Киккериста (Кикерицы), Керстова (Керстово), Гурилева (Гурлево), Раговицы, Карпово, Торма и в ныне не существующей деревне Ляхтенкюля, а также в приходах Скворицы, Новая Буря, Молосковицы (в деревне Ястребиново) и Унодицы. По данным Гезелиуса, ижора жила даже в 15 км к востоку от города Яма (нынешнего Кингисеппа) в деревнях Пустамерса (Пустомержа), Онстapelь и Лапала (Лапино). Встречались ижоры и в деревне Сакернова (Закерновье). Очень много ижор и селений с финно-угорскими названиями было в приходе Тюрис (Мартышкино), были они и в приходе Дудерс (Дудергоф)¹²¹.

Сюда можно добавить и сведения о расселении ижоры, которые дает шведская карта 1676 г., и которые отсутствуют у Гезелиуса. Московский разведчик (или,

как говорилось в то время, «гость») Иван Семенов отметил наличие домов ижор на берегу Невы против шведского города Ниеншанца¹²².

Разбор церковных дел в приходах Тюрис, Куйвас (Куйвази), Ингрис (Инкере), Лисина (Лиссиля) позволил говорить о проживании там ижорского населения¹²³. Сведения подобного рода о других приходах Ингерманландии неизвестны. Таким образом, несмотря на неполноту данных, территория, где в шведское время были отмечено пребывание ижор, велика и во многом совпадает с реконструируемым нами ареалом проживания ижор в средневековье.

Отсутствуют данные и о численности ижор. Известно лишь, что в приходе Косемкина (Куземкино) ижоры и русские составляли почти половину населения, в Сойкина (Сойкинский полуостров) доминировали ижоры и русские, в Каттила (Котлы) и Новабура (Новая буря) русские и ижоры составляли большую часть жителей¹²⁴. Много ижор было в Тюрис (Тюрё) и мало в приходе Скворица. Значительное число ижор проживало на невских берегах, и, видимо, в Спасском погосте, где, по сообщению 1685 г., находилось 500 домов ижор «греческой» (т.е. православной) веры¹²⁵.

Попытки советского историка С.С.Гадзяцкого определить количество водского и ижорского населения в пределах Ингерманландии на основе шведских писцовых книг 1618-1623 гг., содержащих сведения по Ивангородскому, Копорскому и Ямскому уездам (описание Ореховского уезда отсутствует), должны быть признаны неудачными. Исследователь считал, что ижора и водь была представлена крестьянами и бобылями, имевшими нерусские отчества или прозвища типа Иванка Брянкуй, Давыдка Вуттуй, Симанко Иванов Тенойнен. Из 4775 крестьян и бобылей трех указанных уездов лишь 44 человека носили имена подобного облика, что, по мнению исследователя, говорило о крайне незначительном числе ижор и води — 0,9 % всего описанного населения¹²⁶. Важно отметить, что уже в писцовых книгах 1500 года местное ижорское и водское население, крещеное в русских православных церквях, в документах почти повсеместно было записано под официальными русскими именами.

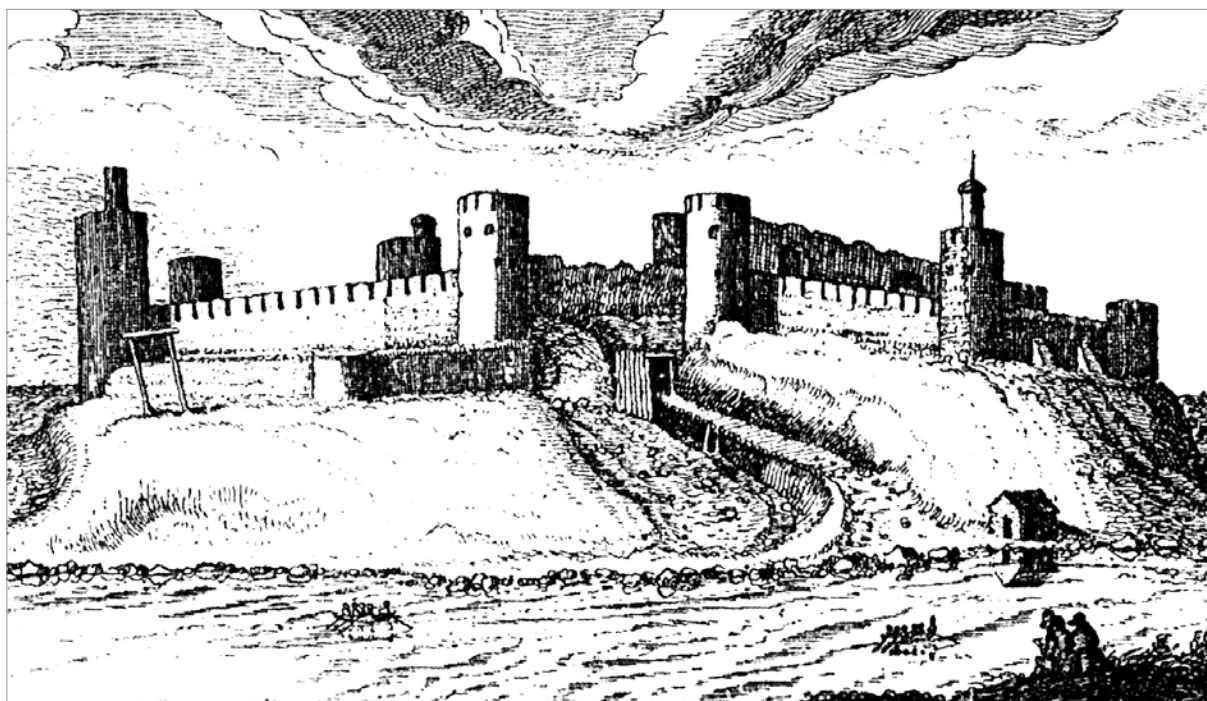
Каковы были последствия многочисленных русско-шведских войн, кратковременных рейдов и захвата шведами ижорских земель?

Смутное время с его непомерными налогами и опричниной, военные походы шведских войск, частые набеги крестьян с территорий, примыкающих к Выборгу, дальние боевые действия конных отрядов поляков послужили причинами тяжелейшего положения, создавшегося в Ингерманландии уже к концу XVI в. На оккупированных шведами территориях взимались огромные налоги не только в шведскую королевскую казну, но и для содержания гарнизонов крепостей. Так, например, крестьяне Копорской волости ежегодно с каждого двора должны были

платить рубль денег, отдавать пять бочек ржи, четыре бочки солода или ячменя, восемь бочек овса, полбочки пшеницы, пятую часть льна, конопли, воска, меда и хмеля. В качестве компенсации за освобождение от постоя солдат дворохозяин должен был сдавать талер в месяц; с бобылей и работников брали плату деньгами, а при необходимости они должны были выполнять для крепости поденные работы. Постой войск был очень тяжелым бременем: в той же Копорской волости, например, на два дома приходилось пять конных воинов.

Кроме того, часто происходили солдатские грабежи. Король Швеции вынужден был дать обещание крестьянам Ингерманландии о возмещении понесенных ими убытков и о применении смертной казни к виновным. Именно тяжелое экономическое положение, сложившееся в результате шведской оккупации и в предшествующее время, явилось основанием для запустения Ингерманландии и ухода части населения на русские земли.

Действительно, уже в конце 1580-х годов в Ивангородской волости была всего 51 возделываемая обжа, а 161 половина пребывала в запустении¹²⁷. В Ямбургской волости в 1589 г. из облагаемых налогом 2205 обж возделывалось лишь 640, а 1564 обжи запустело. В Копорской волости обрабатывалось 380,5 обжи при 3918,5 нетронутых¹²⁸.

Крепость Ивангород. Рисунок А. Готеериса. 1615-1616 гг.

По мирному русско-шведскому договору 1617 г. всем монахам, дворянам и горожанам Ингерманландии и Карелии в течение 14 дней было разрешено выехать в Россию вместе с женами, детьми и прислугой¹²⁹. Приходские священники и все люди крестьянского сословия со своими семьями должны были остаться. Однако многие крестьяне и после 1617 г. тайно переходили в русские земли. Об этом свидетельствуют царские указы о поиске и высылке на родину подобных перебежчиков в ответ на требования шведского правительства (указы от 10 сентября 1625 г., от 18 февраля 1629 г., от 25 июня 1632 г. и от 31 июля 1636 г.)¹³⁰. Лишь после заключения мирного договора в Кардиссе в 1661 г. крестьянам было дано право выезда, о чем в 1663 г. был опубликован «Указ о дозволении финским и русским крестьянам, по заключении мирного трактата, переходить под защиту того Правителя, которого они сами пожелают»¹³¹.

Но уже по документам 1640-1653 гг. из Ингерманландии бежало 927 человек, но были ли там ижоры, и сколько их было, неизвестно. Самые тяжелые времена наступили в 1656-1658 гг. Пока Швеция вела войну с Польшей и Данией, Россия решила вернуть утраченные земли, но попытка не удалась. Сильнее всего пострадало население Ореховецкого лена (в шведское время Ингерманландия делилась на большие административные районы — лены). Оттуда ушло 4442 семей. Копорский лен покинуло 2234, Ямский 956, а Ивангородский — 176 семей. В среднем, это 23 000 человек. В целом Ингерманландия потеряла, по крайней мере, 28 000 человек¹³². Конечно, далеко не все были ижоры, но, вероятно, их число тоже было значительно.

В государственном Архиве Швеции хранится опись деревень, жители которых бежали из родных мест во время войн и набегов. Эти документы, составленные на основе поземельных книг, Шведское Посольство получило от России в 1673 г. В них имеются сведения, в каком направлении ушли более 3600 беглецов из Ингерманландии (не только ижоры). Большинство из них (1450 человек) осело недалеко от границы, в пределах Водской пятины. Жители Ореховецкого лена (147 человек) бежали в Тихвинский уезд Обонежской пятины. Из Ямского лена основной поток перебежчиков шел на Шелонь (566 человек). Бежали и в Деревскую пятину (358), и в Новгород (817). В Псков ушло 213 человек, в Москву и за нее — 62, в Тверские земли всего 4¹³³. Конечно, эти сведения не полные, и касаются не только ижор. Но все же мы можем представить себе за этими цифрами невероятные беды и тяготы той жизни. Еще в 1661 г. в Ингерманландия была лишь треть довоенного населения. Ушедшие возвращались, но, в основном, в западные более спокойные и менее разрушенные деревни.

Осуществлялся переход в русские земли и позднее, о чем свидетельствует челобитная 1693 г. в Москву с просьбой «из под ига немецкого освободить и по-

звалили бы им перейти из тех городов для житья в Олонецкие и в Новгородские и во Псковские страны, чтоб им от их немецкого великого мучения и неволи в конец не погибнуть», написанная от имени 4 500 православных людей из городов Ивангород, Яма и Копорье.

За время столетней шведской оккупации многие ижоры (вместе с русскими и водью) покинули свои селения. На опустевшие земли переселялись финские крестьяне из восточно-финских (а когда-то, до Ореховецкого мирного договора — карельских) приходов, и, прежде всего — из Эюряпяя, позднее — из Северного Приладожья и Саво и, в небольшом количестве, из других мест Финляндии. Ингерманландия стала и местом ссылки шведских преступников. Так, за охоту в шведских королевских лесах полагалась либо смертная казнь, либо высылка в Ингерманландию. До сих пор в деревнях на Кургальском полуострове ходят легенды о том, что первыми финнами на этих землях были нарушители законов, и именно поэтому местные финны такие смелые и совсем ничего не боятся.

К началу 1660-х годов доля финнов поднялась до 40% всего населения Ингерманландии, а к концу столетия — до 70 %. Больше всего финнов обосновалось в самом опустошенном и разоренном войнами Ореховецком лене, где они составили 92% всех жителей. Гораздо меньше финнов было в лучше сохранившихся деревнях Западной Ингерманландии, так, например, в Ивангородском лене их было менее половины¹³⁴. Мы имеем мало сведений о том, как складывались отношения ижор и новопоселенцев. Однако известны случаи совместного празднования православных праздников. Кроме того, финны охотно женились на ижорках, признавая их трудолюбие и аккуратность.

К концу XVII в. из всего населения Ингерманландии в 40-45 тысяч человек местное коренное население составило всего 25-30 %. Из всех административных районов только в Ивангородском лене православное население составляло большинство. И все же и в некоторых местностях ижор еще было много. Например, на месте будущего Петербурга, в дельте Невы, в 1695 г. ижоры жили в 27 из 46 местных деревень. Так, почти полностью ижорскими были деревни Сутела (Волкова деревня) и Аухтуа (Автово), много ижор проживало на Хирвисаари (Васильевском острове), в Кальюла (Калинкиной деревне), Купсила (Купчино)¹³⁵.

Что означала власть Швеции для ижор? Прежде всего, тяжелое налоговое бремя. Самой главной податью был налог на пятую часть дохода (т.е. каждый пятый сноп с полей, каждая пятая часть выращенного льна, шерсти, мяса и т.д.). Существовал и церковный налог. Большинство государственных земель сдавалось в аренду, и новые хозяева требовали с крестьян поденной работы, часто сгоняли их с земель. Основное население Ингерманландии составляли крестьяне. Не-

большие торговые города Ям, Копорье и Орешек были чрезвычайно бедны. Так, в Орешке к концу столетия власти уже не могли собрать все налоги — большинство жителей составляли престарелые и больные, добывавшие себе пропитание возделыванием лишь капусты. В Копорье было лишь несколько ремесленников и торговцев. И жители Яма лишились своего исконного дохода — платы за перевоз через реку Лугу (ее вместе с правом рыбной ловли в Луге королевская казна взяла себе). Настоящими городами были лишь Нарва (в нее входил тогда и Ивангород) и Ниеншанц.

Еще в период шведской оккупации в 1583 г. шведы решили строить крепость на месте бывшей крепости Ландскрона, у слияния рек Нева и Охта. Но только в 1611 г. здесь начались работы, шли они крайне медленно. Лишь в 1632 г. шведские власти решили основать на этом месте новый город — Ниеншанц. Он получил складочные права (право вести заморскую торговлю) и постепенно стал тор-

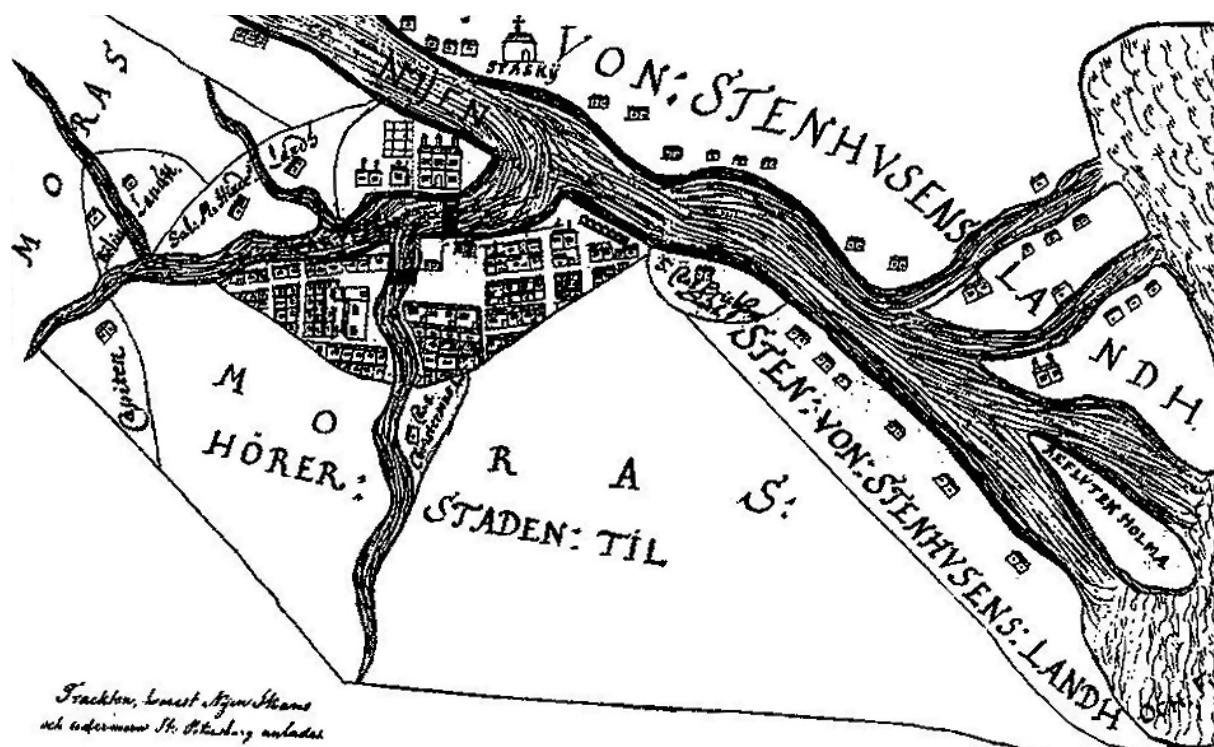

Крепость Орешек-Нотебург. Гравюра из книги Адама Олеариуса. 1633-1634 гг.

говым центром не только Ингерманландии, но и Кексгольмского лена¹³⁶. Но для окрестного ижорского и русского населения он так и остался чужим и опасным центром шведской власти.

Второй бедой обернулась для ижор государственная шведская религия. Правда, Швеция, считавшая лютеранство единственно допустимой верой, при подписании Столбовского мира 1617 г. вынуждена была признать право новых подданных сохранять свою прежнюю веру — православие. Еще в 1630-х годах количество православных церквей было в шесть раз больше лютеранских (48 и 8). Но самые трудные времена начались в 1641 г., когда в приходах Ингерманландии была введена своя собственная административная система. И хотя новому суперинтенданту Стахелю было предписано действовать «с чувством меры», но реальность оказалась иной. Православные церкви низводились до уровня часовен. Каменная церковь бывшего Ижорского погоста на реке Ижоре была использована как строительный материал. Священников почти не было и крестьян заставляли ходить в лютеранские церкви¹³⁷.

Город Ниеншанц на карте середины XVII в.
На правом берегу Невы видно изображение «русской» церкви Спасского погоста.

Вторая попытка массового обращения ижор в лютеранство приходится на 1680-е годы, когда суперинтендантом стал уже упоминавшийся нами Гезелиус-младший. Он опубликовал «Духовное закливание к тем, кто говорит на финском языке, но до нынешнего времени считают себя принадлежащими к Русской церкви...», убеждая водь и ижору, что их родной язык — финский, и их верой может быть только лютеранская, которую они утратили из-за войн и браков с русскими. Гезелиус совершил миссионерскую поездку, прежде всего по местам проживания ижор и води в 1784 г. В большинстве деревень ижоры избегали с ним встречи и уходили в леса. Тем не менее, отчет Гезелиуса говорил о невероятных успехах: им было крещено 1000 детей и обращено в лютеранство более 3000 местных жителей. Позднее он утверждал, что вся водь и ижора в ряде приходов полностью приняли «истинную веру»¹³⁸.

Но ижоры сопротивлялись новой религии. По сохранившимся судебным шведским документам, мы можем представить, как это происходило. Были и публичные отказы хождения в церковь, были демонстративные акции, когда в лютеранских церквях крестились по-православному, были отказы от крещения детей. Хорошо известна история миссионерской деятельности настоятеля церкви в Ниеншанце Якоба Ланга (впоследствии он стал суперинтендантом). Однажды он узнал, что ижоры собрались на свою службу в Спасской часовне, на другом берегу Невы, и отправился туда с солдатами. Народу там оказалось много — туда пришли ижоры и с южного берега Финского залива (тогдашний приход Тюрис), и с севера из Куйвази (из прихода Куйвайстен), и с южного берега Невы (приход Инкере). Солдаты попытались прекратить службу, но, встретив сопротивление, арестовали священника и несколько самых «буйных» ижор. Когда их вели в крепость, все ижоры шли за ними следом. А через полгода ижоры опять открыто пришли на службу в эту же часовню.

В 1685 г. настоятель церкви в Куземкино в западной Ингерманландии Йохан Шоппиус жаловался, что водь и ижоры платят свой церковный налог не ему, а православному священнику. В 1687 г. из прихода Лиссиля пришла жалоба, что в дни служб в лютеранскую церковь приходит по одному человеку от двора, а все остальные идут в русскую церковь.

Но сохранять веру было все труднее и труднее. Уже к 1655 г. в Ингерманландии осталось всего 20 православных приходов, 19 церквей и 10 священников. Были случаи их осквернения и сжигания икон. В случае смерти священника церковь закрывали. Было запрещено брать священнослужителей из-за пределов Ингерманландии. Только после многочисленных жалоб и обращений к королю Швеции миссионерская деятельность стала вестись более осмотрительно¹³⁹.

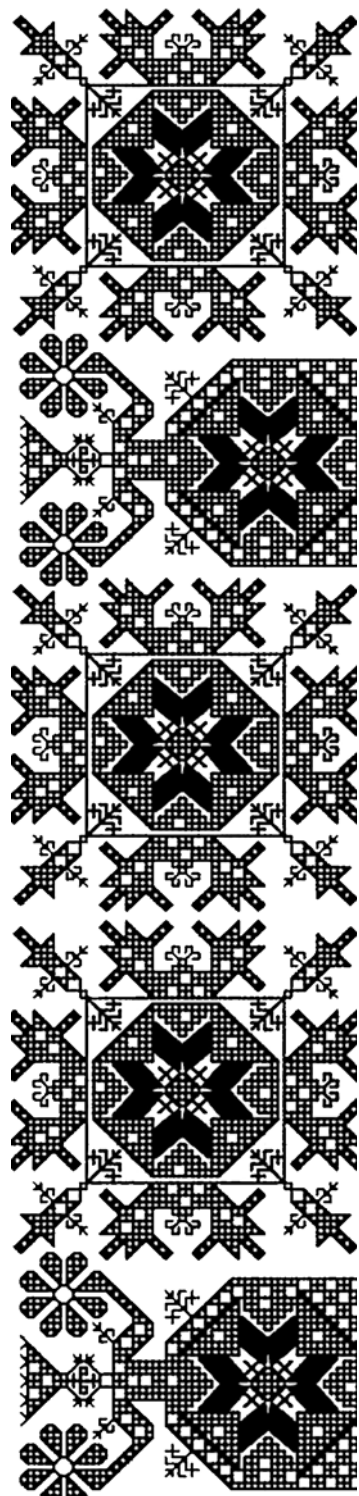
Положение крестьян в Ингерманландии крайне осложнялось и частыми неурожайными годами, и приходящими вслед голодом и болезнями. «Черная» болезнь — чума 1650-х годов унесла больше жизней, чем русско-шведские войны того же времени. Полностью вымерло население огромного числа ижорских деревень, особенно по южному берегу Финского залива. Трудное время наступило и летом 1693 г., когда в Ореховецком лене начался мор, повлекший за собой падеж почти всего скота. А через два года из-за неурожая население было доведено до крайней нищеты: крестьяне вынуждены были продать остатки скота и даже одежду, чтобы выжить.

Начиная с 1695 г. и в течение трех лет неурожай и голод были столь ужасающими, что умирали целыми семьями. Это было время «большого голода». Многие местные жители бежали из Ингерманландии. Пахать было некому. По дорогам бродили сотни нищих. Кражи съестных припасов, особенно зерна, резко возросли.

Дороги из бревен через болота Ингерманландии. Рисунок А. Гетеериса. 1615-1616 гг.

ИСТОРИЯ ИЖОРЫ В XVIII-XIX вв.

ВХОЖДЕНИЕ ИНГЕРМАНЛАНДИИ В РОССИЮ

Борьба России и Швеции за южные берега Финского залива велась постоянно. Уже в 1702 г. русские войска вторглись в Ингерманландию и осенью взяли крепость Орешек. На следующий год 1 мая был взят Ниеншанц, а камни и бревна его разрушенных домов, церквей и бастионов пошли на строительство будущей новой столицы России. По рассказам очевидцев, их брали на постройку крепости и дома канцлера Российской империи Г. И. Головкина¹⁴⁰. И еще долго этот разрушенный город напоминал о себе заплывающими рвами и земляными насыпями, сохранившимися до начала XX века, обнаруженными кладами шведских монет и затопленными пушками. Не оказала долгого сопротивления крепость Копорье, где до сих пор ходят легенды о том, как приезжал и ходил по крепости Петр I, осматривая брошенные шведские мортиры. Быстро сдалась крепость Ям, а через год — Нарва и Ивангород.

И опять сильнее всего пострадали восточные районы Ингерманландии. В период сражений 1702 г. многие бежали оттуда. Но даже основание Санкт-Петербурга, которое в нашем сознании закрепило эти земли за Россией, не прекратило их беды: за шведским набегом 1706 г. последовал поход 1708 г. Генерал Любекер через Карель-

ский перешеек и Неву вышел к Славянке, затем был вынужден отступить к берегу Финского залива. Береговые ижорские деревни были разорены и разграблены, продовольствие из Швеции поступало с трудом. В ижорской деревне Колгомпя шведы вынуждены были сесть на корабли и отплыть в Финляндию¹⁴¹. Память сойкинцев сохранила воспоминания о бегстве шведов. Екатерина Александрова, еще недавно жившая в деревне Волоитса (Валяницы), слышала от матери предание о следах от шляпы и трости, брошенных в Копорской крепости шведским королем, и сама пела об этом бегстве:

Vennähen kunikas veekas	Российский король хитрый
Sai too kuulla toon i kumman,	Услышал о том чуде,
Pani tykit tyrskömää,	Заставил пушки плеваться,
Pani looet loiskomaa,	Пустил снаряды шлепаться,
Kaatoi väen Kabriost,	Сразил народ в Копорье,
Kovan joukon Kolkoppääst,	Большой отряд в Колкомпя,
Ja vähen vääen Väärnojalt,	Немного народа в Вярноя,
Laivat lasetti merroi... ¹⁴²	Корабли затопил в море...

Возвращенные земли в 1708 г. образовали российскую Ингерманландскую губернию, вошедшую через два года в состав Санкт-Петербургской губернии. Но лишь в 1721 г. эти земли официально стали частью Российского государства. Во время ревизии 1732 г. в Ингерманландии насчитали лишь 14,5 тысячи «старожилов ижорян» (по-видимому, в это число включены и водские жители, так как о них отдельно не упомянуто)¹⁴³.

КРЕПОСТНИЧЕСТВО

Как сказался на ижорах, с трудом перенесших тяготы шведского господства, новый российский порядок? Немецкий посол Фридрих Вебер писал, что в Ингерманландии после войн повсюду царила «великая бедность», но «здешние ижоры и карелы были крепким народом, который сможет выдержать все». Самым тяжелым бременем на целых 150 лет легло на ижор крепостничество. В России привязка крестьян к земельным наделам была произведена еще в 1620-е годы, а в 1646 г. вышел указ, закрепивший за землевладельцами крестьян со всеми их потомками, но это не коснулось жителей шведской Ингерманландии. В полной мере все тяготы крепостничества обрушились на них в XVIII в., особенно во

Знаменитый ижорский рунопевец Онтропо Мельников
из прихода Вуоле на Карельском перешейке.
Фотография С.Паулахарью. 1911 г. Музейное Ведомство Финляндии

времена Екатерины II. Невозможность распоряжаться своей жизнью, жесточайшая привязка к земле, барщина, неразрешенность жалоб на помещика, продажа людей — это далеко не все тягчайшие проявления крепостного права. Кроме того, еще Петр I ввел «подушный» налог, и если раньше подати брались с размера запашки (т.е. был «поземельный» налог), то теперь — с каждого человека, внесенного в «ревизские сказки». И этот налог был велик. Особенно тяжело было помещичьим крестьянам — к концу XVIII в. они платили 5 рублей налога, а государственные — 3 рубля. И хотя в 1780 г. был издан указ, по которому барщина была ограничена тремя днями в неделю, но в помещичьих усадьбах все решал управляющий. Память народа сохранила воспоминания о тяжелейших временах крепостничества. До сих пор в окрестностях Куземкино, на берегу Луги, ходит поговорка: «Салака — не рыба, копейка — не деньги, крестьянин из Итово — не человек». Ведь имение Итово вплоть до отмены крепостного права «славилось» своими жесточайшими порядками.

Нам сейчас трудно представить себе, что значило крепостничество для людей, как отзывалось в их душах и сердцах, как подавляло волю, перечеркивало надежды. Наказания плетью, порой до смерти, насильственные свадьбы, продажа крепостных — для нас это лишь страшные слова. Всего за два года до отмены крепостного права в 1861 г. финский исследователь Саксбек, путешествуя по Северной Ингерманландии, встретил известнейшего ижорского народного певца Онтропо Мельникова. Хотя надсмотрщик запретил крепостному петь, Онтропо все же в перерыве между работ спел одну руну, за что был подвергнут публичной порке плетью, как и много раз до и после этого. Потом, гораздо позже, когда его спрашивали, почему знаменитая ижорская певица Ларин Параске знает в 20 раз больше песен, чем он, Онтропо отвечал, что от побоев не только «хрустит негнущаяся шея, но и крошится память»¹⁴⁴. Может быть, именно поэтому, почти все песни Онтропо Мельникова были трагическими.

Но стойкий и гордый характер ижор не давал им согнуться. И об этом говорят не только сотни антикрепостнических песен, но и реальные события. Известна история, произошедшая с жителями деревни Суур-Арсия на реке Россонь. Люди там были доведены до отчаяния: на себя им удавалось работать лишь ночами, за малейшую провинность наказывали розгами. И вот, однажды ночью они собрались и написали письмо только что вступившему на трон императору Александру I с просьбой отправить их в Сибирь, где не было крепостного права. Лишь после второго письма пришло высочайшее соизволение назначить им новое место проживания на границе лесов и степей в Тобольской губернии. И в 1802 г. двадцать семей, погрузив на разваливающиеся телеги свои круглые кадки, рванные сети, ослабевших от десятилетий непосильного труда стариков и голодных

детей, отправились в свой безнадежный путь в тысячи километров. И они дошли! Не все, похоронив многих на обочинах непроходимых дорог, но сохранив веру, что хоть где-то должно быть счастье, они добрались до Сибири. И первое, что они сделали — построили часовню, потому что лишь Бог мог им помочь в этом невозможном пути¹⁴⁵.

РЕКРУТЧИНА

Наряду с крепостным правом существовала и другая тяжелая повинность — рекрутчина. Мы еще расскажем о том, какой тяжелый след оставили бесчисленные войны в ижорских песнях. И когда люди пели, что им не следовало бы это делать «даже семь столетий» — это были не преувеличенные слова, это была народная мера многовековых непрестанных сражений, где они были не гордыми и счастливыми победителями, а всегда теряющими отцами, вечно страдающими матерями.

Во времена шведов в Ингерманландии не было воинской повинности — слишком ненадежны были жители новой шведской провинции. Но русские власти ввели ее, и она, прежде всего, легла на крестьянство. Помещики составляли списки рекрутов, зачастую злоупотребляя своей властью и отдавая в солдаты непокорных. Еще во времена Петра I военная служба была пожизненной. И эта солдатская жизнь могла быть слишком короткой. Провожая парней в армию, давая им деревенскую подводку, мастера им солдатский деревянный ящик для скудного походного скарба, доходя с ними до конца большого прогона или до следующей деревни, каждый помнил, что это может быть последняя встреча...

”Itketkos iso miuista,
Kun soas sorretaan,
Alla linnan ammutaan?”
”Miks en mie siusta itke
Ainuaista poikojain,
Itken illat ikkunoissa,
Oamut ai’an seipähissä,
Puolet päivät porstuassa,
Kuukauet kujasiin suussa,
Talvet tallin rappusilla,
Päivät peltoin perällä...”¹⁴⁶

«Заплачешь ли, отец, по мне,
Если на войне убьют,
И под крепостью застрелят?»
«Как мне по тебе не плакать,
По единственному сыну?
Буду плакать вечерами у окон,
Время утра — у забора,
До полудня — в сениях,
Месяцами — у прогона,
Зимами — у дверей конюшни,
Днями — за полями...».

Так пела об отправке на войну более ста лет назад ижорка Лукерья Мельникова из Вуоле (Вуолы) к северу от Невы.

Лишь в 1874 г. был издан закон о сокращении этого чрезвычайно длительного срока службы. Но и почти через сто лет на Сойкинском полуострове звучали плачи по парням, забираемым в солдаты.

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЯ ИЖОР

Да, жизнь была нелегка. И она ничем не отличалась от такой же, порой беспроектной, порой дающей маленькую надежду жизни сотен тысяч таких же крестьян, десятков таких же народов. Но все же было одно небольшое отличие. Отличие, может быть, не столь важное для самих ижор, незначимое для их обычных хлопотливых дел, изнурительных трудов и маленьких праздников. Отличие, незаметное для их мыслей и надежд (хотя, кто знает, как меняет нашу жизнь сознание, что мы кому-то интересны и для кого-то важны!). И это отличие от других народов, столь же долго и терпеливо живших в пределах России, заключалось в следующем: ижор заметили. Заметили не так, как в летописях, когда говорили о помощи ижор в охране рубежей Новгородского государства, не так, как в европейских буллах, когда опасались язычников ингров, и не так, как в переписных русских и шведских книгах, где рассматривали их как плательщиков непомерных налогов. Ижор заметили как удивительный, самобытный народ со своей непонятной, порой даже странной культурой, со своими древними песнями, со своими представлениями о красоте, о добре, о вере.

Первым, кто обратил внимание на культуру ижор, был академик Иоганн-Готлиб Георги — исследователь народов Российского государства, издавший в 1776 г. «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...», где ижорам были даны краткие и порой наивные характеристики¹⁴⁷. В книге было и первое изображение ижорского костюма с надписью «Чухонка в уборном платье».

Любопытные замечания относительно хозяйственных занятий и некоторых этнографических особенностей местного населения можно обнаружить и в «Топографическом описании С.-Петербургской губернии», составленном, вероятно, в 1782 г. Отмечено присутствие ижор в Ораниенбаумском, Нарвском, Ямбургском и Шлиссельбургском уездах, степень их ассимиляции, описаны ижорская одежда Ораниенбаумского уезда, ижорские и водские обычаи в Нарвском уезде. Особый интерес вызывает указание на 162 души «особо наречия языка Корельского» (в XVIII-XIX вв. во многих официальных документах ижор именовали «корелами»), живших в округе Егорьевской выставки Экономического ведомства, что является, вероятно, указанием на ордежскую группу ижор¹⁴⁸.

Уникальна рукопись Федора Туманского «Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии», написанная в 1790 г. и пролежавшая в архиве Публичной библиотеки долгие года. Полагают, что сам Туманский решил не издавать ее, так как в том же году вышла в свет работа И.-Г. Георги «Описание <...> С.Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного». Лишь в 1968 г. эту забытую рукопись нашла и в 1970 г. опубликовала с комментариями на эстонском языке историк Элина Эпик¹⁴⁹. Материалы рукописи позволяют говорить о посещении Ф.Туманским весной 1790 года ижорских нижнелужских деревень Орлы, Манновка или Тиенсуу, а также мест недалеко от деревни Лендовщина на реке Коваши. Труд Туманского своей детальностью и достоверностью превосходит многие современные исследования. В нем содержатся разделы об истории края и о населяющих Петербургскую губернию народах. В нем есть доскональные описания ижорской одежды и свадьбы, верований и суеверий, заметки о хозяйстве и о растительном мире, составлена карта расселения народов в губернии. Более того, к рукописи приложен краткий словарь местных наречий (в том числе и ижорского языка под наименованием «ямское наречие»), приводятся ижорские слова и при описании частей одежды и свадьбы. Туманский первым отметил существование двух разных этнографических групп ижоры, одну из которых он назвал «ижоры», а другую — «ямы», описал их территории расселения и этнографические особенности. Описания Ф. Туманского столь точны и детальны, что его труд и поныне является прекрасным этнографическим источником.

Но в этом исследовании конца XVIII в. меня поражает не столько обилие крайне интересных данных, но, прежде всего, бесконечное уважение к народам, чья культура так долго оставалась неизвестной. Остается лишь сожалеть, что эта рукопись издана с таким запозданием.

Планомерные научные изыскания стали проводиться лишь в XIX в. Первым серьезным научным исследованием истории и культуры ижоры явился, без сомнения, труд академика Андреаса Иогана Шегрена «О финском населении Санкт-Петербургской губернии...», изданный на немецком языке в 1833 г.¹⁵⁰ Извлечения из него были напечатаны в 1840 г. на русском языке. А. Шегреном была сделана первая сводка русских и шведских письменных источников об ижоре, предприняты первые попытки объяснения происхождения ижоры и ранних этапов ее этнической истории, обследован язык. Но и после написания столь серьезного для тех лет труда, Шёгрэн не перестал интересоваться историей народа, столь близкого к Петербургу и столь незнакомого для его жителей. В 1846 г. им была осуществлена экспедиция в Курляндию для изучения исчезающего племени «кревинов» — потомков нижнелужского смешанного

ижорско-водского населения, в начале XV в. угнанных Ливонским орденом в Прибалтику¹⁵¹.

Исследования А. Шегрена были блестяще продолжены в трудах Петра Кеппена, которым была кратко описана история ижоры до 1617 г., издан хронологический указатель материалов по истории ижоры¹⁵². Но самым главным его трудом стала «Этнографическая карта Санкт-Петербургской губернии» и «Объяснительная записка» к ней¹⁵³. Используя сообщения приходских пасторов о количестве прихожан на основе церковных книг и опираясь на материалы собственных поездок, П.И.Кеппену удалось проделать колоссальную по объему работу по выявлению местного финно-язычного населения. В том числе он дал полное и детальное описание численности ижоры по состоянию на 1848 год. Общее число ижор в Петербургской губернии составляло 17800 человек, а в соседней Выборгской губернии — еще 689 человек. При этом вполне естественно было возникновение определенных неточностей.

В 1866 г. А.М. Раевская произвела археологические раскопки первых ижорских средневековых захоронений у деревни Усть-Рудица на реке Коваши и привезла из близлежащих ижорских деревень целые комплексы народных ижорских костюмов и некоторые предметы женского труда¹⁵⁴.

Однако конец XIX — начало XX в. стали своеобразной лакуной в российском изучении быта и культуры ижоры. Уже предложения А. Шегрена о продолжении работ среди финно-язычного населения С.-Петербургской губернии не встретили должного понимания со стороны руководства Русского Географического общества, и осуществить их не удалось. Петербург как бы забыл о близком существовании ижор. Лишь издания по земской статистике и епархиальные материалы конца XIX в. попутно сообщают некоторые сведения о расселении и особенно-стях культуры ижор.

Но со второй половины XIX в. народы Ингерманландии со свои архаичным странным миром фольклора и древней культурой стали невероятно интересны финским исследователям. Более 1000 человек посвятили кто дни, кто месяцы, а кто и всю жизнь ижорским рунам, языку и культуре! Но всему свое время, и подробнее об этом мы расскажем в главе «Фольклор».

РАССЕЛЕНИЕ ИЖОР В XIX в.

Рассмотрим упомянутые данные о расселении ижор внимательнее, потому что именно на их основе мы не только впервые смогли узнать, сколько, в каких селениях и уездах проживали ижоры более 150 лет назад (см. цветную иллюст-

рацию III). Но мы стали пристальнее вглядываться в современных жителей этих деревень, внимательнее вслушиваться в их воспоминания, тщательнее изучать их культуру. И выяснилось, что, забыв из-за слишком частых превратностей личной и народной судьбы, что они по происхождению — ижоры, многие из них все равно сохранили все себе какие-то частицы уникальной древней ижорской культуры. А, значит, нам удалось вернуть этим людям очень важное и им самим нужное — собственную историю.

Напомним, что по данным Петра Кёппена, на 1848 г. общее число ижор, проживавших в 222 селениях шести уездов Санкт-Петербургской губернии составило 17800 человек. Кроме того, Кёппен нашел ижор и в 16 деревнях приходов Рауту и Саккола соседней Выборгской губернии. Некоторые поправки и дополнения к данным П.И. Кёппена уже в наши дни произвел ижорский краевед И. Т. Федоров, учитывая сведения последующей земской подворной переписи 1882 г. и материалы земской статистики 1880-1890-х годов¹⁵⁵.

Мы приведем конкретные цифры и факты по расселению ижор второй половины XIX века, дополнив эти данные материалами по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губернии 1882-1892 гг.¹⁵⁶, епархиальными сведениями¹⁵⁷, а также добавив результаты собственных многолетних полевых исследований и данные огромной исследовательской работы, проведенной блестящим знатоком Ингерманландии А.В. Крюковым.

В целом во второй половине XIX в. ижор было около 20 тысяч человек, и проживали они в 259 деревнях. Указывая деревни, мы будем приводить, прежде всего, ижорское название селения, а в скобках — русское, обозначая цифрой численность ижор в данной деревне. Если будет указано лишь одно наименование — значит, ижорское название совпадает с русским или отличается от него крайне незначительно. Важно отметить следующее: деревни распределены по православным приходам, и иногда жители одной деревни могли быть прихожанами разных приходов (может быть, в силу переселений) — поэтому порой одну деревню можно встретить в списках разных приходов (так, например, в деревне Вайнкюля Петергофского уезда было 24 ижора-прихожанина Дятлицкого прихода и 13 — Ропшинского). Кроме того, по некоторым деревням статистические данные отсутствуют.

Итак, в **Выборгской губернии** Финляндии ижоры жили в деревнях Сиркиенсаари (ныне — д. Пески Приозерского района) — 43 человека (в дальнейшем число ижор в деревне будем обозначать просто цифрой), Керипата (часть современного поселка Сосново) — 52, Рассули (часть поселка Орехово) — 23, Косила (современный поселок Запорожское) — 31, а также в ныне несуществующих деревнях Петрола — 9, Андрусмяки — 39, Палкеала — 106, Гускулы — 15,

Кунинканселькя — 32, Суниккала — 32, Ваккела — 98, Маанселькя — 10, Вепса — 18, Лапанайс — 138, и Тимола — 20. Ижоры этих «финляндских» деревень были прихожанами православной церкви в деревне Матокса по русскую сторону границы.

Приведем подробные данные по **Санкт-Петербургской губернии.**

В **Петербургском уезде** 1843 ижора проживало в 40 деревнях, большей частью вместе с ингерманландскими финнами. Больше всего ижор было на Карельском перешейке — в 37 деревнях: в мызе Ревонненя (поселок Лисий нос) — 145, в деревне Ванхакюля (раньше — деревня Ижорка, позднее — Старожиловка, сейчас — часть поселка Парголово) — 95. Ижорскими деревнями были Рипатсу (Рыбацкая) — 109, Суур-Лауриikka (Лаврики) — 34, Пиен-Лауриikka (Старожная, Малые Лаврики) — 68, Харпала (Гарболово) — 48. На территории, сейчас занятой большим поселком Васкелово, раньше располагалась целая группа деревень, где жили ижоры: мыза Ненямяки — 9, деревня Ненямяки — 35, Васкела (Васкелово) — 51, Юскела (Юшкелево) — 41, Симанла (Симанолово) — 20, Пеккола (Пекколово) — 21, Комула — 14, Паяринмяки (Бояримяки) — 15, Ховинмяки (Гови-мяки) — 45, Ристала (Ристула) — 24, Ванккала (Лукаши, Лукошки) — 13, Мяки (Варварина мыза) — 3, Мискюля — 47. Из последней деревни была родом знаменитая ижорская народная певица Ларин Параске. Были ижоры и в деревнях Корписелькя (Коробсельки) — 35, Сутела (Волково, располагалась на территории современного Фрунзенского района г. С.-Петербурга) — 17, Мистола (Мистолово) — 30, Рокансаари (Рогосары) — 11, Хаапасаари (Гобсары) — 26, Киискиля (Кискилево) — 12, Оссельки (Верхние Осельки) — 5, Куйвайс (Куйвози) — 12, и в ныне не существующих селениях Кюляньятко — 27, Термола — 33, Вейккола — 41, Перямяки — 12, Маркела — 22, Ойнала — 12, Лемпаала — 96, Коронсаари — 13. Не сохранилось точных цифр о числе ижор в деревнях Нааккала (Накколово) и Тойвоккала (Тойвокала).

На южной стороне Невы 602 ижора жили в деревнях Лииха (Лигово, там они были до 1941 года), Панова (Старо-Паново — 254), Расвала (Новая).

В **Шлиссельбургском уезде** ижоры проживали в деревнях Вуолы — 108, Лопотти (Сергеевка) — 12, Токсово — 7. Известно проживание ижор в деревнях Савкола (Савочкино, тогда — часть деревни Копиттала-Капитолово) — 9, Койвукюля, Катумаа (Катумы), Путкела Путкелево), Юля-Мииккула (Верхние Никулясы), Алакюля (Нижние Никулясы), Пурну (Пурново), Суояла (Большое Сойлово), Пиени-Суояла (Малое Сойлово), Лехтойн-кюля (Лехтуси), Маатоксин-кюля (Матокса), Сохвола (Софолово, тогда — часть деревни Кююряхака-Кюрегака) — 32. В последней деревне родился упомянутый нами выше самый известный ижорский народный певец Онтропо Мельников. В большой ижор-

ской деревне Липка на Староладожском канале близ крепости Шлиссельбург (г. Петрокрепость) было 418 ижор. Кроме того, можно предполагать наличие ижор еще почти в 40 деревнях Северной Ингерманландии.

Ижоры Карельского перешейка довольно быстро ассимилировались. Часть из них стала называть себя *суомалайсет* (финнами) по сходству языка, а большая часть — *венялайсет* (русскими) по единству веры. А со стороны местных финнов часто по отношению к ижорам здесь использовалось наименование *венняйнускойсет* («русской веры»).

По переписи 1926 г. здесь лишь несколько человек называли себя ижорами. Ижорскими признали себя две семьи из деревни Лепписаари (Лепсари), пять семей из Сепянсуо (Проба), две семьи из Папуси (Бабино), две семьи из Судэнмяки (Волчьи Горы), одна семья из Юля-Кяссюля (Верхнее Кясселево) и одна семья из Хаапа-ойя (Хапо-оя)¹⁵⁸. Но еще 10 лет назад в деревнях Ненимяки, Софолово и Мискумяки я встречала людей, которые помнили, что их в детстве (а их детские годы пришлись на начало XX в.) дразнили «инкерикот» («ижоры»), хотя они сами уже не понимали смысл этого слова¹⁵⁹.

В **Царскосельском уезде** по материалам П. Кеппена 367 ижор жило в 12 деревнях.

В Дылицком приходе существовало 4 деревни, где проживало 93 ижора:

Луйскиниц (Луйковицы) — 28, Туарвитса (Таровицы) — 18, Войсковитса (Учхоз) — 14, Сикониemi (Сигонемы или Цыгонемы) — 33.

В Гатчинском приходе 104 ижора проживали в 4 деревнях: Мюлльонкюля (Гатчинская Мельница) — 21, Пиени-Колппана (Малые Колпаны) — 10, Пааритса (Парицы) — 55, Тяякели (Тяглино) — 18.

В Красносельском приходе 52 ижора проживали в д. Перякюля (Перекуля).

В Пулковском приходе П.Кёппен отметил 62 ижора в д. Пиен-Каттилайси (Катлино).

В Сиворицком приходе в 2 деревнях проживало 56 ижор: Согино — 26, в Тихковитса (Тихковицы) — 30.

Из других источников известно проживание ижор в деревнях Суомен-Койрой (Финское Койрово), Самерайси (Новополье), Карстала (Карстолово), Вихкола (Викколово), Илккия (Илькино). Есть косвенные данные о проживании ижор еще в 50 селениях уезда.

В **Лужском уезде** было 12 ижорских деревень по берегам рек Оредеж, Кременка, Ящера и вокруг озера Вялье. В глухих болотистых лесах, в окружении отдаленных русских деревень жили так называемые оредежские ижоры — 2179 человек. В Чаще их было 234 человека, в Новинке — 164, в Озерешно — 209, в Нестерково — 206, в деревне Ольховец — 155, в Кремено — 329, в Пелково — 297, в Тараси-

но — 249, в Воцко — 37, в Низовке — 53 и в селении Чернецы — 49 ижор. Оредежские ижоры долго сохраняли архаичные особенности в быту и языке. Но сейчас язык забыт. С последним стариком я говорила по-ижорски в 1983 г.

В **Петергофском уезде** Кеппен обнаружил 96 деревень, где (в основном совместно с финнами-савакот) проживали 6393 ижор. Кроме того, Кеппен упоминал еще 8 деревень, не указывая число ижор в них: Лебяжье, Пихиля (Пигелево), Хапуни (Хабони), Луккала (Лукколово), Метсола (Липицы), Лёутуйс (Левдузи), Кикинка и Канази. По данным земской статистики в 1882 г. в этих деревнях проживало 411 человек. По другим же деревням численность ижор распределялась следующим образом.

В Копорском приходе 612 ижор проживало в 11 деревнях: Пернуска (Пернушка) — 51, Кирну (мыза Керновская — 12; Новое Керново — 90; Старое Керново — 53), Большие Копорки — 64, Малые Копорки — 35, Хатабуса (Готобужа) — 57, Верхние Лужки — 93, Средние Лужки — 57, Нижние Лужки — 46, Керновская бумажная фабрика — 34.

В Ковашском приходе 1149 ижор были встречены в 14 деревнях. Некоторые деревни были очень велики — Вепся (село Коваши) — 225, Лентиизи (Лендовщина) — 238. Ижорскими были деревни Мурто (Мурдовщина) — 33, Харьявалта (Гора Валдай) — 70, Вяскюля (Старые Калищи) — 102, Кангаспя (Новые Калищи) — 43, Тенттёля (Тентелево) — 100, Сюръя — 32, Перякюля (Кандокюля) — 66, Коскенкюля (Ломоносово) — 39, Хуурола (Шишкино) — 100, Пулково — 49, Хармаала (Шепелево) — 49, мыза Коваши — 3.

В Медушском приходе 802 ижора проживали в девяти деревнях: Первые Усть-Рудицы — 153, Вторые Усть-Рудицы — 52, Савольщина — 53, Руитсан Конту (Стародворье), Десятская, Новая Буря, Новые Медуши, Голубовицы, Рудица.

В Ораниенбаумском приходе выделялось 13 селений с ижорским населением в 1158 человек: Юхинмяки (Красная горка) — 94, Асиккала (Новая деревня) — 83, Малые Борки — 86, Кангайс (Большие Борки) — 74, Хайсевайси (Большая Ижора) — 207, Куккойс (Кукузи) — 14, Тиериккола (Малая Ижора) — 127, Пенниккала (Пенники) — 65, Пронна (Бронная) — 154, Хяннос (Коновалово) — 119, Тамменконту (Таменгонт) — 14, Болотино — 54, Латикан Суокас (Латики) — 64, Уусикюля (Ускуль) — 1, Лиимойс (Лимузи) — 1, Большая Коновалова — 1.

В Петергофском приходе было восемь ижорских деревень: 362 ижора проживало в деревнях Тюрис (Мартышкино — 60), Темяшкина — 40, Ноткола (Нотколово) — 54, Бобыльская — 40, Кюляппя (Бабий Гон) — 13, Капаканмяки (Кабацкая) — 40, Порсас (Порлово) — 83, Куусиоя (Новая) — 32.

В Бегуницком приходе 429 ижор было в пяти деревнях: Теглицы — 106, Рукулицы — 84, Лашковицы — 98, Коростовицы — 116, Радицы — 25.

В Дятлицком приходе располагалось восемь деревень, где проживало 442 ижора: Суокюля (Сокули) — 33, Маккола (Малое Косино) — 78, Косино (Большое Косино) — 153, мыза Лапинская — 4, Вилппуси (Вильпузи) — 75, Левола (Левво-лово) — 53, Вайнкюля (Чудиново) — 24, Кивикко (Каменка) — 14, Горки — 8.

В Дылицком приходе 149 ижор можно было встретить в шести деревнях: Ижора — 53, Смолькова — 29, Заполье — 17, Яскюля — 14, Колодицы — 20, Шпаньково — 16.

В Глобичком приходе 406 ижор жили в трех деревнях: Глобицы — 122, Воронино — 115, Горбовицы — 169.

В Гостилицком приходе в двух деревнях было 261 ижор: Йоенкюля (Большое Горлово) — 206, Якове (Малое Горлово) — 55.

В Ропшинском приходе 238 ижор проживало в восьми деревнях: Уусикюля (Ильина) — 31, Коровина — 9, Волоссова (Волосово) — 14, мыза Красная — 4, Эйляля (Елатина) — 37, Малкунайси (Малкунова) — 70, Исала (Исаева) — 60, Вайнкюля (Чудинова) — 13.

В Знаменском приходе было три селения, где проживали 106 ижор: Похйойс (Поэзии) — 82, Кирппула (Коркуни) — 22.

В Стрельнинском приходе 209 ижор жили в д. Миелис (Мелизи или Кикинка).

В Высоцком приходе 70 ижор проживало в д. Уусикюля или Тимола (Уску-ли).

В **Ямбургском уезде** Петр Кеппен отметил пребывание 7493 ижор в 64 деревнях. Перечислим их.

В Кейкинском приходе 2311 ижор проживало в 18 деревнях: Хаавикко (село Кейкино) — 207, мыза Кейкино — 16, Тиенсуу (Извоз) — 177, Манновка — 126, Котка (Орлы) — 203, Куккузи (Куровицы) — 319, Феодормаа (Федоровка) — 27, Ванхакюля (Илькино) — 127, Сутела (Волково) — 72, Косемкина (Куземкино) — 235, Пярспя (Липово) — 197, Такавалья (Новая) — 133, Лаукаансуу (Остров) — 185, Ропсу (Ропша) — 132, Ропсу (мыза Ропша) — 14, Куркула (Курголово) — 31, Хамала (Хамалово) — 55, Калливиери (Фитинка) — 55.

В Копорском приходе ижоры численностью 1451 человек проживали в 14 деревнях: Колокка (Головкино) — 92, Наккова (Нахково) — 124, Ингере (Собинка или Собино) — 49, Муйскуля (Мышкино) — 122, Таатсой (Семейское) — 228, Павела (Павлово) — 118, Илмола (Ильмово) — 171, Кескема-Райккова (Среднее Райково) — 61, Коппана (Копаница) — 70, Кюльма Оя (Холодные Ручьи) — 57, Пием-Райккова (Малое Райково) — 45, Суур-Райккова (Большое Райково) — 159, Нежново — 3, Нурмисто (Урмизно) — 155.

В Котельском приходе 11 ижор жили в д. Глубокая.

Семья из д. Пярспя (Липово) на Кургальском полуострове.
Фото Д. Золотарева. 1926 г. Российский этнографический музей

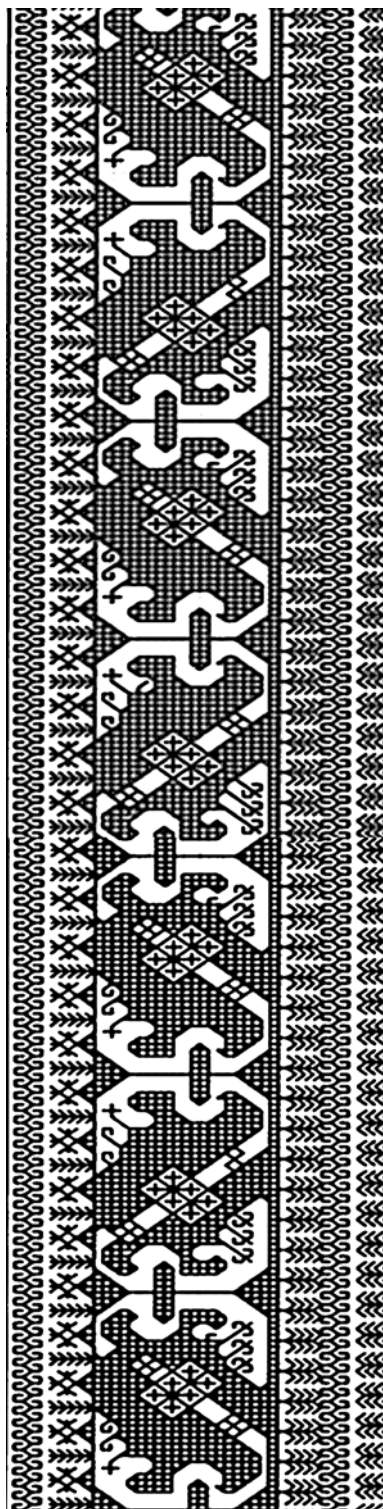
В Сойкинском приходе в середине XIX в. 3717 ижор отмечено в 32 деревнях. Это был самый крупный ареал ижорского расселения. Ижоры проживали там в следующих селениях: Сойккала (село Сойкино) — 84, Венанконтса (Вотский конец) — 155, Таринайси (Андреевщина) — 294, Мяттязи или Мяттяхянкюля (Горки) — 103, Логове или Лоанкюля (Логи) — 207, Савимяги (Глиники) — 165, Колкампя (Колгомпя) — 97, Лоуккола (Ловколово) — 172, Пятзиня (Пятчино) — 93, Уускюля (Купля) — 115, Руйтса (Ручьи) — 232, Оусомяги (Евсеева Гора) — 174, Таммиенконду (Дубки) — 42, Отсаве (Сменково) — 36, Коскина (Кошкино) — 80, Сяядиня (Слободка) — 242, Коскисенкюля (Косколово) — 291, Репола (Репино) — 43, Хамала (Гамалово) — 48), Роллока (Александровка) — 31, мыза Красная — 37, Волойтса (Валяницы) — 72, Виистиня (Вистино) — 141, Суйя (Суйда) — 105, Мяккюля (Мишино) — 93, Саарове (Югантово) — 94, Метсякюля (Залесье) — 7, Сомеро (Большое Стремление) — 228, Харккола (Гарколово) — 142, Илиеши или Ильесса (Новое Гарколово) — 46.

В Ямбургском уезде ижоры проживали и в селе Йоенперя (Краколье), хотя Петр Кеппен посчитал это село водским. Но материалы земской статистики отмечают здесь два селения: населенное водью Краколье I, где проживали государственные крестьяне, и ижорское Краколье II, где жили крестьяне помещичьи.

Не отметил П. Кеппен и ижор в Ивангородском приходе, хотя они и жили в деревнях Каростель, Сааркюля (Саркуль) и Вяйкюля (Венкюль), и по материалам 1881 года их было 652 человека¹⁶⁰. Было ижорское селение и на эстонском берегу реки Наровы, в 3 км выше устья — д. Кудрукюля¹⁶¹. Проживали ижоры раньше и между низовьями рек Луги и Наровы, вплоть до Ямбурга (Кингисепп) и Ивангорода. Известно, что жители Новопятницкого прихода под Ямбургом прежде употребляли ижорский или финский язык¹⁶², и до наших дней там сохранились деревни, возможно, с ижорскими названиями Пулково, Сала, Калмотка.

Перепись 1897 г. насчитала 13 715 ижор: в Ямбургском уезде — 6407, в Петергофском — 6673, в Лужском — 635 ижор. В других уездах данные об ижорах отсутствуют¹⁶³.

ИСТОРИЯ ИЖОРЫ В XX в.

По мере приближения к нашим дням ижора явно уменьшалась численно. По переписи 1920 года ижор в Ленинградской губернии насчитывалось 10 595 человек (на самом деле, это число занижено, так как учитывалось население только тех волостей, где национальные меньшинства составляли более 5%). При этом в Петергофском уезде (в Ковашовской, Ораниенбаумской и Ропшинской волостях) их было 1018 человек, в Ямбургском уезде (в Сойкинской, Наровской и Горской волостях) — 9 570, в Лужском уезде (в Глебовской волости) — 4, в Петроградском уезде (в г. Кронштадте) — 1¹⁶⁴. Сокращение численности было вызвано не только естественной ассимиляцией (когда русские женились на ижорках, дети, обычно, признавались русскими). Много ижор, особенно жители нижнелужских, сойкинских и коваших деревень, погибли в гражданскую войну, когда военные столкновения 1919 г. развернулись на территории Западной Ингерманландии. Около 11 тысяч беженцев из северных и западных ижорских деревень находились в это время из-за гражданской войны на территории Финляндии и Эстонии¹⁶⁵. Имели место и значительные недочеты в работе переписчиков.

2 февраля 1920 г. в Тарту был подписан мирный договор между Советской Россией и Эстонией. Новая граница рассекла ижорские земли на 20 лет: деревни к западу от реки Луги

отошли Эстонии¹⁶⁶. Ряды столбов с колючей проволокой отделили 11 деревень, где проживала почти тысяча ижор. Эта территория получила название Эстонская Ингерманландия. За два десятка лет многие местные жители были «эстонизированы» — учились эстонскому языку, получили при паспортизации эстонские имена и фамилии.

В 1926 г. уже насчитывалось 16 137 ижор. В Ленинградской области в Котельском районе (часть современного Кингисеппского р-на) проживало 7788 ижор, в Кингисеппском районе (это только часть современного Кинисеппского р-на) — 3035 ижор, в Ораниенбаумском (часть современного Ломоносовского р-на) — 4344, в Лужском (часть современного Лужского р-на) — 484, в Гатчинском (часть современного Гатчинского р-на) — 132, в Ленинском — (часть современного Всеволожского р-на) — 58, в Мгинском (практически современный Кировский р-н) — 58, в Урицком (часть современного Ломоносовского р-на и Красносельский р-н Петербурга) — 34, в Детскосельском (часть Пушкинского р-на С-Петербурга,

Эстонско-советская граница. Фотография А.Хямяляйнена. 1943 г.
Музейное Ведомство Финляндии

часть Гатчинского и Тосненского р-нов) — 30, в самом Ленинграде — 50, в г. Сестрорецке — 17 ижор. За пределами Ленинградской области проживали еще 107 ижор¹⁶⁷.

Кажущееся увеличение численности по сравнению с 1920 г. связано, несомненно, лишь с указанными недостатками предыдущей переписи.

В 1926 г. на территории Ленинградской губернии началось образование национальных сельских советов в местах, где представители национальных меньшинств составляли не менее двух третей населения. Было образовано восемь, а позднее еще два ижорских сельских советов, где делопроизводство велось на ижорском языке.

Большое число ижор, как и других жителей Ленинградской губернии, пострадало от последствий коллективизации. Чтобы попасть в «кулаки», достаточно было иметь более двух коров или сдавать свою землю в аренду (а сдавали ее прежде всего самые бедные крестьяне, у которых не хватало сил и возможностей самим обрабатывать землю). По «плану» предполагалось раскулачить и выселить из области около 10 тысяч хозяйств! Для «поиска кулаков» формировались особые «тройки» из представителей партийной организации, исполкома и ГПУ, решавшие, кто в деревне по разнарядке станет «кулаком». Изобретались меры по принудительному вступлению в колхозы. Так, в прибрежных районах Сойкинского и Кургальского полуостровов ижоры, вступавшие в рыболовецкие колхозы, получали особые привилегии: сети им давались бесплатно, из дневного улова доставалось им по 1,5 кг рыбы (а единоличникам — по 800 г), за остальную часть улова единоличники получали денег в два раза меньше, чем колхозники. Часто рыбакам, считавшимся «ненадежными», пропуска на выход в море просто не выдавались, и их семьи обрекались на голод¹⁶⁸. К началу 1936 г. существовало уже 52 ижорских колхоза.

Было подорвано в корне кооперативное объединение ижор. Еще в 1929 г. на побережье Финского залива насчитывалось 10 рыбацких кооперативов, охватывающих 60% всего рыбацкого населения. Самыми крупными из них были «Штурвал», «Лого», «Сойкинский рыбак» и «Объединитель». При их закрытии многие были арестованы.

За 1930-1931 гг. из каждой ижорской деревни «кулацкие» семьи были высланы на Кольский полуостров, в Сибирь, Якутию и на Урал. В этих крайне суровых районах людям приходилось жить в землянках, палатках и бараках. Нередко составы со «спецпоселенцами» останавливались в чистом поле, и шансы выжить сводились к нулю, если случайно кто-то не захватил с собой лопату, топор или пилу. За 1932 г. в местах «кулацкой ссылки» людей умерло в пять раз больше, чем родилось.

Антирелигиозная пропаганда затронула традиционную жизнь ижорских деревень. Закрывались церкви, духовенство и верующие подвергались гонениям. Так, одна из красивейших ижорских церквей — Никольская церковь на Сойкиной горе уже в 1930 г. была превращена в клуб, несмотря на просьбы местных жителей сохранить церковь.

Однако советское руководство стремилось показать, что автономные права национальных меньшинств, в том числе и ижор, неукоснительно соблюдаются. Более того, в самом начале 1930-х годов для прежде бесписьменного ижорского языка был создан алфавит на основе латинских букв и выработана единая грамматика. В 1931 г. в Ленинграде в эстонско-финском педагогическом техникуме было создано ижорское отделение. С 1932 г. издательство «Кирия» стало печатать учебники на ижорском языке. Общий тираж изданий на ижорском языке насчитывал 25 тысяч экземпляров. В 1932 г. в 19 школах началось преподавание на ижорском языке. А через три года действовало уже 18 начальных и пять неполных средних (семилетних) ижорских школ. В ижорских сельсоветах работали два сельских клуба, четыре колхозных клуба, три библиотеки, восемь изб-читален, 12 красных уголков. В Ленинградской области начала выходить газета «Kalastaja» («Рыбак») на ижорском языке¹⁶⁹.

Однако с 1935 г. отношение к ижорам начало резко меняться. Было принято постановление «Об очистке пограничной полосы Ленинградской области и КАССР от кулацкого и антисоветского элемента», постановления о пограничном и паспортном режиме. Оно прямо касалось многих ижорских деревень Кингисеппского, Ораниенбаумского и Куйвозовского районов¹⁷⁰. В результате у «антиобщественных элементов» изымались паспорта, неугодных высылали. Это была новая волна потерь близких, родных, соседей. Тяжело стало и всем ижорским рыбакам: новые пограничные правила требовали получения специальных разрешений для выхода рыбацких лодок в залив. Получить пропуска было нелегко, промысел стал затруднен. Многие ижоры в поисках заработков бросали деревни, уходили в город, где быстро утрачивали свое национальное сознание, становясь городскими «русскими».

Особенно трагическими для ижор оказались события 1936-1938 гг. После закрытия в 1936 г. эстонско-финско-ижорского педагогического техникума в Ленинграде многие преподаватели были арестованы и расстреляны¹⁷¹. Расстрелян был и великолепный лингвист, создатель ижорской письменности, грамматики и многих учебников В. Юнус. По постановлению 1937 г. все ижорские школы были закрыты, учебники в течение двух дней изъяты, многие учителя арестованы. В 1938 г. были ликвидированы среди прочих национальных сельсоветов и все ижорские сельсоветы.

Репрессиям подверглись и ижорская интеллигенция, и простые рыбаки, и крестьяне. «Великая чистка» 1937-1938 гг. не обошла стороной ни одну ижорскую деревню. Аресты, ссылки в лагеря и на поселения, расстрелы вошли в историю многих и многих семей. До сих пор многие ищут следы своих исчезнувших отцов, братьев и дедов. И находят их в расстрельных списках мартирологов.

Репрессии приводили и к гибели людей, и к и высылке семей и к отказу «выживших» от своего ижорского происхождения. И перепись 1939 г. нашла в прежде многолюдных ижорских деревнях лишь 7280 людей, заявивших, что они — ижоры. По сравнению с 1920-ми годами число ижор сократилось более чем в два раза!

Еще большие беды и горе принесла вторая мировая война. Многие ижоры погибли в рядах Советской Армии. При наступлении немецкой армии эвакуировали только руководство сельсоветов. На захваченной немцами территории Ленинградской области к зиме 1941-1942 гг. оставалось 8729 ижор¹⁷². Еще летом урожай оказался несобранным, и во многих деревнях зимой начался голод. Многие умерли от голода и болезней, многие находились на грани голодной смерти в самую тяжелую первую военную зиму. Старики до сих пор вспоминают, как для поминальных столов каждую неделю делали лепешки из сухих березовых опилок и болотного мха.

В 1943 г. молодежь стали отправлять на принудительные работы в Германию и на тяжелые работы в округе¹⁷³. Протокол совещания немцев и финнов в Таллинне 4 ноября 1943 г. поставил вопрос об эвакуации 6000 ижор с территории, занимаемой 18-й армией, и 2000 — с территории группы «Норд». Уже 22 ноября 1943 г. были вывезены в Финляндию 1726 ижор, остальные — позднее.

Большинство населения сопротивлялось вывозу: так, 19 ноября из Западной Ингерманландии были отправлены 400 ижор, к месту назначения прибыли лишь 159. Эвакуированных собирали в Усть-Луге, затем везли в эстонский город Палдиски в лагерь Клоога. Там за 6 недель из 6 тысяч человек умерло около тысячи¹⁷⁴. Оттуда, через море на кораблях и баржах выселенцев переправляли в Финляндию, где, после пребывания в карантинном лагере, их распределяли по финским хозяйствам. Адаптация ижор в Финляндии проходила плохо: тяжелые работы, мизерная плата за работу, тревога об оставленных домах, тоска по родине — все это делало жизнь порой невыносимой. Но худшее было впереди.

Договор СССР с Финляндией о перемирии от 19 сентября 1944 г. позволил ижорам вернуться на родину. Уже в наши дни многие рассказывали мне, как финны упрашивали их не уезжать, даже предлагали землю и деньги. Но чувство родины было настолько сильно, что из ижор практически никто не остался в

Финляндии. Евгения Петрова из сойкинской деревни Хамаала (сейчас часть д. Горки) описывала, как финны советовали ей не возвращаться с двумя маленькими детьми в СССР, где ее ждали репрессии. Она же ответила им так: «Что вы предлагаете мне свою финскую землю? У нас дома и так всё свое. Направо болото — свое, налево ольшаник — свой, над головой ветер — и тот свой».

Жители Ингерманландии перед отправкой в Эстонию.
Фотография Э. Мякинена. 1943 г. (Журнал «Suomen kuvalehti» N 30 от 24.07.1943)

Однако возвратившимся ижорам не разрешено было селиться в исконных деревнях, приехавших отправляли на поселение в Ярославскую, Калининскую, Новгородскую, Псковскую и Великолукскую области. О том, что закрытые эшелоны везут их не в родные деревни, возвращенцы узнавали только в Выборге или в Ленинграде. Так, один из офицеров-агитаторов докладывал, что «многие женщины, особенно из Кингисеппского района с Сойкинского полуострова, плакали, говоря, что их обманули в Финляндии, там советский старший лейтенант говорил им, что они поедут домой». Ижор К. Павлов говорил: «Нас везут туда, в Ярославль, на вечное рабство. Лучше повеситься, чем жить там»¹⁷⁵.

По данным 1945 г. в Ярославской области на поселении оказалось 1336 ижор, в Калининской — 2429, в Великолукской — 719, в Новгородской — 352 ижора, в Псковской — 101 ижор¹⁷⁶. Жить в изгнании было тяжело, переселенцев распределяли по несколько семей в дом. Все взятое в дорогу из Финляндии — вещи, одежда, скот — было быстро распродано или обменено на еду, заработки не давали возможности прокормить семьи, где зачастую было по 5-6 детей. Со стороны местных жителей часты были оскорбления и обвинения в предательстве. Все ижоры хотели вернуться домой, в построенные отцами дома, но в паспортах стоял штамп «статья 38» и нельзя было жить в пограничных районах.

Но, несмотря на все запреты, ижоры уезжали на родину. Нельзя без чувства глубокой горечи слушать рассказы пожилых людей о тех трагических временах, когда многим из них, с радостью возвращавшимся на родину, приходилось прятаться в лесных землянках с малолетними детьми, скрываться в домах русских соседей. На опустевшие территории были перевезены жители русских областей, но далеко не все деревни оказались заселенными. Лишь в середине 1950-х годов ижорам было возвращено право проживания в Ленинградской области. Но и в конце 1950-х годов с мест высылки вернулись далеко не все. Именно в это время появилась «этническая скрытность» ижор, когда многие утаивали свое ижорское происхождение и по возможности записывались русскими. Некоторые ученые в годы, когда эта тема была под запретом, писали о естественной ассимиляции ижор русскими, но, имея в виду этот период, следует говорить о ее принудительности.

В 1959 г. ижор на территории СССР было 1062 человек, из них лишь 369 человек признавали ижорский язык родным. По переписи 1970 г. ижор стало 781 человек, из которых лишь 397 проживали на территории Ленинградской области, при этом ижорский язык родным считали уже лишь 208 человек. Перепись 1979 г. отмечает 748 ижор (из них в Ленинградской области — 315 человек). В 1989 г. насчитывалось 820 ижор (из них 276 — в Ленинградской области и 306 — в Эстонии)¹⁷⁷.

Материалы последней российской переписи 2002 г. дают нам данные о 327 ижорах. Из них только половина по-прежнему проживает в пределах Ленинградской области — а это только сотая часть народа по сравнению с довоенными данными!

Еще более драматичными выглядят данные переписи 2002 г. о среднем возрасте ижор — 65,8 года, а в Ленинградской области средний ижорский возраст составляет 70,5 лет! Это самый «старый» народ на всей территории России. А это означает, что молодых ижор почти нет.

Приведу данные, где в России еще живут ижоры¹⁷⁸:

Ленинградская область — 177.
Санкт-Петербург — 53.
Республика Карелия — 24.
Московская область — 8.
Мурманская область — 7.
Новгородская область — 7.
Москва — 6.
Псковская область — 5.
Красноярский край — 4.
Калининградская область — 3.
Ростовская область — 3.
Челябинская область — 3.
Республика Коми — 2.
Республика Северная Осетия — 2.
Саратовская область — 2.
Хабаровский край — 2.
Ярославская область — 2.

Архангельская область — 1.
Астраханская область — 1.
Белгородская область — 1.
Волгоградская область — 1.
Вологодская область — 1.
Дагестан — 1.
Ивановская область — 1.
Камчатская область — 1.
Кемеровская область — 1.
Костромская область — 1.
Нижегородская область — 1.
Оренбургская область — 1.
Приморский край — 1.
Республика Башкортостан — 1.
Тверская область — 1.
Тюменская область — 1.

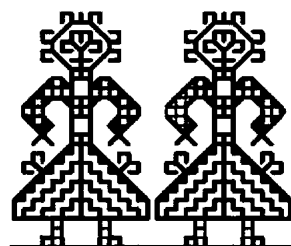
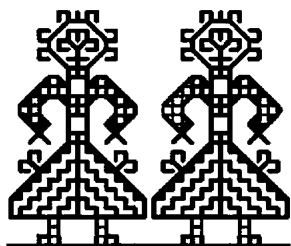
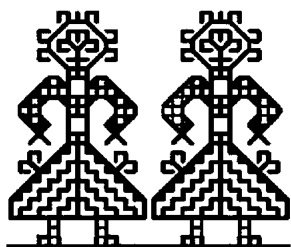
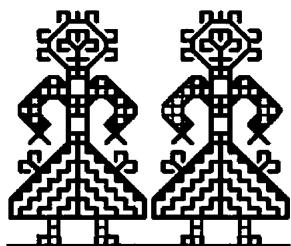
Но не все ижоры были учтены в переписи, ведь многие в старых паспортах были записаны как русские. Многие, к сожалению, сознательно записывались в учетные листки переписи «русскими» — до сих пор жива «этническая скрытность» ижор, на многие десятилетия усвоивших, что быть ижором — плохо. По нашим данным, на сегодня численность ижоры — около тысячи человек.

Как горьки эти цифры! Как разбросала жизнь маленький ижорский народ! Как ясно по приведенным названиям читаются маршруты прежних ссылок! Как больно отзываются слова одного из последних ковашских ижор Федора Балайкина: «Боже, прости нас, ведь нас уже нет!»

Федор Балалайкин — один из последних хэваских ижор.1992 г.

ВНЕШНИЙ ОБЛИК И ХАРАКТЕР

Антропологические сведения об ижорах скудны и охватывают лишь небольшие группы населения устья Луги и Сойкинского полуострова. Первое обследование 400 ижор было проведено в 1926 г. В 1943 г. изучение ижор проводил Ю. М. Ауль¹⁷⁹. Характеристики части ижорского населения дала и известный эстонский антрополог К. Марк, в 1964-1971 гг. собравшая материалы по антропологии прибалтийско-финских народов¹⁸⁰. Общий вывод таков: ижоры (обследованы две группы — 163 человека из Краколя и с Сойкинского полуострова) — представители европеоидной большой расы, ее восточно-балтийского типа. Рост средний — 165-168 см (кажется, что это небольшой рост, но он выше, чем у местных русских и вепсов). Голова у ижор более укороченная, широкая и некрупная, чем у карел и вепсов, т.е. ижоры — типичные брахикефалы. Они выделяются повышенной высотой лица, а вследствие этого и относительной узколицестью, само же лицо несколько уплощено и есть некоторая скуластость. Глаза немного зауженные, с небольшой складкой верхнего века, иногда встречается эпикантус. Значительная часть ижор светлоглазая, но есть и темноглазые. Среди западных ижор есть много светловолосых, часто цвет волос русый (вместе — до 35%), хотя черные оттенки волос встречаются чаще, чем у соседей — ингерманландских финнов, и, тем более, води. У мужчин борода развита силь-

Ижорка из Лаукаансуу (д. Остров). Фотография А.О. Вайсянена.1914 г.

нее, чем у прочих прибалтийско-финских народов. Нос — хорошо выступающий (хотя и не так сильно по сравнению с ингерманландскими финнами), с пониженным переносом. Часто спинка носа вогнута, а кончик — приподнят («курносый»). Рот — широкий, а подбородок — максимально выступающий¹⁸¹ (см. цветную иллюстрацию IV).

Таким образом, по антропологическим признакам ижоры близки финнам Восточной Финляндии, карелам, ингерманландским финнам, води, вепсам и восточным эстонцам, хотя и присутствуют небольшие различия. Ученые полагают, что эти отличия связаны прежде всего с тем, что по своему происхождению ижоры являются потомками первых людей, пришедших на северо-западные берега древней Балтики после отхода ледника более 10 тысяч лет назад.

Но характер ижор заметно отличался от соседних народов. Еще в XVIII в. Ф. Туманский писал: «...примечается у них лукавство в великом почтении; они проворны и гибки»; но вместе с тем у них не отмечено злобы, праздности, буйства, нет у них и неопрятности, напротив, ижоры «наблюдают чистоту»¹⁸². Правда, жители нижнего течения Луги, которым Туманский в рукописи дал название «ямы», были «менее склонны к опрятности», но «также гибки и проворны»¹⁸³.

Ижоры издавна занимались морским рыболовством, этот промысел тяжел, опасен и требует огромной выдержки. Вероятно, поэтому ижоры были более хладнокровными и спокойными, чем, например, води. В XVIII в. праздники свои они отмечали без «шуму, ссоры <...> и если явится кто шумной или бранчливый, то тащат в воду и окунают, чтоб был смирен»¹⁸⁴. Ижоры были храбры и преданы своей культуре, а также христианской вере, еще в раннем средневековье заимствованной у русских. В 1680-х годах, во времена шведской оккупации, нарвский генерал-губернатор Сперлинг запретил ижоре и води посещать православные церкви и исполнять православные обряды. Но ижор Дудергофского прихода Тимофей Кусма, в кандалах, силой приведенный к шведскому посланнику Гендриксону, стал ругать лютеранскую веру, креститься и кланяться по-православному. Когда лютеранские пасторы приезжали в деревни, большинство населения уходило в леса, а иногда все демонстративно крестились в кирке по-православному¹⁸⁵.

Этнографические наблюдения XX в. донесли до нас традиционные черты ижорского характера: удивительное трудолюбие и стойкость, гостеприимство и доброту. Нельзя умолчать и об исключительной привязанности ижор к родным местам, гордости за них:

Suku suuresta kylästä,
rohki jalt Savimäelt,
on i viljoi Viistinast i,
harvoin ono Harkkoilast i,
korijast on Kolkoppääst i,
on vähhäisen Väärnäjältk...¹⁸⁶

Из большой деревни род наш,
из отважных Горок,
и из хлебного Вистино,
изредка и из Гарколова,
и из красивого Колгомпя,
и немножко из Вярноя...

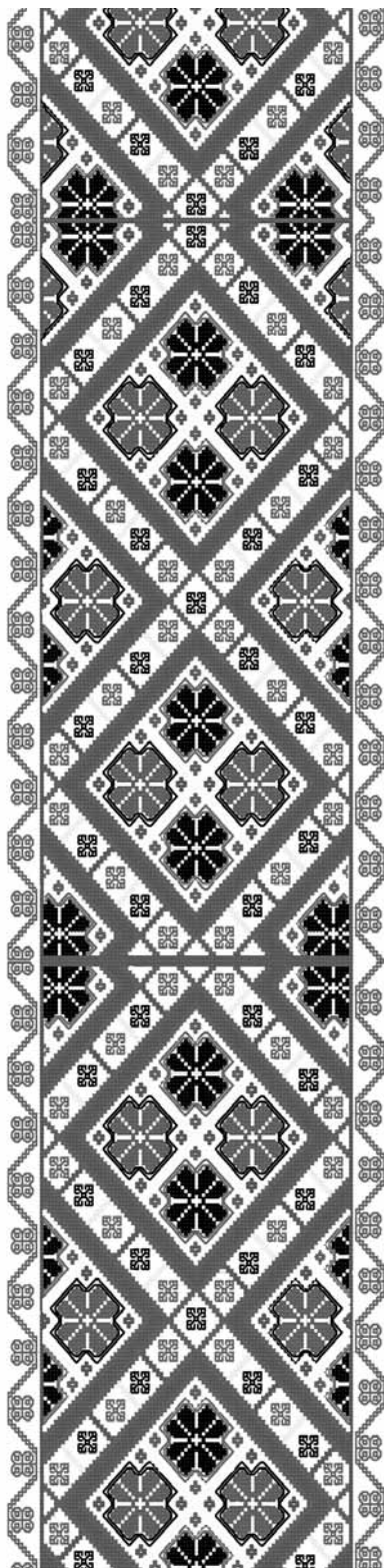
— пелось в одной из ижорских свадебных песен, записанных в дер. Глинки на Сойкинском полуострове.

Фолькгрупа коренных народов «Корпи»
исполняет старинные ижорские песни. 2008 г.

ОДЕЖДА

Первые данные об ижорской одежде мы находим в трудах исследователей XVIII века. В знаменитой книге академика Иоганна-Готлиба Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» ижорку изображают две гравюры, сопровождаемые краткими заметками в тексте — «Чухонка в уборном платье» (вид спереди и сзади) и «Ингерская крестьянская баба»¹⁸⁷ (см. цветную иллюстрацию V).

А в рукописи Федора Туманского XVIII в. представлено полное и детальное описание ижорской одежды того времени¹⁸⁸. Позднее, уже в XX в. на одежду ижор обращали внимание финские этнографы¹⁸⁹ и российские исследователи¹⁹⁰.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Мужская одежда меньше привлекала исследователей. Георги писал, что «она во всем подобна одеянию финских мужиков», а Туманский отмечал: «Мущины одеваются точно как русские». И все же вещи, сохранившиеся в музеях и, главное, старинные рисунки и архивные фотографии дают нам возможность представить себе, как одевался ижорский мужчина¹⁹¹.

На основе древних ижорских песен можно представить старинную свадебную одежду ижорского жениха, сшитую его матерью. Это льняная рубаша, расшитая богатым орнаментом по во-

роту, рукавам и груди и украшенная блестками, по подолу которой были вышиты кони или подшивался кумач; брюки — из кожи; на ноги надевались синие чулки, сапоги. Жених обязательно подпоясывался полотенцем, вышитым его сестрой, так, чтобы были видны украшенные концы — этот пояс считался оберегом от нечистой силы. В сойкинских рунах пелось о том, что на жениха накидывалась шерстяная мантия с золотыми нитями, меховая шуба и свадебный «шлем».

Даже в начале XX в. многие ижорские мужчины в будни носили старинную одежду: длинные белые штаны и белую длинную рубаху, с косым воротом на западе и с прямым — на севере Ингерманландии. Обычно такую одежду шили из домотканины — грубой самодельной льняной ткани, часто небеленой (см. цветные иллюстрации VI и XII).

В обычные дни такую одежду не подпоясывали, но в праздники завязывался поверх рубахи тканый пояс, длиной до 2,5 м, с льняной основой и шерстяным утком, обычно сотканный на берде. Были в ходу и пояса, изготовленные на 8-12 дощечках — этим древним способом здесь чаще плели тесьму для обуви и обмоток, но и пояса выходили красивыми и яркими. Хотя белый цвет одежды признавался тогда самым «настоящим мужским», но в ордежских деревнях к началу XX в. носили мужчины и льняные темно-синие штаны, и рубахи из пестряди (так называлась льняная ткань, узор которой чаще всего состоял из клеточек или узких полос, что достигалось путем включения крашеных нитей и в основу и в уток).

А в нижнелужских деревнях с конца XIX в. в моду вошли льняные штаны с набивным синим узором («цветы» и «снежинки») (см. цветную иллюстрацию VII).

Парни, да и мужчины помоложе к началу XX в. предпочитали шить одежду из покупных тканей — ситца, сатина и покупного сукна.

Но верхнюю одежду еще долго делали именно из тканей домашнего изготовления. В районах нижней Луги летом носили *рююди* — белый льняной кафтан без подкладки и воротника. А гордостью каждого ижорского мужчины было тяжелое длиннополое суконное пальто *виитта* белого, синего или коричневого цвета, у молодых украшенное красной или синей тесьмой.

Носили его весной и осенью и всегда надевали в церковь и на праздники. Помню рассказы бабушки, как трудно было стоять в церкви на службе рядом с мужиками именно в синих вииттах. Ведь их прочный невыгорающий синий цвет достигался весьма непривычным для нас способом крашения, где использовалась привозная краска индиго и настоянная в течение месяца в теплом месте на печке моча(!) в горшке. Говорят, что мужики запаха не выдерживали и уходили в лес заготавливать дрова на все время крашения. Краска получалась «вечная» и к тому же красивого глухо-синего цвета, но и запах держался более года...

Ижор «ингер» из д. Ала-Руитса (Усть-Рудица) Петергофского уезда
Петербургской губернии. 1868 г. Российский этнографический музей

Особой значимостью для каждого ижора обладали кожаные сапоги высотой до колена. Их берегли для особых случаев, предпочитая летом ходить босиком. И часто, идя на гуляния в соседнюю деревню, сапоги несли перекинутыми через плечо, а надевали лишь на окраине чужой деревни. Такие крепкие сапоги из толстой свиной кожи служили десятилетиями, только нужно было не забывать подшивать снизу заплаты (см. цветную иллюстрацию XIII).

А у рыбаков были особые высокие рыбацкие сапоги, в подошвы которых зашивали свинец для большей устойчивости. Рыбаки говорили, что в таких сапогах не страшно домой пьяным придти — сапоги не дадут упасть! Такие сапоги сейчас можно увидеть в Ижорском музее в Вистино.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Женской одежде во всех описаниях уделялось значительно большее внимание. У нее нет сложных возрастных отличий, но она привлекала красотой и необычностью. Кроме того, в разных местах проживания ижоры одежда была настолько разной, что говорить о едином «ижорском» костюме нельзя. На основе разнообразных данных можно выделить четыре типа традиционной женской ижорской одежды: 1) комплекс с «*ааннуа*»; 2) северно-ижорский комплекс; 3) комплекс с «*хурстод*»; 4) сарафанный комплекс.

Одежда девушек не отличалась от одежды замужних женщин, разница была лишь в прическе и форме головного убора. По Георги, девушки заплетали косы, по Туманскому, они носили волосы распущенными, подрезая их спереди челкой. Поздние сведения говорят о том, что косу девушки распускали лишь после сватовства и до дня венчания. По данным XVIII в., нижнелужские ижорки, выходя замуж, подобно водским женщинам, брили голову до рождения первого ребенка и лишь потом опять отращивали волосы.

Прежде всего, мы расскажем о самой ранней известной женской ижорской одежде XVIII в. Она детально описана в упомянутой рукописи Федора Туманского. Одежда подобного типа сохранялась у хэваских ижор в деревнях по берегам реки Коваши до начала XX в. Такая одежда носит название комплекс с «*ааннуа*».

КОМПЛЕКС С ААННУА

Эта одежда состояла из рубахи *рятсиня*, двух полотнищ *хурстут* и *ааннуа*, головного убора *саппано*, передника *полле*, поясов и украшений (см. цветную иллюстрацию IX)¹⁹².

Основным элементом нательной одежды была длинная белая домотканая рубаха *рятсиня* сложного покроя (см. цветную иллюстрацию XI). Стан рубахи шился из четырех полотнищ грубого холста. Верхняя часть рубахи состояла из двух оплечий *харттиуксет*, соединенных сзади полоской ткани шириной 14-15 см. Эти оплечья были удивительно красивы: их ткали сложными геометрическими узорами из

ромбов и свастика и поверх тканья дополнительно вышивали белой шерстью. При этом чаще всего синюю льняную основу соединяли с шерстяным утком красного или желтого цвета. Широкие рукава также были необычайно богато украшены сложным тканым орнаментом и вышивкой. Не случайно Георги писал, что «женская одежда нарочито еще и суетна», и на «отделку такой рубахи требуется времени не менее чем как недели четыре»¹⁹³. Рубаха скреплялась у ворота фибулой — «большою серебряною овального образа пряжкой... иногда вызолоченною, осыпанною камнями или жемчугом». Подобные пряжки дожили до начала XX в., но в несколько упрощенном виде. Есть сведения, что в старину независимо от времени года такие рубахи носили по две одновременно¹⁹⁴.

Поверх рубахи надевали очень своеобразную одежду в виде двух полотнищ, каждое из которых напоминало передник на одной лямке (см. цветную иллюстрацию X). Надевались они так: на правое плечо накидывалась лямка и весь левый бок оказывался закрытым узким полотнищем *хурстут* из поперечно-полосатой шерсти с полоской из разноцветных лоскутов внизу. На левое плечо крестообразно с *хурстут* одевалась лямка другого, более широкого шерстяного полотнища, закрывавшего правый бок и называвшегося *ааннуа*. *Ааннуа* должно было быть только черного или синего цвета; в будничном варианте оно не украшалось, а в праздничном — сплошь вышивалось шелком, бисером и белыми бусами, отчего становилось очень тяжелым.

Поверх *ааннуа* надевали передник *полле*, тканый из шелка или шерсти и украшенный пятью одинаковыми рядами бисера, а шестой его ряд, шире первых в 5 раз, был вышит сложным узором из жемчуга и имел внизу привески из «змеиных голов». «Змеиными головами» или «ужовками» назывались раковины каури — излюбленное украшение многих финно-угорских народов. Родом раковины каури — из вод Индийского океана, и трудно себе представить, какими длинными и сложными путями они проникали на эти балтийские берега.

Ф. Туманский также сообщает и об одной из древнейших частей ижорской женской одежды — *селга вюо* («спинном поясе»). Такие детали одежды близки по форме и местоположению набедренникам некоторых финно-угорских народов (особенно — восточнофинских, например мордвы). Подобные украшения имели важное магическое значение. Ижорский «спинной пояс» представлял собой носимую сзади широкую полосу сукна с подвешенными «змеиными головами», украшенную прекрасными узорами из разноцветного бисера, золотым и серебряным позументом и двумя полосами из раковин каури. Такой пояс когда-то хранился в коллекции прежде существовавшего Музея народоведения — он был шириной 6 см, украшен бисером и рядами раковин каури. Крепился он ремешком, который завязывался спереди. Поверх одежды ижорки три раза

опоясывались кожаным поясом с оловянными бляшками, весом более килограмма.

У замужних ижорских женщин прическа была очень сложной, волосы делились на три части: одна часть закручивалась на затылке в пучок, а две косы у висков держались при помощи *сюккяре* — плотно прилегающего жгута из холста и ваты. Все три пучка покрывались полотенчатым головным убором *саппано* (см. цветную иллюстрацию X). Он держался на голове с помощью завязок и не снимался ни днем, ни ночью, что являлось причиной многочисленных жалоб в сва-

Пожилые ижорские женщины из Хэваа.
Фотография С.Паулахарью. 1911. Музейное Ведомство Финляндии

дебных песнях. *Саппано* был очень красивым и нарядным головным убором: прилегающая ко лбу часть состояла из двух полос, сотканых из шелка или шерсти, одна — красного или синего цвета с золотым позументом по краю, другая — вышитая сложными разноцветными узорами. Сзади спускался на спину длинный конец *пурста*, который подвязывался тесьмой за головой, проходил под ожерельями и поясом и доходил до пят. Посредине этого длинного «хвоста» шла полоса, вышитая великолепными разноцветными узорами с золотой нитью и блестками и обшитая лентами и кусками красной и желтой ткани.

В ушах ижорки носили небольшие серьги, к которым подвешивались другие, собственно ижорские — *таллукар* — в виде несомкнутого кольца с двумя посеребренными ножками-прутиками внизу. Эти ножки украшались посредине большими камнями. К кольцам *таллукар* крепилось до десяти лент, полукружием спускавшихся по спине. На шею надевали множество ожерелий: у самой шеи — несколько ниток жемчуга, ниже — до двадцати ниток различных бус, затем на ожерелье из драгоценных камней подвешивали один или несколько крестов (эти бусы необходимо было носить всегда). А прямо до пояса опускались нитки «разноцветных каменьев» и три нитки белых «змеиных голов».

На ноги ижорские женщины надевали красные обмотки *риват*, закрепляя их черными оборами, сверху — узорчатые шерстяные чулки *сукат*, а поверх — короткие холстяные чулки *ратит*, подвязываемые узкими красными оборами. Ходили ижорки, по свидетельству Туманского, в «кожаных босовиках без ушек», имевших «вместо пряжек рисованные или золотом набивные узоры», прошитые блестками, каблуки подбивались медными скобками.

Одежда этого типа довольно долго сохранялась в ижорских деревнях по берегам реки Хэваа (Коваши). Правда, поверх традиционной рубахи надевали уже только *аннуа*. Я сама слышала рассказы бабушек, как в своем детстве, которое пришлось на 1910-е годы, они встречали двух старушек, всегда ходивших в церковь в старинных вышитых одеждах. При этом они громко говорили, что они — последние *ингеройсет*. Не их ли мы видим на фотографии, сделанной в 1911 г. финским исследователем Самули Паулахарью?

СЕВЕРНО-ИЖОРСКИЙ КОМПЛЕКС

Костюм ижор на Карельском перешейке был во многом схож с одеждой местных финнов-эурямейсет¹⁹⁵. В состав праздничной женской одежды входила рубаха с *рекко*, юбка *хаме*, головной убор *харакка*, передник *эсилиина* и украшения (см. цветные иллюстрации XII и XIII).

Особенно замечательна была рубаха *пайта*: ее верхняя часть шилась из тонкого льняного полотна, и на груди украшалась *рекко* — вышивкой трапециевидной формы, где шерстяными нитями красных, оранжевых, желтых, коричневых, зеленых и синих цветов горизонтальным стежком или крестиком вышивались геометрические орнаменты (а самые старинные *рекко* вышивались золотисто-желтой шерстью). Вышивкой украшался и ворот рубахи. Часто рукава заканчивались манжетами. Разрез на рубахе был с левой стороны *рекко*, его застегивали небольшой круглой фибулой *солки*. Нижняя часть рубахи, которую не было видно, шилась из грубого льна. Поверх надевали длинную юбку *хаме* из синей, черной или коричневой полушерсти, по подолу которой шел волан из красной покупной ткани или цветная покрывка, тканная на берде. На такой юбке закладывали более 40 складок, а тонкий притачной пояс застегивали на пуговицу. В прохладную погоду и в праздники северные ижорки носили короткий белый льняной полукафтан *костоли*, сшитый в талию и сильно расклешенный. В таком наряде шли в церковь первый раз в году летом, на Вознесение, и поэтому праздник в народе называли «костольным». Шили *костоли* чаще всего из белой покупной диагонали, а вдоль полочек до талии располагали узкие полосы великолепной тонкой вышивки шерстяными нитями.

Но главным отличием местных ижорок был головной убор *харакка* («сорока») (см. цветные иллюстрации XIV и XV).

Его налобная часть украшалась невероятно красивой вышивкой. Ее геометрические четкие узоры — кресты, шестиугольники, «зигзаги» — вышивались разноцветными шерстяными и шелковыми нитями в самой различной технике: и крестом, и настилом, и тамбурным швом, и вышивкой по сетке. А задняя часть *харакка*, спускавшаяся до плеч, украшалась двусторонним швом. Были и праздничные *харакат*, с яркими, чаще всего красными, бордовыми и желтыми узорами. Были и «скорбные» *харакат*, вышитые черными, темно-синими и зелено-болотными нитями.

Долгое время у северных ижор оставалась в употреблении плетеная обувь *вирсут* из лыка — лапти и ступни. Такая обувь была незаменима в лесах и болотах: вода сразу вытекала сквозь щели и нога не оставалась мокрой.

КОМПЛЕКС С ХУРСТОД

Третий старинный комплекс женской одежды известен нам из нижнелужских и сойкинских деревень второй половины XIX века, хотя имел распространение и в более ранние времена. Он включал в себя рубаху *отистовапайта*, поясную одеж-

ду *хурстод*, пояс *пуута*, поясные украшения *кааттерид*, передник, головной убор *сапано*, многочисленные украшения и ленты (см. цветную иллюстрацию XVI)¹⁹⁶.

Рубаха *отистовапайта* сложного старинного покроя близка рубахе хэваских ижор (см. цветную иллюстрацию XVII). Рубаха имеет прямоугольную форму. Верхняя ее часть состоит из трех полотнищ, перекинутых через плечи. Причем среднее полотнище делается из простого холста и имеет разрез для шеи, а два боковых — из узорчатого, тканого с употреблением четырех нитченок. Узор тканья состоит из мелких вытянутых ромбов. Переднее центральное полотнище все покрыто сложной вышивкой ромбами черными, красными и, иногда, желтыми нитями и называется *ринтамус* или *перенитса*, слева от него делается разрез. Края разреза раньше скреплялись круглой пряжкой *солки*, а позднее — петлей и пуговицей. Заднее полотнище украшено вышивкой лишь по краям. Рукав кроится следующим образом: от полотнища холста с одной стороны отрезается клин и пришивается к противоположной стороне полотнища; полученный кусок складывается пополам, сшивается и основанием рукава пришивается к боковому полотнищу рубахи. На рукава в верхней их части нашивается по полосе вышитого холста. Узкая полоска вышивки имеется также на обшлагах. Нижняя часть рубахи называется *миехуста* и шьется из трех полотнищ, из которых два делаются из более грубого полотна, а третье, боковое (его было видно из-под надеваемой поверх рубахи поясной одежды *хурстод*) — из тонкого, украшенного по подолу вышивкой.

Поверх рубахи надевают особую поясную одежду *хурстод* (см. цветную иллюстрацию XVII). Эту часть одежды на нижней Луге также называют *хурстуксет*, а на Сойкинском полуострове — *пайда*. У нее необычный покрой и старинная техника тканья. *Хурстод* состоит из трех сшитых кусков. Переднее и заднее полотнища делались из синей полушерстяной материи с пришитыми снизу белыми вышитыми полотняными подолами. Боковое же полотнище, расширяющееся книзу, шилось из белого домотканого полотна и также вышивалось. Необычна была ткань первого и второго полотнища: холщовая основа и шерстяные нити утка создают взаимно выступающие узоры из ромбов и свастик. Кроме того, на лицевой стороне ткани узоры свастик, образуемые нитями основы, защиты желтыми и красными шерстяными нитями. Получалась очень прочная, теплая и удивительно красивая ткань. *Хурстод* крепилось на поясе при помощи завязок так, что боковое полотнище приходилось с левой стороны, правый же бок оставался открытым.

Поверх *хурстод* обязательно надевали две особые подвески *кааттерид*, спускавшиеся сзади с пояса (см. цветную иллюстрацию XVIII). Каждое из них делали из прямоугольного узкого тканого шерстяного полотнища шириной 13–15 см и длиной до 60 см — в нем широкие красные полосы чередовались с узкими

синими. К верхнему краю красных полос пришивали по бисерной решетке, к которой крепили или монеты, или круглые медные бляшки. К самой верхней решетке и к низу *кааттерид* прикреплялись раковины каури. С внутренней стороны привязывали металлический бубенчик. В верхней части подвесок, во всю их ширину пришивались петли из вышитого холста. Сквозь них продевался шерстяной пояс, на котором и подвешивались *кааттерид*.

С правой стороны через пояс перекидывалось полотенце, украшенное на обоих концах кружевом или бахромой, прошивками и рядами вышивки. Узоры были самые разнообразные — и странные антропоморфные фигуры, и двуглавые кони, и всадники, и деревья, и загадочные геометрические фигуры. Вышивали почти всегда шерстяными нитями красного цвета или разноцветными, применяя самый распространенный у ижор двусторонний шов (иногда такую технику вышивки называют «росписью») (см. цветную иллюстрацию XIX).

Поверх *хурстод* в старину ижорки носили особый женский пояс *пуутта* (см. цветную иллюстрацию XVII). Его делали из толстой кожи домашней выделки шириной 4 см и по всей длине украшали тремя рядами оловянных заклепок: в верхнем и нижнем ряду шли косые кресты, а в центральном — острые уголки. На краях такой пояс заканчивался металлическими кольцами и крючком.

На *хурстод* также надевали вышитый передник. Иногда это было прямоугольное полотняное полотнище, вышитое разноцветной шерстью, «бумагой» и шелком и украшенное по низу бахромой или ручным кружевом. А порой это было широкое полотенце, сложенное пополам и подвешенное спереди на поясе так, чтобы нижний край был виден из-под верхнего. Концы такого полотенца украшались богатой разноцветной вышивкой, прошивками из красного ситца, кружевом или бахромой.

На голову сойкинские и нижнелужские ижорки вплоть до 1920-х годов надевали невероятно красивый полотенчатый убор *сапано* (см. цветную иллюстрацию XVIII). Несмотря на сходство названия с головным убором *саппано* у хэваских ижор, конструктивно это совсем иной убор. Он представлял собой два сшитых прямоугольных куса белой льняной ткани: узкий прямоугольник *отсаллинен* («налобный») и более широкий *хянтя* («хвост»). Оба куса украшались богатейшей разноцветной вышивкой шерстяными нитями и в технике двустороннего шва, и крестом, и настилом. Вышивка была геометрической, но на старинных *сапано* на конце *хянтя* и по переднему краю *отсаллинен* обязательно вышивались петухи. На ранних *сапано* есть и третья деталь — потайной хвост *салахянтя* — этот небольшой прямоугольный кусок простого или вышитого холста подшивали снизу, он служил не только для лучшего закрепления *сапано* на сложной прическе, но, вероятно, исполнял и магическую функцию защиты.

САРАФАННЫЙ КОМПЛЕКС

Четвертый комплекс женской ижорской одежды тоже имел распространение у ижор в деревнях нижнего течения Луги и на Сойкинском полуострове, но, по ряду признаков, он не столь древний, как два предыдущих. Он стал использоваться с середины XIX века. Состоял он рубахи *пайта*, сарафана, передника *полле*, поясного полотенца *ваарникке* и головного полотенчатого убора (*сапано* или *куккели*) (см. цветную иллюстрацию XX).¹⁹⁷

Рубаха *пайта* шилась из белой льняной ткани полотняного переплетения (см. цветную иллюстрацию XXI). По покрою рубаха была составная, с прямыми поликами, с квадратным присборенным воротом. К концу XIX в. рукава были короткие, пышные, зачастую с воланом, а ранее — широкие, зауживающиеся к запястью. На поликах, оплечьях, вдоль разреза ворота и на манжетах-воланах рубаха украшалась вышивкой красными, синими, зелеными, желтыми и белыми шерстяными нитями. Иногда еще на полики нашивались красные прошивки. Орнамент вышивки мог быть самым разнообразным: женские стилизованные фигуры, птицы с пышными хвостами, розетки, ромбы, зигзагообразные линии и многое другое. Вышивка делалась и двусторонним швом, и крестом, и настилом по перевити. Использовалось для украшения манжет и кружево, связанное крючком.

Поверх такой рубахи надевался сарафан. Самый ранний из известных ижорских сарафанов, уже к концу XIX в. вышедший из употребления, носил название *уммикко*. У этого косоклинного сарафана лямки целиком выкраивались из переднего и заднего полотнища. Спереди делался небольшой разрез, по бокам которого нашивались узкие полоски вышитого красными нитями холста. Такой разрез завязывался двумя льняными шнурками. Ни пуговиц, ни каких-либо других украшений на этом сарафане не было. Сам сарафан шился из холста белого цвета, поэтому его на русском языке называли «беляк». Когда-то *уммикко* был свадебной одеждой, потом служил праздничной одеждой замужних женщин, а к концу XIX в. стал погребальным одеянием для старух¹⁹⁸.

С середины XIX в. ижорки стали носить иной сарафан — *крассикке*, сшитый из домотканой льняной или толстой шерстяной ткани черного или темно-синего цвета (см. цветную иллюстрацию XXI). Сарафан был косоклинный, сзади на сборках, с передним швом, на который были нашиты пуговицы. Будничный сарафан не имел никаких украшений кроме белых фарфоровых пуговиц. Праздничный же сарафан украшался на лямках тесьмой, по верхнему краю и спереди — покупными ткаными или шелковыми лентами с растительным или геометрическим узором, а по подолу двумя красными лентами или полосой кумача и фиолетовой и зеленой тесьмой. Носили и сарафан *синекки* из льняной

Часть одежды замужней ижорки — передник *рукавникат*.
Реконструкция выполнена Центром коренных народов на основе коллекций
Музея культур (Финляндия)

ткани, окрашенной в синий цвет. Позднее появился прямой сарафан, его шили уже из покупных тканей, зачастую в клетку или красного цвета.

Широкие косоклинные сарафаны архаичного покроя носили и ордежские ижорки, надевая их поверх рубах с широкими рукавами, украшенными кружевом.

Поверх косоклинного сарафана замужние ижорки носили особый вид передника *рукавникат*. Он был похож на рубаху, разрезанную сзади до уровня талии. *Рукавникат* шили из одного полотнища белого льна, перекинутого через плечи, затем пришивали рукава, суженные к запястью. Сзади разрез заканчивался круглым отверстием. Этот разрез, ворот, разрез на груди и края рукавов украшались узкой вышивкой красной шерстью. Но самые замечательные узоры располагались по подолу: чаще всего это были фигуры женщин и двуглавых коней, реже — фантастические птицы. Красота вышивки подчеркивалась широкой полосой кумача и кружевом.

В зимнее время вместо сарафана носили длинную юбку. Зимние домотканые юбки *хаме* были яркими, с узкими или широкими полосами всевозможных цветов: и черного, и красного, и розового, и зеленого, и синего (см. цветную иллюстрацию XXII). Причем ижорки деревень у р. Луги носили юбки только с вертикальными полосами, а живущие на Кургальском полуострове — только с горизонтальными¹⁹⁹.

Такие юбки делали или из чистой шерсти или из ткани, основа для которой была льняная или хлопчатобумажная, а уток — шерстяной. С начала XX в. такие юбки чаще всего носили уже как нижнюю или домашнюю одежду.

Поверх сарафана надевали передник *полле*. Обычно он был изготовлен из белой льняной ткани и украшен полосами вышивки, разделенными прошивками кумача. Геометрическая вышивка выполнялась двусторонним швом шерстяными нитями красного, желтого, зеленого и синего цвета. По низу такого передника пришивалась полоса кружев или шла бахрома.

Костюм дополнялся одним или двумя полотенцами *ваарникке* (см. цветную иллюстрацию XXIV), которые сложенные почти пополам (так, чтобы был виден вышитый конец нижней половины полотенца) подвешивались по бокам к поясу на узком красном плетеном поясе *вюо*. Часто концы такого пояса украшались бисером. Подвязывались и поясами из разноцветной шерсти, ткаными на берде (см. цветную иллюстрацию XXIII).

Иногда по праздникам сарафан подвязывали узким полотенцем *кушакка* длиной до 250 см при ширине 30-35 см. Его оборачивали вокруг пояса, а концы свешивали сбоку друг над другом. Концы таких полотенец украшали полосами вышивки разноцветными (а иногда и только красными) шерстяными нитями, прошивками красного, реже синего цвета. По узким краям подшивали вязаное крючком белое кружево или делали простую бахрому (см. цветную иллюстрацию XXIV).

На голову надевали *сапано*, такой же, как и в комплексе с *хурстод*. Узоры сойкинских и нижнелужских *сапано* были необычайно яркими и сложными (см. цветную иллюстрацию XXI).

На Сойкинском полуострове носили еще и другой головной убор *куккели*, чем-то похожий на *сапано*, но со специально скроенным углублением для головы. Его украшали по краю лобной части и на «хвосте» разноцветной вышивкой темных тонов, но чаще — тонкой красивой вышивкой белым шелком. Еще в конце XIX в. его можно было встретить у пожилых женщин.

К началу XX в. старинные одежды почти вышли из употребления. В Западной Ингерманландии ижорки стали носить прямой сарафан и так называемую «кисельную» рубашку. Шилась она из тонких покупных материй — батиста или ки-

сеи. У такой рубахи отсутствовали полики и рукава пришивались непосредственно к вороту. К низу рукавов такой рубахи пришивалось широкое кружево, а сам рукав подхватывался у локтя бантом из цветной шелковой ленты. На шею, по вороту, надевался кружевной воротник *бллойка* с нашитой на него лентой-плиссе. Передник тоже шился из белой покупной тонкой ткани. На голову надевали повойник, «колбочку» или «наколку», которые шились из покупных тканей самых разных цветов²⁰⁰.

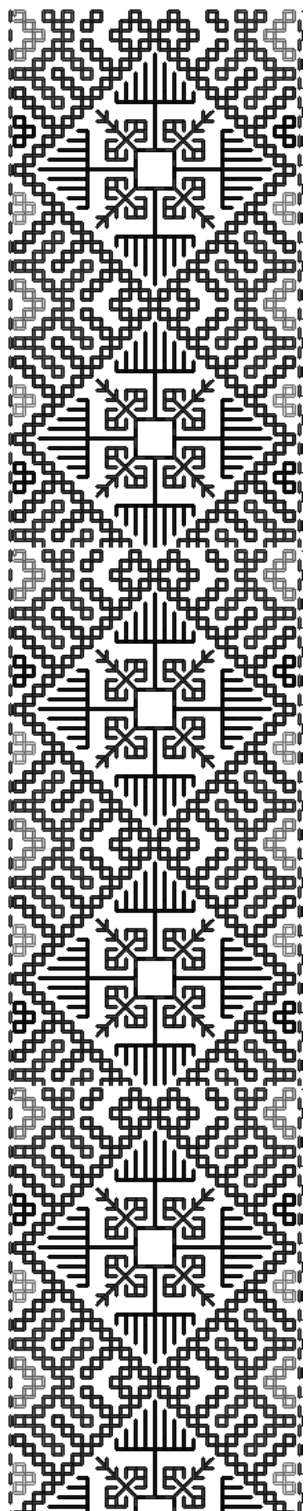
Детали традиционной ижорской одежды дожили и до XX в., они сохранились в свадебной одежде, получив новое, магическое значение. Еще в начале века на молодую надевали старинный головной убор *саппано*, позже сменили его на повойник. Под свадебный сарафан надевали описанный выше *хурстут* — полотнище на одной лямке. Считалось, что это принесет невесте счастье.

К 1920-м годам сарафаны вышли из употребления, их можно было видеть только у пожилых женщин. Среднее поколение носило кофту-распашонку и широкую юбку в сборку. Молодежь уже ходила исключительно в городских платьях. Старинные одежды лежали в сундуках и порой зимой одевались молодыми для святочного ряженья — в них «ходили в чудо».

Ижорка из Куккоси (д.Куровицы) в праздничной одежде конца XIX в.
Фотография Н. Прытковой. 1928 г.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩЕ

ДЕРЕВНИ

Еще в XVIII в. был ясно и коротко определен основной принцип выбора ижорами мест поселений: они любят жить при озерах и реках и на возгорьях. Здесь не встретишь однообразия русских поселений Ижорского плато и скученности водских деревень. Многие ижорские деревни расположены были поистине в величественных ландшафтах на склонах больших возвышенностей Сойкинского и Кургальского полуостровов, когда ничто не ограничивает взгляд и видно, как небо смыкается с морем. Часто ижорские деревни широко раскидывались по берегу Финского залива, рек и озер.

Ижорские деревни спланированы были довольно правильно: обычно дома стояли ровными рядами по обеим сторонам широкой улицы.

ДОМА И ПОСТРОЙКИ

Основные постройки у ижор известны только в позднем их варианте и сходны с русскими избами этих районов. На Сойкинском полуострове и на реке Коваши у ижор даже в 1920-е годы сохранялись курные (т. е. топившиеся по-черному) избы с печами без колпака²⁰¹.

В некоторых деревнях Сойкинского полуострова еще можно увидеть и старые дома и бани, покрытые крышами из щепы. Лучину длиной 38-40 см и

шириной 5-8 см делали местные мастера вручную. Чаще всего этим занимались старики. В день можно было сделать от 3 до 4 тысяч штук, а служила такая крыша 60 лет!

В прежние времена крыши крыли и соломой. Сделать это мог любой хозяин, лишь бы удалось дешево прикупить солому.

Необычность соломенной кровле придавал ряд парных жердей, перекрещивающихся на коньке. Эти жерди прижимали верхнюю часть кровли к стропилам, чтобы ее не снесло сильными морскими ветрами. А их верхние концы, перекрещенные над гребнем крыши, были оформлены в виде птичьих голов и носили название *харакат* (т. е. «сороки»).

Вечерами на фоне приморских закатов ряды парных птичьих голов с тонкими вытянутыми «шеями» четко вырисовывались над каждым домом. Это производило небывалое волшебное впечатление, казалось, что вокруг не простая бедная

Улица в д. Коскисенкюля (Косколово). Сойкинские ижоры.
Фотография С.Паулахарью. 1911 г. Музейное Ведомство Финляндии

деревня, а магический забытый мир. До наших дней подобные дома не сохранились.

Потемневшие от времени бревенчатые избы с маленькими низкими оконцами почти всегда украшались оконными наличниками с резной верхней и нижней частью и со ставнями, украшенными простым, но запоминающимся рисунком.

Приемы резьбы были несложными, чаще применяли углубленную резьбу, реже — прорезную. Но в каждое окно мастер вносил что-то свое, и в деревне было не отыскать домов с одинаковыми наличниками. Верх и низ наличника почти всегда раскрашивали красной, голубовато-синей, изумрудно-зеленой, желтой, белой и ярко-синей краской. Это было удивительное по выразительности сочетание сумрачных темных изб с нависающими низкими крышами и небольших вкраплений яркой сияющей разноцветной росписи! Как будто дома отражали саму суть жизни, где посреди безрадостных дней тяжелого труда лишений ярко вспыхивали короткие праздники.

К сожалению, искусство резного и живописного орнамента, так украшавшего избы, уже в 1920-х годах стало приходить в упадок.

Укладка соломы на крышу дома. Дер. Такавалья. Нижняя Луга.
Фотография С.Паулахарью. 1911 г. Музейное Ведомство Финляндии

Черная изба с двором Тараса Алексеева. Дер. Савимяги (Глинки).
Сойкинские ижоры. Рис. Р.М. Габе.1926 г.

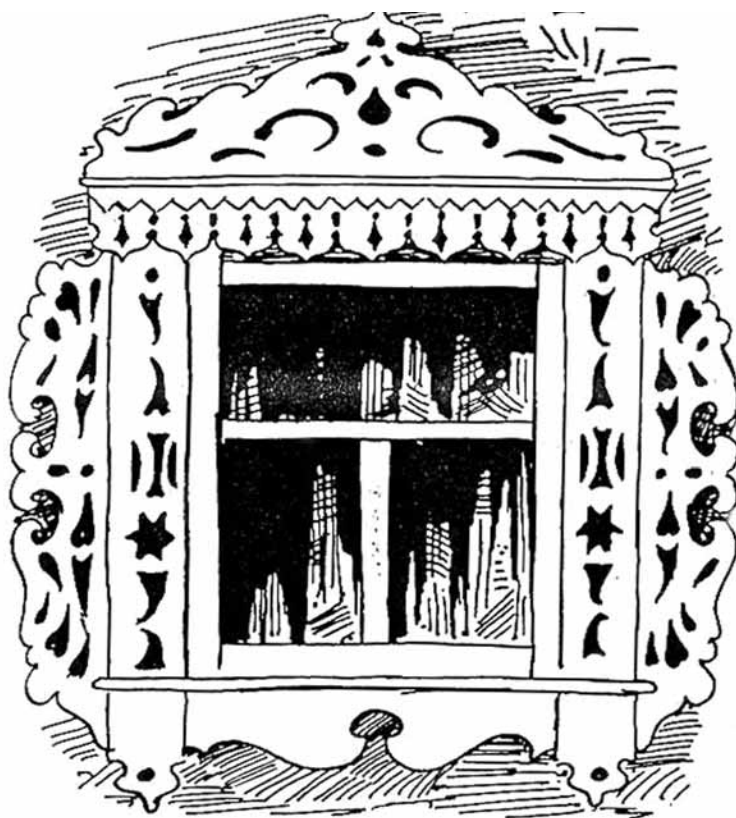
Внутри ижорских домов была аскетичная простота. Главное место занимала печь, топившаяся по-черному. Ее часто ставили на деревянном подпечьи из массивных брусьев с резными концами. Сбоку располагалась лежанка, где место для лежания было расширено очень толстой доской, имеющий для удобства загиб у изголовья. В подпечьи делались резные отверстия.

Удивительный и непривычный контраст черного и золотистого цвета в ижорском доме производил на всех входящих чарующее, сказочное впечатление: бархатно-черный от копоти потолок и верхняя часть стен, а пол, стол, лавки маслянисто-желтого цвета (их выскребали ножом каждую пятницу, а иногда и красили именно в такой цвет!). Чувство необычного усиливалось и деревянными деталями черных печей, украшенными изящной резьбой, и красиво изогнутой

Наличники окон: 1 — из д. Логове (Логи); 2 — из д. Колгомпяя;
3 — из д. Волойтса (Валяницы); 4 — из д. Оуссияги (Евсеева Гора).
Сойкинские ижоры. Рисунки Р.М.Габе. 1926 г.

Наличник окна ижорского дома в Хармаала (Шепелево). Хэваские ижоры.
Рисунок С.Паулахарью. 1911 г. Музейное Ведомство Финляндии.

лежанкой, и ручками дверей и вешалками для одежды, сделанными из кривых стволов и сучковатых сосновых и можжевеловых ветвей, и домоткаными разноцветными дорожками, и поразительной чистотой в доме. Но особенно красив был дом в дни свадеб, когда и окна, и печь, и всевозможные крючки украшались полотенцами невероятной красоты, вышитыми самой невестой.

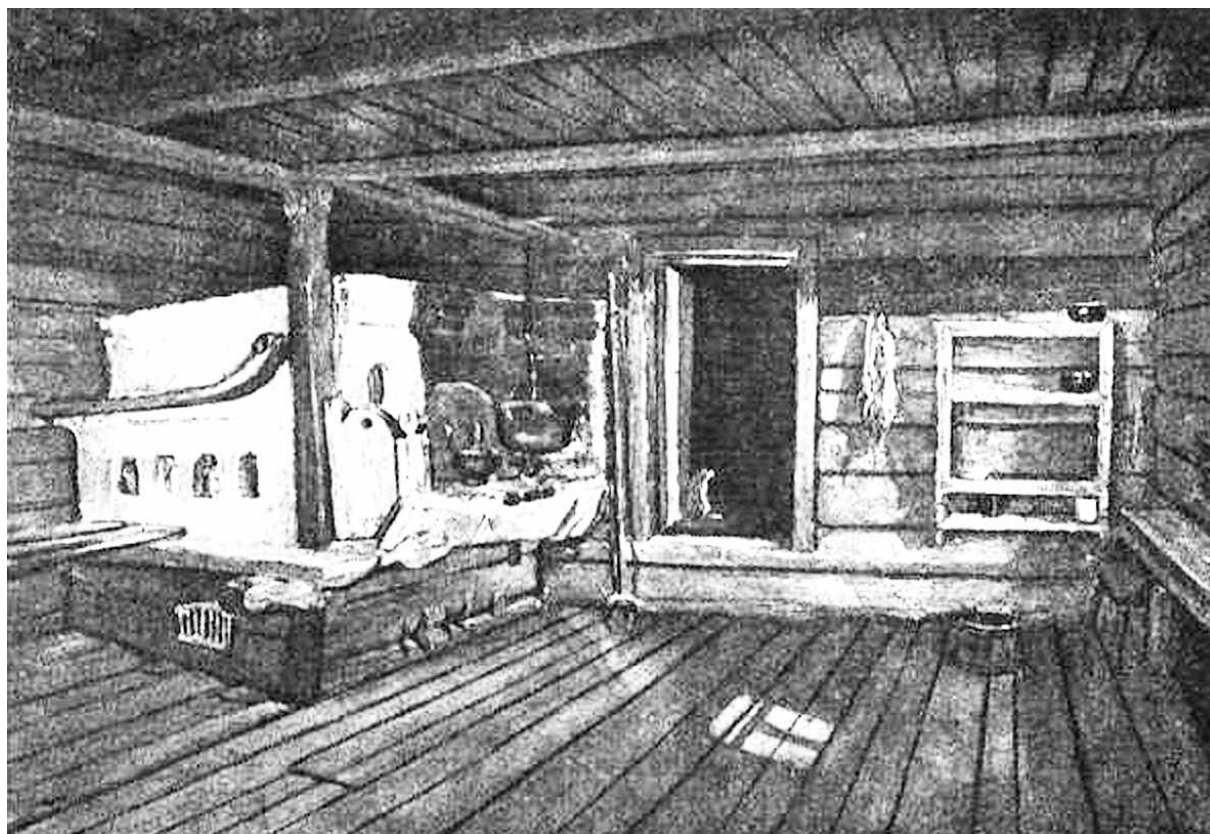
Ижорская крестьянская мебель была проста, делали ее деревенские мастера, либо сам хозяин брал в руки топор да нехитрый плотницкий инструмент в свободные штормовые дни. Стол, боковая и задняя скамья, шкафчик для посуды, вечная колыбель, деревянные диваны — вот и все, что было нужно для незаметно тянувшейся жизни. Но о диванах стоит сказать особо, уж очень необычны они были эти раздвижные диванчики на шести ножках. На ночь сиденье снималось, ящик, куда днем складывалось одеяло да матрас, раздвигался, и получалась ши-

рокая кровать на двоих. Такие диваны еще в довоенное время были почти в каждом сойкинском доме.

А вот привычных нашему глазу шкафов еще недавно не было: вместо них вся одежда, да и приданое складывались в большие деревянные кадки *пуйне*. Это было так удобно. Попробуйте-ка в пожар спасти все накопленное за свою, да еще родительскую жизнь богатство, если оно уложено в неподъемный огромный тяжелый сундук! А кадку можно было наклонить и ловко выкатить на двор. И приданое легко «катилось» из дома на женихову повозку!

Позади или рядом с избой обычно возводили скотный двор, рядом ставили амбар. За амбаром порой находился сарай для сена, затем шел огород, за ним располагалась баня, а уже затем возвышалась рига.

Долгое время у ижор сохранялись старинные риги для сушки и обмолота зерна. И их хозяевами были сразу несколько семей. Обычно их ставили вдали от

Черная изба Еремеева.
Дер. Логове (Логи). Сокинские ижоры. Рисунок Р.М. Габе. 1926 г.

Кадка-сундук *пуйпе* из д. Венаконтса (Пахомовка).
Сойкинские ижоры. Эстонский Народный Музей

Красный угол ижорского дома в д. Вюотермаа (Федоровка). Нижняя Луга.
 Фотография А. Хямяляйнена.
 1943 г. Музейное Ведомство Финляндии

домов, метров на 60, чтобы обезопасить жилье от пожаров. Но темнота этих огромных мрачноватых сооружений, где тяжелые покатые крыши покоились на стволах столетних сосен, нарушалась не только после уборки хлеба, когда в деревне часто устраивались совместные работы, и молодежь поочередно обмолачивала снопы у всех хозяев, весело работая весь день и еще веселее танцуя на подметенных рижных полах. И в другие вечера — по субботам и по праздникам — именно в ригах устраивали деревенские танцы. Но все же в ригу просто так не ходили — ведь в ней проживал дух риги *риихихалтиаз*. И если в риге шумели, или танцевали уж слишком долго, то никто не удивлялся, если рига вскоре горела!

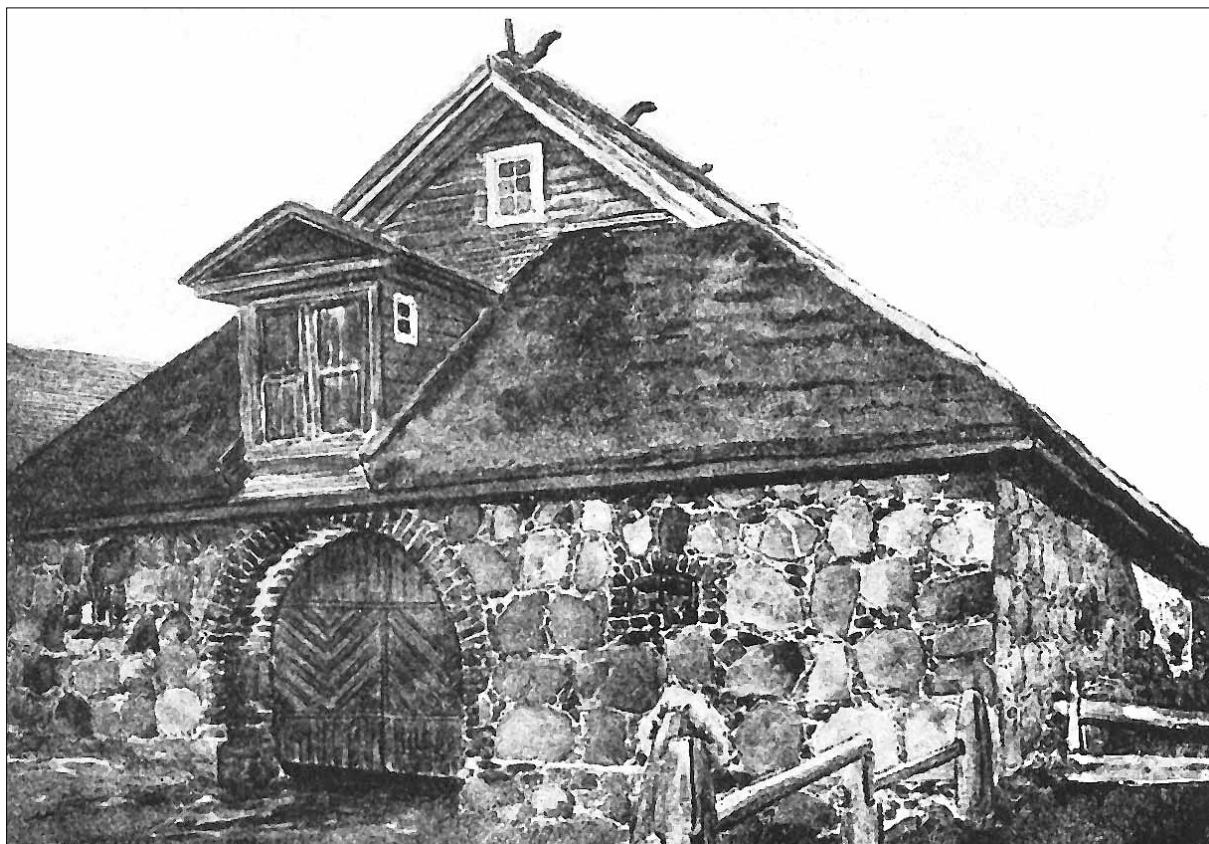
Обилие камня на ижорских землях позволило возводить каменные постройки. На Сойкинском полуострове и в низовьях Луги очень много дворов было выстроено из крупных валунов на известковом растворе. Значительная величина таких стен и внушительные размеры камней производили впечатление на

Старая рига в дер. Ванхакюля. Нижнелужские ижоры.
Фотография А.Хямяляйнена. 1943 г. Музейное Ведомство Финляндии

стоящих крепостей. И в то же время такие дворы удивительно красивы: камни подбирались различных оттенков (может, и не случайно). Как великолепно смотрелось сочетание красноватого, серого, зеленоватого цвета цельных и расколотых валунов и почти белого известкового раствора, в который для красоты еще были вкраплены куски гранита темного цвета! Дикость камня подчеркивалась красным кирпичом, обрамлявшим окна, двери и ворота и соломенной крышей, покрытой зеленым мхом. Кое-где такие дворы сохранились до наших дней.

На каждой вещи на дворе, на орудиях труда, на лодке, на рыболовных снастях хозяин дома непременно ставил знак собственности — «домовой знак» *талон меркки*. У каждого хозяина был свой знак, и не было в деревне двух одинаковых. При передаче хозяйства старшему сыну, передавался в его ведение и старый знак. А другим сыновьям приходилось придумывать свой, новый. Такие знаки издавна использовались и как личная подпись на документах. Сохранились в швед-

Каменный двор в д. Пярспя (Липово). Кургальский полуостров.
Рисунок Р.М. Габе. 1926 г.

Soikkula

Savimäki

↗	Sagron Terentev	∇	Kristo Jakovlev
H	Vasili Terentev	//	Issai "
✕	Markus Konradiev	∇	Vasili "
*	Romano Vasiljev	30 ⊙	Pjotr Nikitšin
†	Savel "	X	Ilja Saharov
X	Alekssei Konradiev	∇	Petro Pavlov
✕	Vasili "	⊕	Jelena Pavlovna
‡	Andrej Semanov	8	Petro Nikolajev
Y	Vladimir Rodionov	15 X	Dimitri "
" A	Sergii Mironov	⊗	Gavril "
✕	Nikolaj "	∇	Antip "
E	Jelena Suvasjanova	✕	Stepan Andrejev
7	Ossip Trofimov	†	Feodor Konstantinov
XXX	Mikhail Ivanov	40 X	Platon Tarasov
" O	lunga "	∇	Kulistrat Anttonen
II	Kuizma "	⊗	Ignat Kirilov
O	Makron Ivanova	✕	Pavel Jegorov
‡	Dimitri Gerasimov	#	Jegor Ivanov
⊞	Vasili Jersjev	45 AΓ	Anton Grigorjev
20 ∇	Nikolai Martinov	✕	Laurenti Varkhamov
✕	Jaanus Timofjev	F	Gerasim Romanov
⊞	Jegor Feodorov	49 //	Jaanus Vasiljev
///	Feodor "		
III	Andrej "		
30 ✕	Mikhail "		
4	Leontjev "		

Талон меркит — «домовые» знаки собственности дворохозяев д. Глинки на Сойкинском полуострове. Рисунок С. Паулахарью. 1911 г.
Архив Общества финской литературы

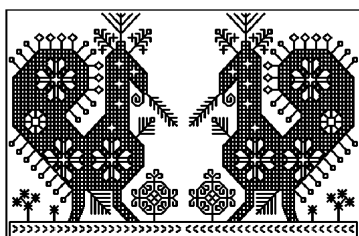
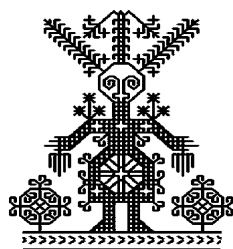
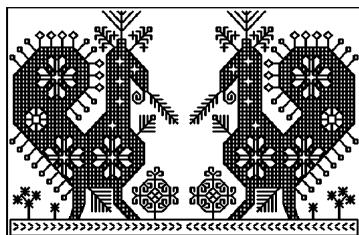
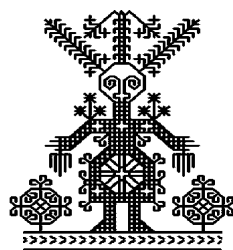
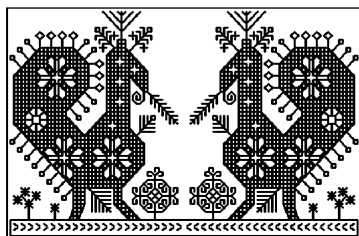

ских государственных архивах бумаги XVII в., где гусиным пером, с брызгами от сильного крестьянского нажима, поставлены как будто бы буквы загадочного непонятого алфавита. Это и была своеобразная «хозяйственная» письменность, где за причудливо надломленными линиями вставало лицо хозяина, его семья, его двор, его нехитрое добро.

Дом постройки 1904 г. Дер. Воцко. Оредежские ижоры.

ОСНОВНЫЕ ЗАНЯТИЯ И ПРОМЫСЛЫ

Хотя в исторических документах XV–XVIII вв. упоминается земледелие у ижор, все же малоплодородные земли по берегам Финского залива, где жила значительная часть ижорского населения, не могли прокормить людей. Нет сведений и о значительном развитии ремесел, известно лишь, что в XIV–XV вв. многие жители Толдожского и Каргальского погостов (северная часть современного Кингисеппского района) выплавляли железо кричным способом, используя при этом красную болотную руду. Железо получалось высокого качества, из него изготавливали орудия труда и оружие, о чем говорят письменные источники и археологические данные.

Главным занятием прибрежных жителей стало рыболовство. Писцовые книги начала XVI в. отмечают в упомянутых погостах рыболовство, «положенное в оброки», а в списке подачей часто значится рыба — «курва» (так называли корюшку). Основными способами ловли тогда были тони и заколы. В XX в. промысел корюшки и салаки оставался у ижор главным средством существования. Рыбной ловлей занимались в основном поздней осенью и зимой. На лед шли не только мужчины, но и женщины начиная с 15–16 лет. В море ловили рыбу и мережами, но чаще — неводом.

Для подледной ловли неводом собиралась артель, человек в 12, и уходила на несколько недель в море. Там на льду жили в небольших дощатых «буд-

ках», привозимых с собой на полозьях или в «салашиках» из жердей и брезента. В будке для сна делали деревянные нары, а в центре ставили железный котел с песком, где разводили огонь. Изредка снималось жилье у финнов на островах Сейскари, Лавансаари и др.²⁰² Зимний лов был тяжел и опасен, подрывалось здоровье рыбаков, гибли десятки людей. Анастасия Филимонова из прибрежной деревни Колгомпя пела:

Oi kuin katsoin merroisen päälle —
Niiku suuren surman päälle
Meroi miulta meehen otti,
Aalto aivonon poijaisen,
Aalto aivonon poijaisen,
Kylmä järvi kyntäjäisen...²⁰³

Ой как посмотрю на море —
Как на смерть смотрю большую.
Мужа у меня море взяло,
Волна — единственного сына,
Волна — единственного сына,
Пахаря — холодное озеро.

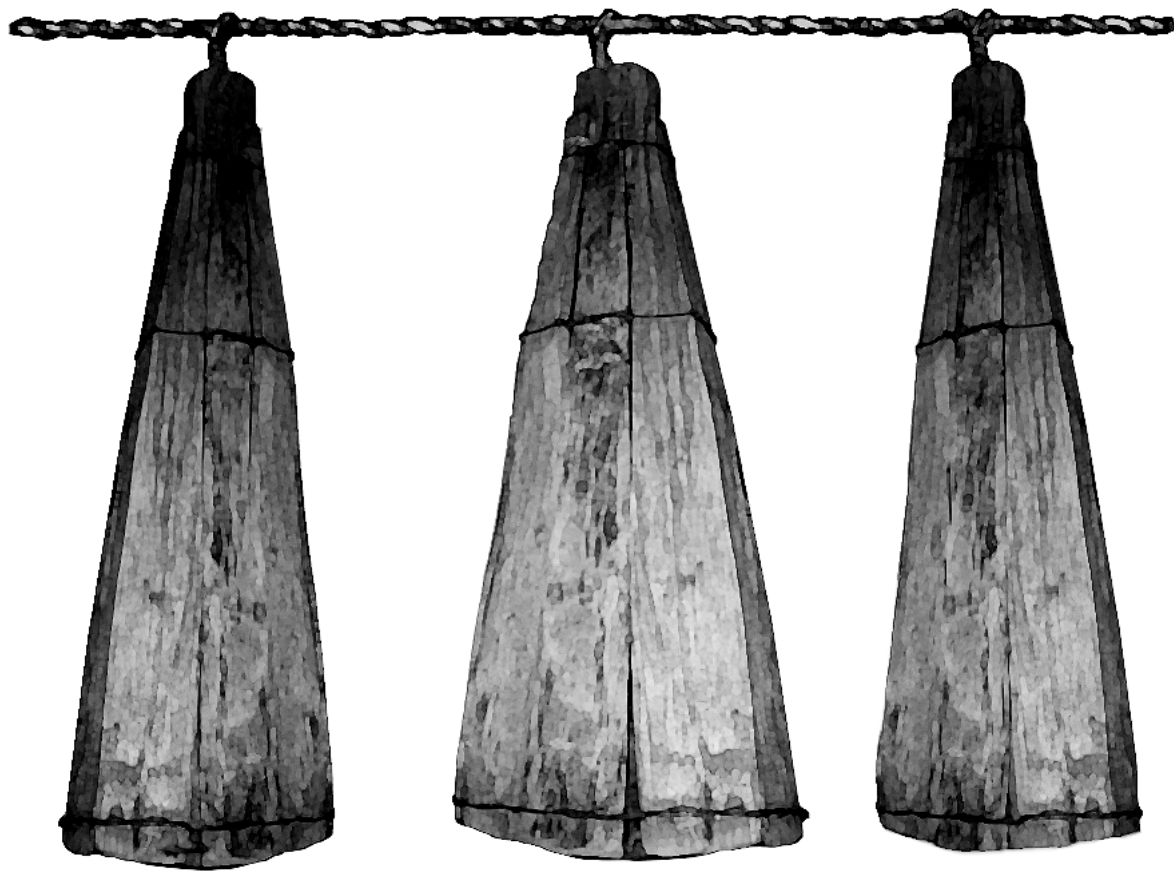

Починка сетей в д. Вюотермаа (Федоровка). Нижняя Луга.
Фото А. Хямяляйнена. 1943 г. Музейное Ведомство Финляндии

Летом в море выходили на небольших баркасах, весельных и парусных лодках.

Рыбу использовали и для себя, чаще ее сушили впрок. А на продажу шла замороженная зимняя рыба — салака, корюшка и прочая мелочь. Ее продавали дешево скупщикам прямо на льду или на берегу, припасая ее до продажи в вырытых в снегу ямах. Крупную же рыбу, судака и щуку, обычно рыбаки сами возили в Петербург в больших бочках со льдом.

Сети делали раньше из льна, а подборы из конопли. Лишь позже, с начала XX в. сети стали плести из покупной нити. Порой девочки уже с пяти лет вязали сети. На каждый день им давалось задание связать кусок сети от отметки, сделанной углем на уже законченной части сети. Было обычным делом, когда на

Мережи для ловли миноги. Нижняя Луга. 1930-е годы.
Музей коренных народов Петербургской земли

зимних посиделках старинные песни и веселый смех сопровождались быстрыми взмахами девичьих рук и мягким шелестом готовых сетей. Делом же мужчин было закоптить готовые сети, как это делали поколения до них, а с конца XIX в. — покрасить связанное полотно.

В деревнях, отдаленных от моря, рыбу ловили в местных реках и озерах. Чаще всего для ловли ставили заколы, сети, использовали мережи из сетевого полотна, натянутого на прутьяные обручи, реже ставили верши из прутьев.

А кое-где сохранялись древнейшие способы ловли острогой, глушение рыбы колотушкой через лед. На крючок рыбу ловили редко. На реке Луге издавна занимались ловлей миноги, для чего применяли небольшие, сделанные из лучины мережи, которые крепили рядами на длинные веревки. Такую ловушку *мерда* следовало осматривать по нескольку раз за день и переставлять выше или глубже, смотря где, на какой глубине идет минога. В некоторых прилужских деревнях для миноги имели специальные коптильни. До сих пор часто местные мужики приговаривают: «Есть в жизни два сладких дня: когда женишься, да когда минога по Луге приходит».

Из-за малоплодородных земель, особенно в западных и прибрежных районах, земледелие было развито сравнительно слабо. Еще Георги в XVIII в. писал «ижорцы <...> с давних времен упражняются в землепашестве. Хозяйство их не походит прямо ни на русское, ни на финское, но хуже того и другого <...> хотя земли за ними много, однако мало пашут, да и скотоводство их неважно»²⁰⁴. И даже в конце XIX в. кое-где сохранялось старинное подсечное земледелие, когда между болотами или речками валили весной лес, целый год он сох, затем пни и ветки сжигали. Удобренная золой земля 3-4 года давала очень хорошие урожаи, но потом приходилось выжигать новый участок леса. Это была очень тяжелая работа!

Сеяли ячмень, рожь и овес, пшеницу — редко. Хлеба было мало, в какой деревне не расспросишь про хлеб, везде один ответ: «Хлеба хватало до рождества...», «до весны едва дотягивали...», «а ели хлеб раз в неделю...». Издавна сажали и репу, но в XIX в. появился картофель, Называли его «*munat*» («яйца») или «*таамунат*» («земляные яйца»), реже — «*мааоменат*» («земляные яблоки»), и уже к середине XIX в. он вытеснил репу.

Во всех хозяйствах сажали капусту, перед посадкой на участке земли прикрывали хворост дерном и сжигали, так как полагали, что капуста может расти только на зольной земле.

Еще в XX в. в прилужских деревнях занимались и лесосплавом. Гнали лес издавека, из Осьмина. А на ижор ложилась самая тяжелая часть работы: нужно было баграми перегнать бревна из реки Луги в извилистую Россонь, а затем — к усть-нарвским лесопильным заводам. Занимались сплавом и по реке Систе,

Конюх Павел Ларинпойга из д. Пярспяя (Липово) собирает табун
в д. Рисумяги. Фотография А.О. Вайсянена. 1914 г.

и по реке Коваши, и по Мге. Многие ижоры были дровосеками, а хозяева побогаче имели двухмачтовые парусники, «лайбы», на которых доставляли дрова в Петербург. На этих же лайбах в город везли гравий и дикий камень. Сами суда чаще всего строили на Кургальском полуострове²⁰⁵.

В XIX в. в жизни ижор большую роль стали играть отхожие промыслы²⁰⁶. В то время из дальних ижорских деревень в город идти на заработки не решались — совсем не знали русский язык. Искли работу в «земельщине» — более богатых районах ближе к Ямбургу. Девушки батрачили на известных в Петербургской губернии огородах под Копорьем.

Многие ижоры уходили в дальние ижорские и русские деревни работать пастухами. Выбор пастуха был делом всей деревни — ведь от его знаний и усердия во многом зависела жизнь семьи. Пастухов выбирали, не только учитывая их

Пастухи овец Наттали Вассили и ее сын. Дер. Таринайси (Андреевщина).
Сойкинские ижоры. Фотография А.О. Вайсянена. 1914 г.

опыт и слухи, но и обращая внимание на их колдовские способности, чтобы со скотом во время выпаса все было бы благополучно. Пастух жил по очереди в домах деревни, и никакой другой работы, кроме пастушьей, не выполнял. Пастуха в каждом доме старались встретить и накормить получше — порой только ему пекли белый пшеничный хлеб и пироги, делали яичное масло, и особенно заботились о еде, которую он брал с собой, чтобы в следующем доме не осуждали предыдущих хозяев.

На разную работу нанимали разных пастухов: для выпаса лошадей выбирали крепких сильных мужчин. Пастух лошадей — *конюхха* — начинал работать позже и заканчивал раньше, чем другие пастухи, но его работа считалась самой тяжелой.

А пастухами овец часто работали женщины.

Население восточных ижорских деревень лучше знало русский язык и искало работу в Петербурге: мужчины уходили на фабрики и в мастерские, девушки шли в няньки и горничные. Многие ижоры в зимнее время отправлялись в Петербург поработать извозчиками. Богатые крестьяне для этих целей специально держали пару лошадей и выездные сани. Особенно выгодно было возить петербуржцев на масленичной неделе, когда за одну поездку на бешено мчащихся санях платили по 5 копеек. Устраивались ижоры извозчиками и в Кронштадт — там было легко работать, не нужно было знать запутанных столичных улиц.

Издавна в ижорских деревнях развивалась торговля, или, по-местному, «мак-лачество». Для продажи в Петербурге мелкие скупщики перекупали рыбу, ягоды, грибы.

В деревне Большое Стремление изготавливали гончарную посуду. Делали все, что только нужно было в крестьянском доме: от огромных опарных горшков до небольших маленьких горшочков, миски, кувшины, чайники, сахарницы, умывальники. Их для красоты и прочности украшали чаще желтой, реже коричневой поливой (для этого по дегтярной обмазке обсыпали горшок порошком окиси свинца и обжигали).

Удавалась и белая посуда, столь похожая на очень дорогую городскую, фарфоровую. Именно ее часто грузили на парусные лайбы и увозили через залив на ярмарки в Финляндию (порой вместе с посудой увозили финны к себе и хозяйственных ижорских невест!). Пожилые женщины делали и глиняные игрушки — то всадника на коне в военном мундире и шляпе, то просто коня с массивной грудью и четырьмя короткими ножками.

Среди ижор было немало прекрасных плотников, быстро и аккуратно рубивших прочные дома. Могли они сделать и резные оконные наличники *лишникат*, и круглую сосновую кадку *пуйне* для хранения приданого на ножках, с круглой крышкой — такую кадку всегда украшали рядами врезанных кружков, и неза-

мысловатые прялки, и вальки для белья, и всякую другую утварь. Могли, когда просила душа, вырубить топором из еще сырой березы старинный музыкальный инструмент *каннель*, покрасить его в настоящий «мужской» цвет — черный, натянуть струны из конского волоса, а в начале XX в. и из срезанного тайком медного телеграфного провода.

Изготовление игрушек. Фото Д. Золотарева. 1926 г.
Российский этнографический музей

В некоторых деревнях были и свои кожевники, особенно их ценили в прибрежных деревнях, где рыбная ловля была главным средством жизни. Ведь именно они делали прочное кожаное снаряжение рыбакам. Они шили непромокаемые кожаные шапки, хоть немного спасавшие от штормовых ветров, крепкие рукавицы, защищавшие руки, когда они вытаскивали мокрые тяжелые сети, тяжелые рыбацкие сапоги (см. цветную иллюстрацию XXV).

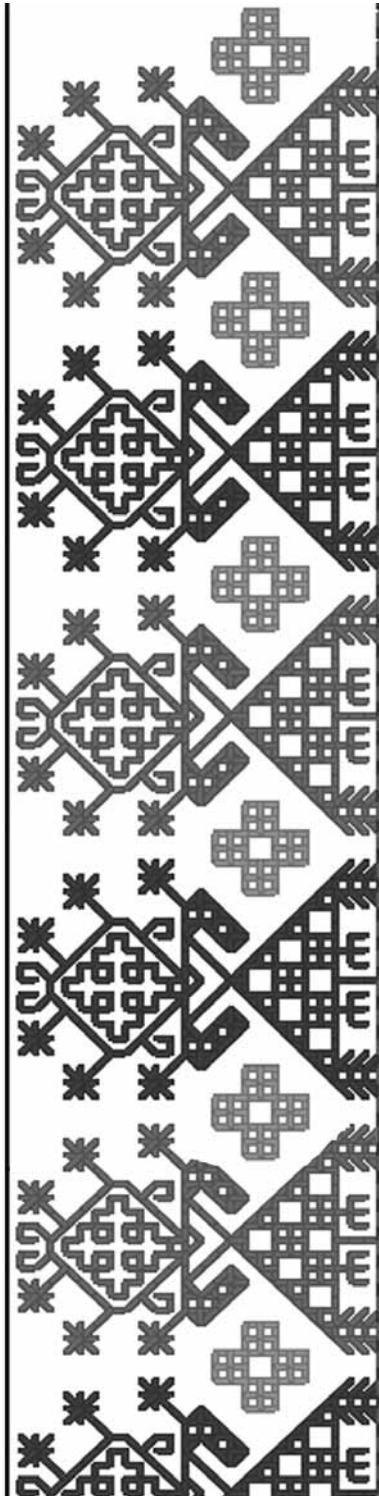
Во многих деревнях ткали полотно и яркие половики, плели из разрезанного соснового корня домашнюю утварь, а из прутьев и луба — корзины.

Сейчас почти все ремесла забыты. Только кое-где достают еще бабушки с чердаков крестьянские ткацкие станки «кросны», да ткут по заказу половики. И здесь рыболовный промысел напоминает о себе — в качестве утка берут разрезанные на длинные полосы капроновые сети. И красятся сети хорошо, и половики выходят «вечными», и кажется, что в бахроме резаных сетей видится море.

Весельная лодка в Финском заливе. Фотография Д. Золотарева. 1926 г.
Российский этнографический музей

ВЕРА

Вера ижор... Это немыслимое переплетение древнего, но никогда не исчезающего до конца мира языческих представлений и строгих христианских норм. Это смешение огромного вечно живого мира, где одушевлено все, каждый камень и каждая тварь, и сжатого пространства, где по истине жива лишь твоя душа. Это соединение веселых до безотчетного разгула праздников и мыслей о непрерывной расплате за все содеянное. Это зависимость от десятков странных сил и сотен духов, не делающих различий между добром и злом и строгая отчетность человека лишь перед Богом. Это вера ижор...

Как представить себе, во что верили поколения людей, отстоящие от нас на сотни и тысячи лет. С какими мыслями они обращались к своим ныне неизвестным божествам? Что просили и что получали взамен за свои бесхитростные приношения и жертвы?

Я вспоминаю, как однажды под Ковашами я заметила старика на краю леса. Он громко просил о чем-то у Хийси, древнего, но давно забытого ижорами божества леса.

— Вы верите в него?

— Нет. Я даже не знаю точно, что это. Но дед всегда просил, и у него одного в деревне было три коровы... Я-то сам не верю уже ни во что... Но вдруг подумал, а что, если вот этот Хийси сидит здесь в лесу и с дедовских времен ждет, чтобы его хоть кто-нибудь

что-нибудь попросил. А мне грибы во как нужны... Да и пожить бы еще хотелось...

И я поняла, что язычество никогда не покидало ижор. Ни более шестисот лет православия, ни столетие лютеранства, ни семьдесят лет атеизма, ни десятилетия сектантства не смогли изменить в них главное — простодушное, даже наивное, но поэтому и неизменное единение со всем, что было вокруг их — с лесами, морем и землей.

И все же принятие ижорой христианства в форме православия определило во многом ее историю. Кроме того, православие ижор послужило одной из основ этнокультурного взаимодействия ижор и русских. Ведь православие явилось русским пластом, и оно со временем стало перекрывать этническое самоопределение ижор общим с русским религиозным самосознанием. «Мы русские, потому что мы русской веры», — я часто слышала такие слова. И хотя результаты подобных процессов в полной мере стали проявляться у ижор лишь в XIX в., основы этих поздних духовных преобразований закладывались еще в средневековье.

Воссоздание полной картины христианизации ижоры, также как и рассмотрение долго сохранявшихся реликтов язычества выходит за рамки этой книги, но наметить основные этапы проникновения и становления христианских представлений в ижорскую среду необходимо²⁰⁷. Религиозная жизнь ижор в средневековье определялась двумя важнейшими аспектами. Во-первых, все время продолжалась борьба католической и православной церковью за обладание местной паствой. Это было прямым отражением стратегических военных устремлений как Запада (прежде всего Швеции), так и Руси, нацеленных на прибалтийские территории. Во-вторых, шло постоянное взаимодействие язычества и христианства. Причем оба эти аспекта органически взаимосвязаны. Таким образом, три системы религиозных воззрений — язычество, католицизм и православие — составили основной проблемный треугольник духовной жизни средневековых ижор и явились одним из определяющих моментов их этнической истории.

В первой половине XIII в. исторические источники фиксируют распространение христианства в ижорской среде. Вспомним не раз упоминавшееся выше летописное упоминание приневской ижоры: при описании событий Невской битвы 1240 г. отмечается «старейшина земли Ижерстей» Пелгусий или Пелугий, который, проживая в среде язычников («живяше посреди рода своего погана суща»), был крещен и имел параллельное христианское имя Филипп²⁰⁸.

Но христианизация распространялась не только со стороны православной Руси, но и со стороны западного католицизма. Так, с одной стороны, мы имеем данные о существовании водских и чудских «переветников» (изменников), каз-

ненных Александром Невским после взятия крепости Копорье в 1241 г. С другой стороны, прибалтийские источники сообщают о благосклонном отношении местного населения к католической деятельности, что дает основания предполагать наличие перехода в католичество части ижорского и водского населения. Подобный переход подтверждается в 1255 г. распоряжением папы Александра I рижскому архиепископу о назначении специального епископа в земли Ватландии, Ингрии и Карелии²⁰⁹. Основанием послужило донесение о том, что часть населения указанных территорий обращена в католицизм, а часть — хочет креститься²¹⁰. Но епископальная миссия не была реализована в связи с отсутствием военных успехов датчан на землях к востоку от основанного примерно в 1256 г. сторожевого укрепления на реке Нарва. И епископ Карелии Фридрих фон Хасельдорф, назначенный на должность в 1268 г., так и не прибыл в свою епархию и вскоре стал епископом в Тарту.

В 1307 г. большая часть привыборгских карел была принуждена епископом Петером Элави принять католическую веру в связи с основанием Выборгского замка, а Ореховецкий мирный договор 1323 г. закрепил 14 карельских приходов за шведским королем²¹¹. Тем самым, контакты между ижорой и предками финнов-эурямейсет были в основном прерваны, а религиозное развитие двух групп местных племен пошло совершенно разными путями.

Религиозные притязания Запада на ижорские и водские земли были возобновлены лишь в середине XIV в. В 1348 г. шведский король Магнус Эрикссон и абоский епископ Хемминг предпринял крестовый поход в северо-западные новгородские владения с целью обращения местного населения в католичество. Провозглашение королем Магнусом «Хочу, чтобы вы пошли в мою веру, а не то иду на вас со всею моею силою» явилось общим лозунгом вторжения в русские земли, произошедшего в начале лета того же года. В летописном сообщении о причинах шведской военной акции ясно указана ее официальная религиозная основа: ведь заняв устье Невы, король послал в Новгород приглашение на «диспут», чья вера лучше — православие или католицизм. В ответ новгородцы заявили, что для вопроса о приоритете вер необходимо послать послов в Царьград, а для разрешения пограничного конфликта они могут явиться сами. Следующим шагом шведской стороны был захват крепости Ореховец и принудительное крещение местного населения: «Ижеру почал крестити в свою веру, а которыйи не крестятся, и на тех рать пустил и на Водь»²¹².

Об определенном авторитете западной церкви среди местных племен говорит факт перехода части населения в католичество. Это подтверждено ответными карательными действиями новгородцев в 1348 г., когда после возвращения ими Орехова и боя «на(Жа)бце поле», «избиша немец 500 в канон Бориса и Глеба,

а иных изнимаша, а переветников казниша». О сознательном обращении в католичество части ижор свидетельствуют и события 1351 г. Тогда король унии Магнус, изыскивая новые средства для войны с Русью, обратился за помощью к римскому первосвященнику на основе жалобы ижор и карел, присоединенных им к истинной церкви, на русских, которые их травят собаками, вешают и убивают с целью новообращения в православную веру. В ответном апостольском послании папы Климента IV к упсальскому архиепископу провозглашалась индульгенция всем, кто поможет или примет участие в священном походе против русских²¹³.

Еще одной важнейшей стороны жизни средневековых ижор — языческих верований — касаются письменные источники, причем как русские, так и европейские, ведь земля ижоры занимала пограничное положение. Впервые о вере ижор мы узнаем из буллы папы Александра III к первому Упсальскому Епископу Стефану, написанной между 1164 и 1189 гг., где говорится о язычестве местных народов — «*Pagani Karelie, Ingrie, Lappie et Watlandie*». И 9 января 1230 г. папа Григорий IX предписал шведским архиепископам Упсальскому и Линчёпинскому запретить всем прихожанам-христианам под угрозой отлучения от церкви возить язычникам ингерским (ижорским), так и карельским, лаппским и ватландским (водским) оружие, железо и дерево, чтобы в землях, лежащих близ Швеции, «вера Христова не была искоренена ее врагами»²¹⁴.

Корни язычества были невероятно сильны. Даже в 1534 г. русский архиепископ Макарий уведомлял князя Ивана Васильевича, что в Водской пятине, «в Чуди и в Ижоре, <...> и от Наровы реки до Невы» существуют многие идолопоклоннические суеверия, и что у ижоры и прочих народов имеются еще «скверные молбища идолские». В XVI в., как это следует из церковных документов, в ижорских землях многие христиане не ходили в церкви, а молились «по скверным своим мольбищам», поклонялись деревьям и камням, принося им жертвы. Многие жили с женами своими без венчания, а к новорожденным до крещения в церкви призывали колдунов — «арбуев», которые и давали детям имена. Умерших своих ижора, как и водь, везла не к церквям на погосты, а хоронила в селениях по курганам и «коломищам». Великий князь приказал «прелесь ону искоренить», для чего был послан священник Илья с двумя боярскими сынами. Они разрушали мольбища, рубили и жгли священные рощи и деревья, сбрасывали в воду священные камни, арбуев отправляли в Новгород для расправы.

Приведем часть этого послания.

«От преосвященного архиепископа Великого Новагорода и Пскова владыки Макарья в Воцкую пятину, в Чудь, в Толдожской погост, и в Ижерской погост, и в Дудровской погост, и в Замошской погост и в Егорьевской погост, и в Опо-

лецкой погост, и в Кипенской погост и в Спаской погост, в Зарецкой, и во все Чюцкие уезды и Ижерские, и в Вошки, да и во вся Копорския, и Ямския, и Ивангородския, и в Корельские, и в Ореховские уезды, в волости и в села, по монастырем и по погостом, к старым церквам и к выставкам, игуменом и священником и диаконом, ко всем без омены.

Здесь мне сказывали, что деи в ваших местех многие христиане з женами и с детьми своими заблудили от истинный христианския православныя веры: о церкви деи божий и о церковном правиле не брегут, к церквам к божественному пению не ходят и к вам деи, к отцом своим духовным, ко игуменом и попом, на покаянье не приходят, а молятца деи по скверным своим молбищом древесом и камению, по действию диаволу; и среды деи и пятка и святых постов не чтят не хранят, и в петров деи пост многие ядят скором, и жертву деи и питья жрут и пьют мерзким бесом, и призывают деи на те свои скверный молбища злодеевых отступник арбуев чюдцких, и мертвых деи своих они кладут в селах по курганом и по коломищем с теми ж арбуи, а к церквам деи на погосты тех своих умърших оне не возят съхраняти; также деи у них у которые жены детей родитца, и они деи наперед к тем своим родилницам призывают тех же скверных арбуев, и те деи арбуи младенцем их имена нарекают свойски, а вас деи игуменов и священников оне к тем своим младенцем призывают после; а на кануны деи свои призывают оне тех же скверных арбуев, и те деи арбуи и над каноны их арбуют скверным бесом <...>

И которые арбуи и их ученици, идолопоклонници, от своих скверных дел престанут и учнут каятись вам, отцом своим духовным, что вперед им таким не быти, и вы б всех тех исправливали по правилом святых-апостол и святых отец; а которые арбуи и их ученици, идолопоклонници, вас, отцов своих духовных, не учнут слушати и на поученье к вам приходити, и вы б о тех о всех непослушницех сказывали и возвещали тем детям боярским, которые христиане за которыми детьми боярскими живут, чтоб оне тех законопреступников имали и к нам присылали в Великий Новгород; а и заповедь бы есте вперед о том учинили крепкую, чтоб те скверные молбища не токмо по вашим местом и ездом, в селех и в деревнях и в лесех, но и по окрестным местом нигде не именовались, и вашим бы бреженьем те молбища везде отнюдь в конец истреблени и попораны были. Да в ваших же деи местех, в Чюди, и в Ижере, и в Вошкех, многие люди от жон своих живут законопреступно с жонками и с девками, также деи и жены их живут от них с иными людьми законопреступно, без венчания и без молитвы; и вы б всех тех наказывали, чтоб жили законно с своими предними женами; а которые не женаты, а живут з девками и з жонками по любви снявся, и те б отроки с девицами венчались, а вдовци бы со вдовами молитвы имали у вас, у отцов своих духовных; да исправливали бы есте их и поучали по правилом же святых апостол и святых отец...»²¹⁵

Но эти меры не дали ожидавшегося результата — через 14 лет, в 1548 г. с той же целью в эти земли был направлен священник Никифор с грамотой нового новгородского архиепископа Феодосия²¹⁶.

Следующая волна христианизации пришлась на XVII в. Столетнее шведское владычество сопровождалось мерами к насаждению лютеранства особенно среди местного финноязычного населения — ижоры и води. В 1623 г. в Ингерманландии по приказу шведского короля Густава Адольфа началось строительство лютеранских церквей в новообразованных лютеранских приходах. Следует отметить, что лютеранизация началась здесь ранее заключения в 1617 г. Столбовского мира между Россией и Швецией: еще в 1590-е годы, во время временной оккупации этих земель шведами, в Копорье был создан лютеранский приход. В 1611 г. основан приход в Лемболово. В 1620-х годах возникли приходы Инкере, Токсово, Келтто (Колтуши). Лютеранское церковное строительство шло очень быстро. Если в 1630 г. в Ингерманландии было всего 8 приходов, то уже к 1655 г. их стало 58, было построено 36 лютеранских церквей, в которых службы вели 42 пастора²¹⁷.

О религиозных притиснениях православных ижор шла речь в главе «Шведское время». Добавим, что среди ижор и води постоянно проводилась активная пропаганда лютеранства. Большинство православных церквей было закрыто, в оставшихся запрещалось читать проповеди «по-фински» (на водском и ижорском языке). В 1643 г. в Стокгольме специально для ижор и води издали лютеранский катехизис на финском языке, но написанный кириллицей (т.е. русскими буквами).

Православной вере чинились и формальные препятствия. Мы уже писали о том, что в случае смерти православного священника не разрешалось приглашать нового из-за пределов Ингерманландии, а ведь это, как правило, оставляло приход без священнослужителя. Коренным жителям не разрешалось заниматься торговлей, если они по-прежнему принадлежали к православной вере. Тем не менее, ижоры оставались большей частью православными даже вблизи таких значимых для шведской администрации городов, как Ниеншанц. Так, холмогорский архиепископ Афанасий сообщал в 1701 г., что «об ону сторону Невы обитают земледельцы Ижоры, наша христианская веры; церковь и священники с причетники имеют, обаче церковь нынешняя не священна... дань платят Шведам»²¹⁸. О сопротивлении ижор лютеранизации можно прочесть в упомянутой главе «Шведское время».

Но даже после многовекового распространения православной веры, после столетия попыток утверждения лютеранства, язычество у ижоры не исчезло. Древняя вера как бы отступила и, прикрытая христианской «формой», сохранила

свои корни почти во всех праздниках, обычаях и обрядах, доживших до XX века. О праздниках мы расскажем в отдельной главе, а сейчас попробуем хоть немного заглянуть в уже почти исчезнувший мир древних верований.

Даже в наши дни у ижор сохраняются следы культа поклонения солнцу. Еще недавно почти каждая пожилая ижорка, выходя из дому рано утром, крестилась и кланялась солнцу. Некоторые крестятся и на солнце в полдень, и на солнечный закат. Иногда кланяются и молятся на солнце перед посещением бани, часто просят у солнца и месяца здоровья и сил, изредка крестятся и кланяются в новолуние месяца. Солярная символика очень долго, вплоть до XX в., сохранялась в вышитых узорах на полотенцах, в деревянной резьбе наличников окон. В старинных песнях, звучавших в деревнях Северной Ингерманландии при встрече жениха, прежде всего, пелось приветствие месяцу и солнцу, а уж потом — долгожданым гостям: «Terve, kuu, terve päivä, terve tänne tulehille...» («Здравствуй, месяц, здравствуй, солнце, здравствуйте, сюда пришедшие...»). Может быть, обращение к светилам давало надежду на удачу и счастье в будущем?

До сих пор можно найти у ижор и следы древнейшего для многих прибалтийско-финских народов культа поклонения деревьям. Остатки таких верований мы встречаем у финнов, карел, вепсов, эстонцев, сету, води. Архивные материалы дают нам сведения о существовании в XIX в. священной сосны на Шлиссельбургской дороге, о «крестовых» соснах в Северной Ингерманландии, которым поклонялись при хождении на кладбище, о священной липе, около которой ижоры собирались в канун Ивановой ночи, жгли костры и приносили в жертву белых петухов²¹⁹. У ордежских ижор в деревне Озерешно до 1970-х годов сохранялся обычай своеобразного «жертвоприношения» деревьям: при уходе молодого парня в армию, его мать украшала лентами березу у дороги за деревней. Эти ленты не снимались. На мой вопрос, зачем это нужно, ответ был всегда одинаков: «Пусть деревья ему помогут и сохраняют». А на краю деревни Вистино, на Сойкинском полуострове, объектом поклонения служат старые сосны. Их порой называют «шведскими», но при этом рассказывают, что там когда-то стояла православная часовня. К этим соснам и сейчас приходят старые женщины, приносят еду: яйца кладут в дуплистые расщелины стволов, хлеб и печенье крошат и раскидывают и подножья сосен, молятся, держась рукой за стволы, кланяются и крестятся. Эти сосны посещают и в дни поминовения умерших, когда не хватает сил дойти до кладбища на Сойкиной горе, и в будние дни, когда «что-то не ладится, или кто заболел».

Одна сойкинская ижорка рассказывала, что у нее есть *кодипуу* («домашнее дерево»). В определенные дни она приносит к этому дереву пиво, вино или чай, кланяется дереву, крестится, выливает принесенное на землю и просит у дерева

Поклонение старым деревьям: в дупло положено яйцо, из кружки вылито на землю пиво. Пос. Виистина (Вистино). Сойкинский полуостров. 2003 г.

здоровья себе и своей семье. Она говорила, что это дерево — «хранитель ее семьи».

Существует и культ птиц. Издавна ижоры говорили: «Маленькие птички приносят лето, большие птицы уносят его». К маленьким почитаемым птицам относят жаворонков и ласточек. Значение ласточки в верованиях ижор столь велико, что в традиционном для многих финно-угорских народов мифе о происхождении мира из яйца птицы, место этой птицы (вместо утки или лебедя у других народов) у ижор заняла ласточка. Еще в 1847 г. неизвестный ижор из Токсово пел о ласточке, снесшей золотое яйцо, из обломков которого произошли солнце и месяц. И в 1979 г., идя по полю у д. Валяницы на Сойкинском полуострове, я услышала:

Pääsköilintu, päivöilintu,	Ласточка, солнечная птица,
Too ihhala ilmoilint,	Та чудесная небесная птица,
Lentteli kessöisen päivän	Летала летним днем
Etsi maata maataks...	Искала землю, чтоб поспать...

И шел дальше рассказ, как яйцо упало в воду, как кузнец выковал грабли, и из поднятых со дна кусков яйца были созданы звезды. В те же годы я видела, как старые женщины кланялись и крестились, заприметив пролетающую ласточку. Издавна убийство ласточки у ижор считалось настоящим тяжелым грехом.

И к жаворонкам отношение было особое. Раньше, когда первые жаворонки начинали устраивать гнезда на полях, праздновали особый *киурумпяйвя* («жавороночный день»). Дети делали из теста «птиц», шли на поле, пели особые песни и оставляли «жавороночный хлеб» для птиц на больших полевых камнях.

Осенью, заслышав трубный клекот улетающих лебедей, женщины обязательно выходили из дома, собирались вместе и пели песню летящим птицам. «Если не проводишь, назад не вернутся», — говорили они.

Повсеместно ижоры верили в духов *халтиаз*. Чем ближе к человеку жили эти духи, тем добрее они были. По мере же удаленности от дома их опасность и сложность общения с ними возрастала. Самые «дальние» духи порой были невероятно опасны, и встреча с ними сулила беды и даже гибель.

Духи дома (*кодихалтиаз*, *коди-исянтя*, *маахалтиаз*) жили в избе или под ней и заботились о доме. Считалось, что когда дом сгорал, дух дома плакал и эти тихие завывания слышны всякому. Хотя видеть его удавалось не всем. Некоторые люди, случайно встретившие духа дома, рассказывали, что он похож на небольшую кошку, змею или жабу. Другие отчетливо видели небольшого человека. По-

рой дух дома появлялся в виде женщины, иногда с детьми. Но боялся такого духа только очень трусливый человек. К тому же *кодихалтиаз* не выносил сквернословия. Говорили, что если в доме кто ругался, дух дома мог покинуть такую избу, а это вело за собой неудачи в хозяйствовании. Рассказывали, что чаще всего дух дома живет под печкой. Поэтому невеста, вошедшая в дом жениха, непременно бросала один из сотканных ею узорных поясов в огонь печи — приносила жертву духу дома. Часто в печь она бросала и деньги. До наших дней сохранился обычай смазывать верхнюю часть устья печи кровью убитого животного (хотя смысл этой жертвы уже позабыли и говорят, что так делают, чтобы «глина не пылила»).

В хлеву жил *танвазхалтиаз*, который заботился о домашних животных, ему первому после отела коровы наливали молока в треснутое блюдце, чтобы лучше охранял скотину. Говорили, что этот дух хлева похож на собаку.

В бане жил *саунахалтиаз*. Нельзя было ходить в баню больше двух заходов за вечер (мужчины и женщины), потому что третьим всегда ходил этот дух. А после бани нужно было непременно поблагодарить *саунахалтиаз* за доброту и поклониться ему.

Рига стояла обычно вдали от жилья (боялись пожара). И существовавший в риге дух *риихихалтиаз* уже был не столь добр. Порой он показывался в виде пестрой кошки. И если в риге танцевали уж слишком шумно и долго, то этот дух мог ригу сжечь.

В лесу жили *мется-эмя* («мать леса») и *мется-тяди* («тетка леса»). Если пастух нарушал запреты (например, ломал ветки в лесу или ел ягоды прямо с куста), мать леса могла забрать из стада овцу или даже корову! Когда дети приносили из леса «подарки» (цветы, ягоды и т.д.), говорили, что их передала «тетка леса».

Опаснее всего была *вези-эмя* («мать воды») или *вези-эмянтя* («хозяйка воды»). Когда человек тонул, говорили, что его забрала «мать воды». Раньше в ижорских деревнях по берегам Луги каждый год на Ильин день резали барана, а внутренности и голову непременно бросали в воду хозяйке воды, иначе в реке тонуло много детей²²⁰.

Духи имели цвет. Еще в конце XIX в. сойкинские ижоры утверждали, что если дух живет в песчаной земле, то он — красного цвета, а если в глинистой — то серого²²¹.

Как появлялись эти духи и куда уходили, могли ли они умереть или были вечными — неизвестно. Но был один дух, породить который могла любая женщина. Это дух носил странное непереводимое название *nápa* и его целью было принести молоко, масло, зерно в дом к создавшей его хозяйке, забирая все это тайком у соседок. Такой дух известен и в Карелии, и в финской провинции Саво. По све-

дениям, собранным в Северной Ингерманландии, *пара* имеет вид мохнатого существа. К началу XX в. только немногие знали, как создать себе *пара*. Нужно было ночью, лучше всего в ночь на Иванов день, пойти в баню или ригу, прихватив с собой «клубок» бересты, скрученный кусок бересты и четыре веретена. Береста должна была быть не тонкая и гладкая, а задубевшая и толстая, ободранная тайком в Юрьев день (день первого выгона скота на пастбище весной). Из клубка делают «голову», из свернутой бересты — «тело», а из веретен — «ноги». Затем хозяйка, полностью раздевшись, имитирует «роды», покачиваясь над созданным «зверем» и трижды приговаривая:

Synny, synny, Parasein,	Рождайся, рождайся, Пара,
Voita, maitoo kantamaan!	Масло, молоко носить!

После этого береста превращается в мохнатое существо, но только если никто этих «родов» не видел.

Из рассказов сойкинских бабушек известно, что летает *пара* на «огненном яйце», размером с ведро с тонким нитяным полуметровым хвостом. Она опускается в хлева и амбары, уносит во рту молоко и масло, если предусмотрительная соседка забудет перекрестить закрывающую их крышку. Ходили слухи, что есть *пара*, способная унести из дома и деньги. Не случайно говорили, что если человек беднеет, то к нему залетает чужая *пара*, а если уверенно богатеет, то тут дело не чисто и, похоже, хозяйка родила себе *пару*.

Защитить себя от духов можно было не только соблюдением правил и запретов. Помогало и «кормление» духов. Помогали и деревенские «знающие». Спасать могло и знание заговоров и заклинаний. До наших дней дошли заклинания при первом выгоне скота на пастбище, заклинание от укуса гадюки, заговоры от зависти и сглазу, от болезней, вывихов и ран. Красивейший заговор заблудившегося в лесу был записан от Кристины Андреевой из ныне не существующей деревни Таринайси (Андреевщина):

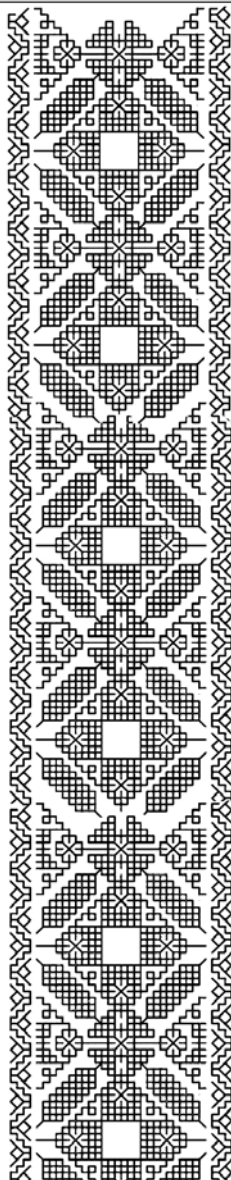
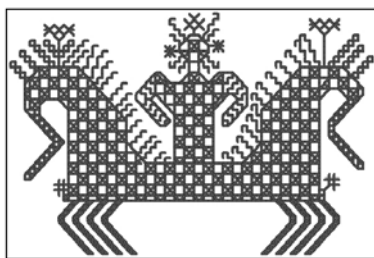
Metsän kukkoi, metsän riikki,	Лесной петух, золотой павлин,
Metsän kulttaine kunikas,	Золотой лесной король,
Metsän kukkoi kultaharja,	Лесной петух с золотым гребнем,
Mist veit, tuu siihe,	Откуда увел, туда приведи,
Ojenna ohjakset kottii kera,	Направь правила к дому.
Ei oo nojan noitimist,	Пусть не колдует колдун,
Ei kattehen katsomist... ²²²	Пусть завистник не смотрит...

Заговоры были часто связаны с магическими действиями, направленными на защиту человека, его скота и урожая от различных бед. Особое значение в подобных действиях играли режущие и колющие орудия. Так, утром пасхального дня, держа их в руках, обходили двор, чтобы не водились змеи. Ножи и косы использовались в магическом обряде в Егорьев день. Следует сказать, что нож раньше являлся необходимой частью одежды каждого ижора, жених обязательно дарил его невесте перед самой свадьбой, нож клали в могилу рядом с головой, у пояса или у ног умершего. Вероятно, ношение ножа имело значение оберега.

Освящение Никольской церкви на Сойкинской горе 22 мая 2006 г.
Фотография О.Коньковой

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ

У ижор до недавнего времени сохранялось много праздников, приуроченных к дням различных православных святых, но имевших столь глубокие языческие корни, что только хождение в церковь да само название праздника придавало ему христианское обличье.

Расскажем немного о самых главных *праазниках*²²³, указывая время их проведения по новому и старому стилю. Кроме того, в каждой деревне были свои малые — «престольные» праздники. Так, например, в Пярспя (Липово) на Кургальском полуострове — *Иилия* и *Настосья*, в Лаукаансуу (Остров) на реке Луге — *Педро* и *Мииккула*, в Сяятиня (Слободка) и Саарове (Югантово) на Сойкинском полуострове — *Иилия* и *Мииккула*.

Йоулумпяйвя (Рождество Христово) — 7 января (25 декабря по ст. стилю).

Канун Рождества был опасным временем: души покойников и всякая нечисть приходили в движение. Было много способов уберечься от них. Можно было положить железные или острые предметы под дверь или над ней. Можно было зажечь огонь, и в каждом доме всю рождественскую ночь горели свечи, а зачастую предусмотрительные хозяйки поддерживали до утра огонь в печи. Но лучшей защитой служили магические знаки, особенно кресты, нарисованные смолой, мелом или сажой на двери. Такие кресты в Западной Ингерманландии

рисовали во все опасные периоды в кануны других праздников — в предпасхальную пятницу, в саму Пасху, на *Яаани* (Иванов день) и в другие времена разгула духов и ведьм²²⁴. Препятствуя несчастьям, крестовыми знаками защищали также двор и сарай. Крестными знамениями освящали красный угол, где стояли иконы, и все отверстия в стенах (чтобы нечистая сила не проникла в дом). В канун Рождества хозяин дома с топором, заткнутым за пояс, осенял крестом все двери и окна дома, а затем клал топор под стол.

В Рождество все непременно ходили в церковь на всенощную.

Очень важным было, кто первым из гостей заходил в дом в рождественское утро: если мужчина — то будет хороший приплод телятами и ягнятами, а если женщина — то ничего не будет. Йохан Талус, служивший в 1800-х годах кантором в церкви в Туутари, писал: «В капелланском приходе Хиетамяки в двух деревнях живут ижоры. В новогоднее утро встала хозяйка (...), зажгла маленькие свечи перед иконой, перекрестилась. Поклонилась до земли, помолилась: дай сейчас в этом году коровам телят, дай овце ягнят, а свинье поросят. Зашла тут соседская девушка за огнем, и тут эта хозяйка очень рассердилась. Если бы мужское существо первым бы зашло, то было бы счастье в телятах и овцах, а теперь оно прошло мимо»²²⁵. На приходящую гостью очень сердились и могли сразу прогнать из дома и в Западной Ингерманландии.

В рождественское утро от дома к дому расхаживали дети, распевая рождественские песни.

Все святки каждый вечер гадали. То лили в воду расплавленный воск и смотрели, на что похожа полученная фигура, если на шляпу или сапог — вскоре появится жених, если на крест — жди смерти. То садились девушки в круг, каждая сыпала перед собой горсть зерна, и со словами «Кто первый выйдет замуж?» или «У кого будет самый красивый жених?» пускали в круг петуха: чье зерно петух начнет клевать, у той девушки это и сбудется. О будущих свадьбах гадали и на лучинах. Каждая девушка помечала «свою» лучину и втыкала в сугроб у дома за несколько дней до Рождества. А в канун праздника лучину поджигали, и скорость ее горения ясно указывала, выйдет ли девушка замуж в следующем году. Было и «страшное гадание» — ходили ночью в одиночку на перекресток дорог за деревню «слушать»: с какой стороны раздастся собачий лай — с той и придут вскоре женихи, услышишь пение или смех — это тоже к свадьбе. Если донесется вой волков — чья-то болезнь не за горами, а уж если колокольный звон — то надо готовиться к похоронам. Если девушки собирались узнать будущую судьбу и надеялись увидеть во сне жениха, то они делали из спичек колодезный сруб, который прятали под подушку. Считалось, что ночью во сне у колодца появится будущий жених, чтобы напоить лошадь.

На четвертый день Рождества молодые начинали ходить из дома в дом и колядовать — пели восхваляющие песни *килетойвирси* в честь хозяев, которые в ответ давали угощение. Ходила молодежь и на *игриссойл* (от русского слова «игра»), которые проводили в деревенских домах. Заранее делали из бересты маски, лица красили углем или мелом, надевали старые кафтаны, на спину приделывали «горб», в руки брали посох. Важно было, чтобы никто не узнал ряженных, для этого даже пели искаженными голосами. Мужчины могли одеться женщинами и наоборот. Одев наизнанку шубу, изображали волков и медведей. «Волков» в дом не пускали, они могли только выглядывать из-за дверей, но и этого хватало, чтобы испугать детей и загнать их на печку. Поэтому задолго до Рождества из льняного полотна делали маленьких зайчиков, чтобы бросать их «волкам». Из скамейки делали лошадь — накидывали поверх шубу, на ножки надевали валенки, и скакали на ней по избе, били в барабаны, пели и танцевали. Кто не хотел пускать внутрь *игриссойл*, тот сразу, только слышав смех и крики, закрывал на засов дверь.

Елку на Рождество стали привозить из леса и в избе украшать лентами только в XX в.

Везериста (Крещение Господне) — 19 января (6 января по ст. стилю).

Как в Рождество, так и в ночь на Крещение хозяева, защищаясь от злых духов, делали мелом кресты на всех четырех стенах избы, а на самой двери — 4 креста. Также делали кресты на всех предметах в доме, и они должны были оставаться там трое суток.

Как и у русских, у ижор считалось, что обливание на Крещение может смыть все грехи за год. Брали для этого не только освященную в церкви воду, но и сами «святили» колодцы и проруби, ставя деревянные и «лучинные» кресты. Хозяин приносил освященную воду и в «красном» углу сам крестил всю свою семью, трижды обрызгивая каждого водой с березовой ветки. В некоторых деревнях в этот день обязательно варили и ели горох — полагали, что тогда он хорошо уродится. Но перед едой хозяин выходил из дома и разбрасывал горох, принося «жертву» морозу (ведь весенние заморозки порой губили посевы): «Ешь, ешь, мороз зимой, а не весной!».

Считалось, что гадание перед Крещением всегда сбывается, и в крещенскую ночь к «водным» местам (источникам, прорубям, колодцам) и на перекрестки дорог тайком ходили гадать о будущем. При этом «имя божье нельзя произносить, тогда бог ничего не покажет». На перекрестках ложились на землю и, не двигаясь, внимательно слушали звуки: если лошади как будто сильно цокали, или слышен был скрип повозки — будет урожайный год, а если «будто косы точат» — то жди неурожая. На перекрестке дорог можно было опреде-

лить и место проживания жениха, крича в крещенскую ночь: «Звучи, звучи голос дорогого, лай, лай, собака свекра!». С какой стороны зазвучит голос, либо раздастся собачий лай, туда девушку вскоре заберут замуж. Вечером в канун Крещения девушки брали сухую лучину, шли с босыми ногами к колодцу или проруби и окунали ее в воду. Затем лучину зажигали: если она горела хорошо, то в новом году ожидало счастье, а если плохо — то год будет несчастливым.

В начале XX в. в ижорских деревнях низовьев р. Луги девушки в канун праздника ходили собирать все нужное для приготовления пива и проводили Крещение в подходящем доме вместе с парнями.

Лиугуньявя (Масленица) — за 7 недель до *Эйяпявя* (Пасхи).

В народном календаре ижор Масленица была связана с женскими работами — с заботами о скоте и с надеждами на урожай льна. В этот день хозяйка и ее дочери подметали пол в избе много раз, и мусор выносили далеко, т.к. верили, что тогда зерновое и льняное поле будет чистым от сорной травы. При этом старались вечером в Масленицу все работы закончить пораньше, полагая, что тогда и летние работы пройдут быстро и закончатся вовремя.

Нижнелужские ижоры говорили: «Канун лучше всего в Рождество, а вторая половина дня — на Масленицу». И главным здесь было катание: как и соседнее русское и финское население, ижоры в этот день катались с гор и этот день называли «великим катальным» днем. Скатываясь с высокой горы нужно было непременно кричать: «Катись, катись, масленица, высокие льны катящимся, пучки позади стоящим! Кто не придет кататься, у того лен вымокнет, к земле пригнется!». Считалось, что чем дальше катились сани с горки в этот праздничный день, тем более высоким вырастал лен летом.

Парни и девушки арендовали на Масленицу лошадь и сани и ездили из дома в дом. Обычно девушки и юноши собирались в разные сани и во время езды пели катальные песни. Ведь не случайно говорили: «Кто не поет на масленицу, тот и летом петь не будет!»:

Livvukka, rekkoi lippiä,
Lipiäistä liukuteetä,
Karhiaista kaivoteetä.
Miks ei kuulu kukkujaista,
Eikä äänen antajaista?
Mikä meijen tyttöloillä,
Kuka kassoin kantajilla?..²²⁶

Катитесь, сани скользкие,
По скользкой дороге для катания,
По шершавой колодезной дороге.
Почему не слышно кукующих,
И подающих голос?
Что с нашими девушками,
Что с носящими косы?..

В этот день готовили лучшие угощения — тогда и весна будет хорошей, и урожай щедрым. После обеда вся семья ходила в баню. А вечером, после ужина, стол непременно оставляли накрытым, говоря при этом: «Бог бежит через стол!».

Урбиныйя (Вербное воскресенье) — за неделю до **Эйяныйя** (Пасхи).

Ближе к ночи дети шли «вербовать»: прежде всего, заходили к крестным, а потом и к знакомым, стегали их прутьями вербы, украшенными лентами, говоря при этом:

Urpaa verpaa,	Верба, верба,
Viigokselle velkaa,	На неделю долг,
Kanaltaaz muna,	От твоей курицы — яйцо,
Kakku taiginaizeltaaz,	Кусок хлеба от твоего теста,
Voiluzikka leivältääz!	Ложка масла от твоего хлеба!

Эти прутья вербы хозяева оставляли у себя, клали рядом с иконой и берегли до дня первого выгона скота на пастбище, а иногда и дольше — считалось, что эта верба будет лучшим лекарством для животных.

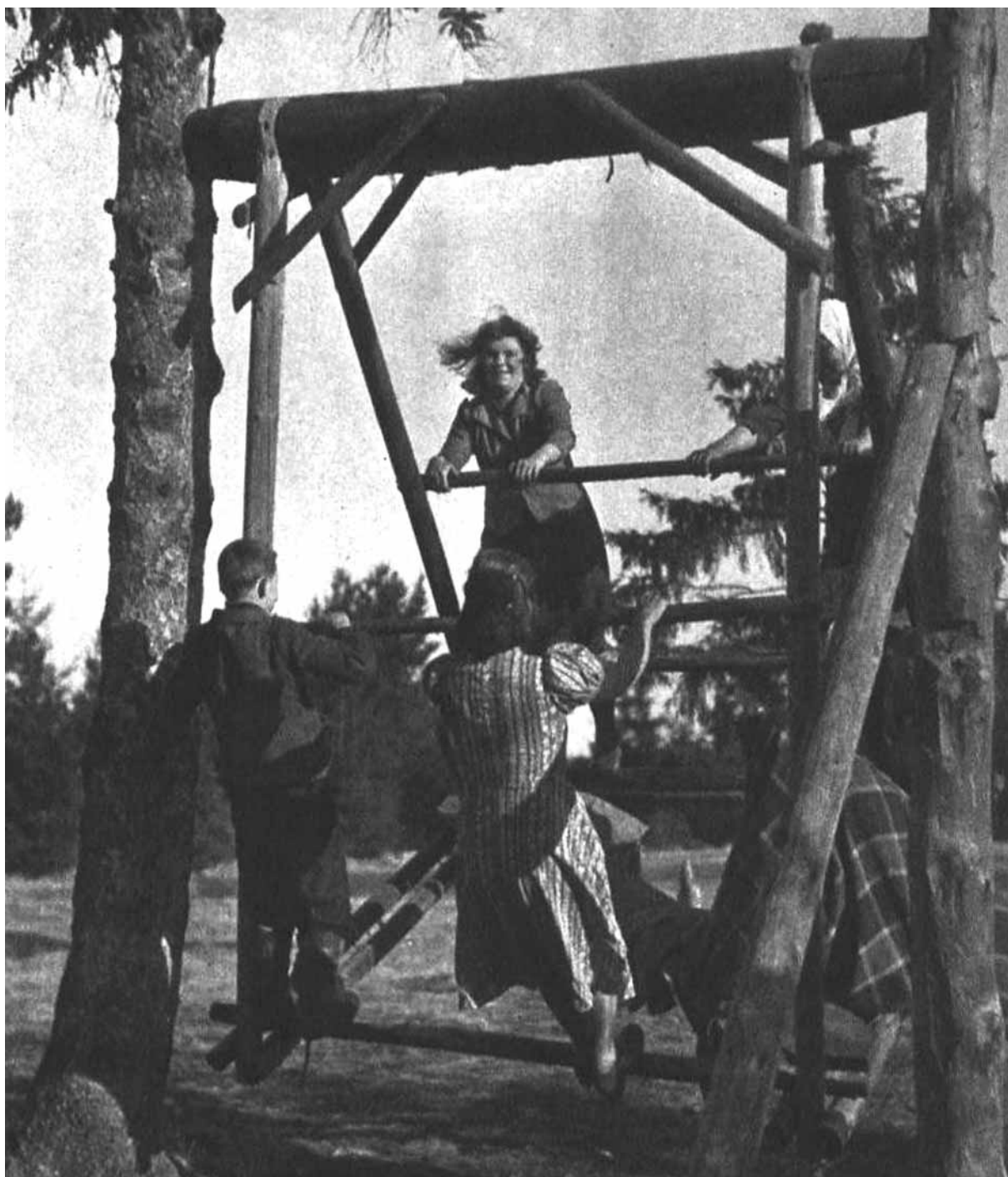
А через неделю, на пасху, дети приходили за «долгом»: те, кого они ударяли вербой, должны были одарить их сладостями или яйцами.

Эйяныйя (Пасха Христова) — время проведения ежегодно менялось и зависело от лунного календаря

Название Эйяныйя относилось порой и к семинедельному предпасхальному посту, и к дням до Пасхи, но чаще всего так называли именно Пасху.

Если корова к Пасхе не начинала доиться, то такую Пасху называли «черной Пасхой». Накануне Пасхи, в чистый Четверг нельзя было брать землю в руки и срывать ветви с деревьев — говорили, что «*taad ja puud leinaad*» («земли и деревья горюют»). Нельзя было и нарушать тишину — шумные работы считались грехом.

Праздник длился 3-4 дня. Пасху ижоры праздновали, как и все православные — ходили в церковь, разговлялись яйцами, куличами, творожной пасхой. Но сохранялись и древние верования: ранним пасхальным утром хозяева обходили свои дворы, держа в руках ножи, топоры или косы — для того, чтобы все лето змеи не заползали к ним. Девушки ходили по улицам, одаривая понравившихся парней крашеными яйцами, те в ответ целовались с ними. Были развлечения и для «мужской» половины — в некоторых деревнях и мальчики, и взрослые мужчины «катали» яйца — для этого делали специальные деревянные желоба. Целью «катания» было сбить своим яйцом яйцо соперника.

Пасхальные качели. Фотография А. Хямляйнена. 1943 г.
Музейное Ведомство Финляндии в дер. Косемкина (Бол. Куземкино)

В каждой деревне, на опушке леса, в сараях, в овинах в этот день парни ставили качели. Скрип сотен и тысяч качелей приветствовал пасхальный вечер! Ведь с давних времен считалось, что качание на качелях — не просто удовольствие, но в нем заключен уже не осознаваемый нами смысл плодородия. Не случайно у многих народов качание относится к древним календарным весенним обрядам. На Карельском перешейке, у северных ижор были в ходу «веревочные» качели (из крепкого каната и широкой доски, на которую порой усаживалось 12 человек!). В 10 часов вечера, когда заканчивали качаться, быстро убрали веревку и доски до следующего «качания». А по берегам реки Коваши, на Сойкинском полуострове и в нижнелужских деревнях качели часто делали очень основательно: опорные столбы — из сосновых бревен, ось — из дуба, сиденья — из березы. Девушки заполняли сиденье, а два парня стояли по краям и, держась руками за веревки или «оглобли», на которых было подвешена «отроческая доска», раскачивали качели. Как высоко они порой взлетали! Сколько прекрасных «качельных» песен доносилось оттуда! Одна девушка была запевалой, другие подхватывали песню, повторяя услышанные слова. А те, кому не хватило места на качелях, ходили рядом, досаждая просьбами, или пели в хороводе. Песни были разные: эпические «длинные руны», лирические и обрядовые песни старинной калевальской метрики. Так, знаменитая ижорская народная певица XIX в. Ларин Параске вспоминала, что древнейшую руну о сотворении мира из яйца птицы она слышала именно на качелях. Но уже с середины XIX в. такие песни пели, в основном, пожилые люди. А молодежь либо изменяла старинные руны, либо пела совсем новые песни, порой чем-то схожие с русскими частушками. В некоторых деревнях качели сразу после Пасхи убрали — они без присмотра были опасной радостью, часты были несчастные случаи с детьми, и отцы многодетных семей иногда ночью, тайком, подпиливали стояки качелей²²⁷. Порой на качелях качались до Троицы. А кое-где качели так и стояли до осени. И теплыми летними вечерами, по воскресеньям и по праздникам оживали качели, вытаптывались склоны качельных холмов, возвращался уходящий загадочный мир древних песен!

Юрги (Юрьев день, день св. Георгия) — 6 мая (23 апреля по ст. стилю).

Все посевные работы к этому дню должны быть закончены. Но все же главный смысл этого праздника не был связан с земледелием. *Юрги* — день первого выгона скота на пастбище. Рано утром хозяйка шла в хлев, держа в руках сито, куда она обязательно клала икону Св. Георгия, вербу, сохраненную в святом углу после Вербного Воскресения, и нож. С этим ситом она обходила своих коров, держа косу в руках или нож в зубах (!) и прося Св. Георгия охранять их все лето:

Pyhä Jyrgi metsän herra,
Miikkula meroin kuningas,
Paa siä suelle suitset päähä,
Paa siä karhut kammitsaa.

Святой Егорий, господин леса,
Мийккула, король моря,
Надень ты узду на волков,
Надень на медведей путы.

Затем нож она клала под порог или втыкала над выходом из хлева. Только после этого можно было выгонять скотину на улицу. Пастух тоже совершал «обход» вокруг стада, но лишь после того, как получал от хозяек узелки с яйцами, хлебом и солью. Следует вспомнить, что выбор и наем пастуха были одними из самых важных деревенских дел — ведь от его знаний, в том числе магических, зависело многое. Поэтому в пастухи старались брать не «своих», а «пришлых», лучше всего «из другого народа». Тогда было больше уверенности, что кроме своего и местного языка, пастух знает еще и «лесной язык» и сможет лучше договориться с духами и хозяином леса о сохранности животных. Считалось хорошим знаком, если у пастуха были какие-либо увечья, странности, или он хоть чем-нибудь отличался от обычных деревенских мужиков, говорили при этом «если человек увечный, то он ближе к Богу».

Если *Юрги* был холодным днем, или весна была поздней, и еще лежал на полях снег, коров все равно выгоняли из хлева, хоть на час. А когда они возвращались, им скармливали часть припасенного еще с предпасхального поста «крестового хлеба» *ристилейбя* — чтобы животные были здоровы. Такой ржаной хлеб выпекали в среду четвертой недели поста, и он сверху украшался изображением равноконечного креста.

А к вечеру непременно устраивали деревенский праздник! Молодые уходили за деревню, разводили костры, плясали вокруг них, пели «егорьевские» и другие песни. Сюда же приходили и мужчины, сидели в стороне, пили пиво, обсуждали будущий урожай.

А у замужних женщин был свой отдельный праздник. Судя по всему, когда-то это был праздник, связанный с культом плодородия. В некоторых деревнях накануне *Юрги* еще в 1930-х годах устраивался особый «бабий праздник», на который собирались только замужние женщины, и ни в коем случае не допускалось присутствие мужчин, кроме пастуха. На время пастьбы на пастуха были наложены различные запреты, один из которых — не иметь близости с женщинами — поэтому с *Юрги* до осени пастух «мужчиной» не считался. Иногда, если пастуха пригласить не удавалось, звали какого-нибудь другого мужчину, он наливал вино, подыгрывал на берестяной трубе или рожке. В одной избе порой собиралось более 40 женщин. Большинство из них были простоволосы, хотя в другое время ношение головных уборов, скрывающих волосы, было строго

обязательным. Двери плотно закрывались, даже окна иногда завешивались. Праздник сопровождался трапезой в складчину, причем угощались в основном яйцами и яичницей, пили вино и водку. На «бабьем празднике» пели величальные песни и качали молодух, вышедших замуж в течение года, а также женщин, у которых родился первый ребенок или первый внук. Затем все выходили на улицу и, взявшись за руки, цепью (как обычно ходили на вечерних гуляниях девушки) шли по улице, распевая песни²²⁸.

Маахенккеуз (Вознесение Господне) — 40 дней после *Эйяпяйвя*.

В этот день «ничего не делали» — все работы, связанные с землей, были запрещены. Ижоры издавна считали, что в этот день земля родилась, она отдыхает и ее нельзя беспокоить. Нельзя было срывать траву и цветы. Даже старались меньше ходить по самой земле! Были в этом празднике и христианские мысли: «земля и деревья горюют» по Христу, все нужно было делать в тишине.

Троица (день святой Троицы) — 50 дней после *Эйяпяйвя* (Пасхи).

На Сойкинском полуострове Троица была главным праздником в деревнях Мяттяхя (Горки), Савимяги (Глинки), Хамала (Гамалово).

В субботу перед Троицей следовало сходить на кладбище — это был один из главных поминальных дней. На могилы несли еду для мертвых — размоченный или сваренный горох, яйца (их нужно было раскрошить, чтобы мертвым елось легче), кашу, куски пирогов. Окна и двери домов на Троицу украшали березами, которые выкапывали в лесу. А порой шли тайком в лес и под корневище березы закапывали монету с просьбой к дереву сохранить здоровье.

На Троицу любили устраивать свадьбы. И в воскресный день был обычай: невесты прогуливались по деревенской улице в праздничных нарядах. Особенно многолюдны в этот день были деревни с широкими улицами — сюда съезжались не только невесты и молодые, но и окрестная молодежь. До позднего вечера все прохаживались по улице взад и вперед, пели и танцевали.

Троица была важным днем и для крестьянских работ — к этому дню обычно заканчивали сажать картофель.

Яани (Иванов день, рождество Иоанна Предтечи) — 7 июля (24 июня по ст. стилю).

Для многих народов это был один из главных годовых праздников. *Яани* был днем летнего солнцеворота, когда солнце достигало своего апогея. Это был самый длинный день в году и самая короткая ночь. Это было время наивысшего расцвета всего живого. Время, когда даже здесь, на холодных балтийских берегах

наступало лето и даже самым печальным людям казалось, что радость будет если и не вечной, то, без сомнения, долгой.

Этот праздник дошел до нас из такого древнего прошлого, что порой трудно понять загадочный смысл его обрядов. Праздник справлялся ночью, обязательно жгли костры, пели и плясали вокруг них, купались или обливались водой, плели венки, собирали магические травы. Древнее название его было давно забыто. Новое имя этот древний праздник получил с распространением христианства, когда он был приурочен ко дню Иоанна Крестителя, хотя почти все обычаи этого чудесного дня и ночи не имеют ничего общего с церковным преданием об этом святом.

К празднику готовились загодя: ведь к *Яани* в домах все должно быть убрано, выстирано и украшено зеленой листвой, цветущей черемухой или рябиной. В некоторых деревнях у ворот или дверей дома ставили срубленные березки (как на Троицу). У северных ижор пол застилали зелеными ветвями, на окна и стены вешали венки из цветов. По древним поверьям, зелень защищала от ведьм и других темных сил. Поэтому порой украшали и животных: к рогам привязывали жгуты из цветов, камыша и зеленых ветвей. Всю цветочную и зеленую красоту разумные хозяйки никогда не выбрасывали, а хранили до дня окончания полевых работ, когда ее скармливали коровам и овцам — ведь в этих засохших травах сохранялась магическая сила жарких летних дней и свежих ночей.

Утро кануна *Яани* начиналось со сбора дров для костров: в дело шли и остатки бревен, и поленья, и любые сучья.

В этот же день во многих деревнях начинали купаться: считалось, что до *Яани* вода еще слишком холодна. А если уж не купались, то обязательно обливались. Начинали потеху парни и молодые мужики, поливая друг друга водой из ведер. На их хохот сбегались соседские девушки, а потом и взрослые степенные мужики бегали по улицам с ведрами и обливали всех встречных. Едва просушив нарядные сарафаны и юбки, девушки отправлялись в поля собирать «заветные» цветы. Но главным была не красота букетов, а их колдовской состав: девять, а, порой, двенадцать видов цветов и, прежде всего, «Иванов цветок» (*Melantrum nemorosum*), должны были принести магическую силу. Лучшие целебные и травы для ворожбы нужно было собирать на чужих полях. Растения и венки, собранные в этот день, защищали тех, кто их носил, от болезней, а дом — от нечистой силы. В этот день мужчины часто выкапывали можжевельник с корнем — он защищал дом от грозы, им хорошо было окуриваться для выздоровления.

Но в эту ночь мало кто думал о возможных болезнях и бедах, важнее было искать свое счастье. Как девушке привлечь к себе парней? Лучше всего пойти париться в баню с веником, куда добавлены собранные утром травы. Тогда и тело

станет более красивым, и через банное окно можно разглядеть будущего жениха. А после мытья бросали через крышу бани березово-цветочные веники для испытания судьбы (в какую сторону падал комлем веник, туда и предстояло выйти замуж). Увидеть суженого можно было и не выходя из дома: положишь собранные цветы под подушку или подвесишь их к балке под крышу — милый непременно приснится. Узнать о близости свадьбы можно было и так: взяв из поленицы дрова, следовало сосчитать и, если их было четное число, то быть девушке скоро замужем.

Для того, кто счастье видел в богатстве, ночь в канун *Яани* давала возможность стать невидимкой и открывать заповедные клады. О, сколько парней не замечало тихую красоту июньской ночи, стремясь найти цветок папоротника — ключ к кладам! Но клад давался не каждому, нужно было знать множество строгих правил, иначе клад уходил из рук, и опять нужно было ждать целый год.

На Иванову ночь ижоры издавна жгли костры. Еще у знаменитого исследователя XVIII в. академика Иоганна-Готлиба Георги мы встречаем описание этого праздника, когда у священной липы в канун праздничной ночи ижоры жгли костры и приносили в жертву духам белого петуха²²⁹. В некоторых деревнях были особые горки, где парни на высокий шест или на верхушку березы крепили тележное колесо. Как ярко и долго оно горело! И видно было это оранжевое деревенское солнце отовсюду. На Сойкинском полуострове часто вместо колеса поднимали смоляную бочку — и тогда огонь пылал ночь напролет.

Но самые небывало красивые костры были у северных ижор на Карельском перешейке. За две недели до праздника молодые пастухи из бревен и поленьев воздвигали башню высотой до 10 м! А рядом ставили несколько дровяных башен пониже. Все костры обносил оградой с воротами, где все жерди были соединены берестой. И вот светлой ночью, на фоне еще не остывшего от заката неба, вспыхивало новое зарево: горели костры, пылала ограда и в воздухе, как огненные птицы, летали подожженные берестяные шары, сплетенные пастухами в длинные ночи перед *Яани*.

Костер должен был гореть очень ярким пламенем, как символ победы света над тьмой, как очиститель тела и души человека от всего плохого, от дурных сил и злых духов. Не случайно северные ижоры называли такой костер *тюхя тули* («святой огонь», в других местах их называли *кокко*). Через такие костры прыгали молодые, полагая, что при этом непременно излечишься от хвори, а если прыгнуть высоко, то хлеба уродятся высокими и густыми. Вокруг костров танцевали, водили хороводы, пели особые хороводные песни, играли. Но начиналось гуляние, как правило, песней-зазывом:

Tulkkaha tulelle meijen,
Valukaha valkijalle,
Tookkaa puuta tuleksanne,
Hiiltoi hibjoi sezlässanne,
Kekelettä kenkässanne!²³⁰

Приходите к нашему пламени,
Стекайтесь к огню,
Приносите дров с собой,
Тлеющие угли за пазухой,
Головешки в своих сапогах!

Но не все кружились вокруг костров, не все пели бойкие или задумчивые песни. Ведь в ночь перед *Яани* можно было «шутить»: заткнуть старой шубой или чем-либо иным дымоход в избе соседей, развалить поленницу на дворе понравившейся девушки, затащить лодку, а иногда и телегу на крышу сарая. Почти везде загораживали дороги повозками, бочками и дровами, на телеги устанавливали «жениха» и «невесту» из соломы. Некоторые парни и мужики в эту ночь на полях караулили «ведьм», стараясь узнать, какая из подозреваемых в колдовстве деревенских женщин обстригает на чужом поле хлебные колосья для своих магических целей.

Но и «шутники» возвращались к кострам, где песни сменяли друг друга, где танцам не было конца, где молодые договаривались о свадьбе, а старики, быть может, отплясывали свои последние кадрили.

Педро (Петров день, день св. апостолов Петра и Павла) — 12 июля (29 июня по ст. стилю).

Педро был и остается одним из самых важных годовых праздников. *Педро* праздновали повсеместно, но особо, например, на Сойкинском полуострове в Логове (Логи), Волоитса (Валяницы), Виистина (Вистино), Руутсия (Ручьи), Киргоммяги (Сойкино), в нижнелужских деревнях Лаукаансуу (Остров), Йоенперя (Краколье), Хаавикко (Кейкино), в деревнях на реке Россонь — Ванхакюля (Ванакюля), Вяйкюля (Венекюля) и Сааркюля.

До конца XIX в. проводились в этот день коллективные культовые праздники-братчины — *ваккове*, на которые собирались жители всей деревни, включая самых старых, едва ходящих, и малолетних детей. Этот праздник должен был умиротворить как души умерших, так и христианских святых, чтобы засуха не погубила хлеба. Это был праздник земледельцев, хотя его праздновали и в таких деревнях, как Харккола (Гарколово) на Сойкинском полуострове, где выжить можно было, только ловя рыбу. Согласно известному финно-угроведу XIX в., академику Шегрену, ижоры в XVIII-XIX вв. отмечали Петров день приношением к священным деревьям еды и питья духам предков. Даже в начале XX в. в некоторых деревнях сохранялся обычай приносить в этот день в жертву быка или барана, чьи внутренности бросали в воду, а мясо съедали²³¹.

И все же православная церковь не смогла побороть традиции этого праздника и «включила» его в церковную практику: около многих священных деревьев и в священных рощах были поставлены каменные кресты и часовни, где перед братчиной проводилась служба. Но и к концу XIX в. Петров день в прилужских деревнях праздновали на берегу, а в хэваских — на открытых взгорьях. В сойкинских деревнях праздник проводили на краю деревни, чаще всего в одной из огромных риг, где ставили икону св. Петра, и где заранее варили пиво. Пиво было одной из главных составляющих праздника и ему уделялось много времени и внимания. Сначала со всех дворов собирали определенную меру зерна (ячменя или ржи), а затем самые умелые «пивовары», обычно два-три человека, варили пиво.

Настоящий праздник начинался с утра. По деревенским улицам ходил «праздничный» народ: и молодые, и старые, и свои, и знакомые из соседних деревень, наряженные в лучшие свои одежды. В сойкинские деревни любили на этот праздник приезжать и финны с островов — по сравнению с тихой островной жизнью здесь-то было небывалое веселье. Часам к десяти люди постарше шли в церковь на службу, молодые же начинали прогуливаться у церкви (вдруг да обратишь на себя внимание приглянувшейся девушки или парня!). Не особо набожные мужики предпочитали посидеть пару часов в деревенском кабаке.

После службы священник со всем народом отправлялся благословлять поля, дворы и праздничное пиво. Знаки для сбора народа на праздник были разные. Так, в Харккола (Ст. Гарколово) пивовар ударял по подвешенному бревну. А в сойкинских деревнях дети варщиков пива бежали к самым отдаленным избам, крича в окна: «Ваккове! Поп пришел!»

На *ваккове* каждый приходил со своим пивным ковшом или чашкой. Сам народный праздник начинали молодые незамужние девушки песней в честь Св. Петра. И только эту песню могли петь в праздничной риге. Если было много народа, и все не могли поместиться внутри, то открывали все двери и окна настежь, чтобы песню-заклинание слышали все люди, и земля, и поля, и небо над ними:

Pyhä Pedro armollinen
Pyhä Iilia izändä,
Laskii maaha maajalalle,
Tye meille viirahisse.
Kai on saatu, kai on tuotu
Pyhän Pedron kunniaksi,
Pyhän Iilian varaksi.
Kolt meil putkia puhhuu:

Святой Петр милостивый,
Святой Илья, хозяин,
Сойди на землю,
Приди к нам в гости.
Все добыто, все принесено
В честь святого Петра,
Для святого Ильи.
У нас из трех стеблей льется:

Yhest oloi punain,
Toizest viina vihhain,
Kolmanehest medoi makkiia...
Nossa pilvi pikkarain,
Hattaraine harvukkaine,
Kastele mejän kagroja,
Ojentele ozria.²³²

Из первого — пиво красное,
Из второго — вино злое,
Из третьего — мед сладкий...
Подними облако маленькое,
Тучку реденькую,
Намочи наши овсы,
Распрями ячменя.

А затем все выходили на улицу, пели, танцевали, водили хороводы. Перед каждым домом хозяйки ставили широкие столы, а на них — самые разные пироги, соленую рыбу, чай или кофе и, самое главное, чарки с пивом и водкой. Кто угодно, знакомый или вовсе неизвестный, мог придти тогда в дом, и его усаживали за стол. Отказ от угощения считался тяжелым оскорблением!

Застолье сменялось песнями, песни — танцами, танцы — застольем. Издавна на праздниках звучал *каннель*, к концу XIX в. его сменила гармонь. Молодежь не успокаивалась и к вечеру. И всю ночь с окраин деревни доносились смех, пение и музыка!

Второй день праздника проходил также. Порой, если *Педро* был престольным праздником и в соседней деревне, то гости утром могли найти ворота деревни, где они вчера так весело праздновали, закрытыми. Тогда все шли в соседнюю празднующую деревню, и праздник повторялся заново. В сойкинских деревнях гостей «по-хорошему» встречали лишь в первый и во второй день, а если какой-нибудь мужчина заявлялся на третий или, еще хуже, на четвертый день, то его могли и положить на скамейку да надавать прутom, приговаривая: «Зачем пришел? Это праздник нашей деревни!»

К концу четвертого дня праздник завершался. И только уставшие ноги, охрипшие голоса, да тяжелые головы напоминали о прошедшем веселье.

Иилия (день Св. Ильи) — 2 августа (20 июля по ст. стилю).

Записи исследователя народов Петербургской губернии Федора Туманского, сделанные в XVIII в., говорят о том, что ижоры отмечали Ильин день так же торжественно, как и Петров день. Устраивались «братчины» — совместные трапезы ритуального характера всей деревенской общины. Непременно в этот день убивали домашнее животное — барана, рыжего быка или свинью. Этот обычай раньше был широко распространен у северных русских и прибалтийских финнов. Судя по всему, на «братчины» собирались жители нескольких деревень, так как мяса жертвенных животных, как сообщает Ф. Туманский, хватало лишь на старейшин²³³. Праздник проходил либо рядом с часовней, либо в специально отго-

Праздничное гуляние по деревне. Нижняя Луга.
Фото Ю. Луккаринена. 1911 г. Музейное Ведомство Финляндии

роженном месте. Многие исследователи полагают, что и этот и предыдущий праздник когда-то давно был посвящен верховному божеству многих финских народов Укко. Ведь еще в начале XIX в. в эти дни исполняли обрядовые песни в честь древнего бога-громовержца²³⁴.

В XIX в. различия в проведении между *Педро* и *Иилия* не было. Даже песни-заклинания были теми же, только сначала пели, обращаясь к Св. Илье. Также варили пиво, обильно угощали гостей (к этому дню на столах должен лежать

хлеб из нового зерна), танцевали и веселились, но уже в других деревнях, где престольным праздником был день Св. Ильи. Долго сохранялся и обряд жертвоприношения барана. Выбирали жертву по-разному: иногда — лучшее животное в стаде, порой — то, которое первым вернулось домой в канун праздника. В нижнелужской деревне Котко (Орлы) и Пярспяя (Липово) на Кургальском полуострове при заклании жертвы не должны были присутствовать женщины. Были сведения и о том, что порой жертвенного барана не резали, а топили в реке, тогда он считался «чистым». Внутренности, иногда и голову животного бросали в реку, крича всем народом, что есть силы непонятные слова «*Кирлоукс! Кирлоукс!*» Местные жители были уверены, что если духу реки не принести такой жертвы, то в реке в этот год утонет много детей²³⁵.

Иилия праздновался обычно четыре дня. Но в сойкинских деревнях у него было свое продолжение, носившее название *куккоиилия* («петушиный Илья»). Ночью на пятый и шестой день праздника мужское население бродило по деревне, выискивая петухов в тех домах, где хозяев не следовало опасаться. Если петуха находили, его тут же убивали и уносили с собой. Конечно, можно было петуха и купить, также как и другие угощения, но в этом уже не было куража! Затем всю добычу собирали в доме какого-нибудь холостого парня, и приглашенная женщина готовила еду, а потом уходила. И тут уж начинался праздник только для мужиков, где место было и выпивке, и рассказам об «охоте» за петухами, и прочим мужским «правдивым» историям!

Иилия был главным праздником в сойкинских деревнях Оуссимяги (Евсеева Гора), Венаконтса (Пахомовка), Таринайси (Андреевщина), Сяятиня (Слободка), Саарове (Югантово), Коскина (Кошкино), Таммиконду (Дубки), Отсаве (Сменково), Ильесса (Новое Гарколово), Харккола (Ст.Гарколово). Его праздновали и в Пярспяя (Липово) на Кургальском полуострове, и в нижнелужской деревне Котко (Орлы).

Лаари (день Св. Флора и Лавра) — 31 августа (18 августа по ст. стилю).

Почитался у ижор и «конский праздник» в день святых Флора и Лавра. Рано утром парни и девушки гнали своих лошадей в табун, и каждый спрашивал у конюха разрешения сжать сноп овса. Этот первый сжатый сноп несли в дом и ставили в святой угол, где он и стоял полдня. На Сойкинском полуострове хозяйка сама утром шла в поле, сжинала два первых в этом году снопа овса и ставила их на скамейку под икону. Вообще первая половина этого дня считалась обычной, рабочей. Зато вторая половина была праздником, не только для людей, но и для лошадей — их в этот день к назначенному времени приводили к церковной ограде и долго ждали, когда придет священник, который окроплял их святой водой и

благословлял. Днем из ржаной муки выпекался особый небольшой хлеб *сатула* («седло») с рисунком креста и со вставленным в середину яйцом. Лошадь гладили им по спине, чтобы она была гладкой и круглой, как яйцо. Затем сжатые снопы и сам хлеб давали лошади, а яйцо съедал тот, кто ухаживал за ней. Лошадей в день *Лаари* на работе не использовали, давали им отдохнуть.

В Йоепперя (Краколье) в этот день проводили ярмарку, варили общедеревенское пиво и устраивали танцы для всех гостей²³⁶.

Виизенья (Воздвижение Креста Господня) — 27 сентября (14 сентября по ст. стилю).

Этот день посреди такого напряженного времени, как копка картофеля, не был настоящим праздником. В *Виизенья* лошадей с табунного выпаса забирали по домам, в конюшни. Коров и овец ставили в сараи позднее, через две недели, в праздник Покров. Были и строгие запреты в этот день — нельзя было ни в коем случае ходить в лес — это был «змеиный день». Считалось, что змеи, перед тем как уйти под землю на всю зиму, последний день в году «веселились» — десятками собирались на сухих пригорках и влажных низинах. А если уж нужда и гнала кого в лес, то нужно было перед выходом из дома вспомнить заговор от змеиного укуса:

Kuymäläin, käämäläin,
Musta mato Maanallain,
Kilva kulon allain
Halki mättähän männijä,
Luulit puuta purraksees,
Ja räijua pannessaas,
Koivua kokataksees...
Panit siivotan sisest,
Panit ihmisen sisest.
Tuu mettä kiirees pääl,
Alla vaskisen navvaas...²³⁷

Кюмяляйнен, кямляйнен,
Черный червь Маналы,
В сухой траве поблескивающий,
Через кочку идущий,
Думал ты укусить дерево,
Иву ужалить,
Березу тюкнуть,
Ужалил ты скотину,
Ужалил человека.
Принеси скорее меду (на рану),
Под бронзовым своим пупом...

Настосья (день Св. Анастасии) — 11 ноября (29 октября по ст. стилю).

Это был женский праздник — ведь св. Анастасия считалась покровительницей овец, а именно хозяйкам приходилось о них заботиться. К этому дню варили пиво, а в домах побогаче резали специально выращенную к этому дню овцу. Для овец пекли особое печенье с изображением креста, но уже без яйца (как для лошадей в день *Лаари*).

На этот праздник собирались только местные деревенские замужние женщины. Заранее варили общинное пиво, покупали вскладчину вино. Если к этому дню уже весь лен был обработан, а картофель выкопан, то праздновали два дня. Женщины пили, ели, пели, танцевали. Одни из них надевали мужские одежды, другие делали себе косы из очесов льна, третьи надевали на голову лукошки. В перерывах забегали домой подоить корову и сделать срочные дела, но тут же возвращались назад.

Но если уж кто на Сойкинском полуострове или на нижней Луге мечтал о хорошем овечьем приплоде или о самой густой в деревне овечьей шерсти, те ехали в водскую деревню Пихлаала (Пиллово) или ижорскую деревню Пярспя (Липово). Там они несли к деревенской часовне св. Анастасии шерсть, овечьи головы и ножки и клали их на землю. В праздник *Настосья* в часовню приезжал служить службу священник, он и благословлял овечью шерсть — только тогда с овцами все могло быть хорошо. Затем часть приношений забирал священник, а большую часть отдавали нищим. «Что отдашь нищему — то отдашь своему умершему родственнику», — говорили старики. После службы устраивали складчину. В Пярспя (Липово) на Кургальском полуострове *Настосья* была общедеревеским праздником, и справляли его, как положено — четыре дня.

Мииккула (день Св. Николая) — 19 ноября (6 ноября по ст. стилю).

Этот праздник праздновали четыре дня. Но самым главным был вечер накануне. После наступления темноты деревенские парни и девушки большой группой ходили по деревне от дома к дому. Войдя в дом, девушки начинали петь и танцевать, затем хозяин приглашал их за стол с домашними угощениями — завареным толокном, пирогами, пивом, водкой и, обязательно, мясным супом. В нижнелужских деревнях непременно на этот праздник готовили пироги с сыртью и налимью уху. Был особый порядок усаживания за стол: если у хозяев была взрослая дочь — то первыми за стол проходили девушки, а если — сын, то первыми вышагивали парни. Перед уходом пелась благодарственная песня. Но если молодежь в дом не пускали, то под окном начинали петь особую «ругательную» песню и желали хозяевам «тяжелого» счастья. Остальные дни праздника молодежь танцевала и пела, раньше — под перезвон каннеля, позднее — под гармонь. Для таких посиделок за небольшую плату снимали дом, чаще всего у какой-нибудь одинокой старушки.

Во многих деревнях к *Мииккула* забивали скот. Многие заранее покупали «часть» еще живой свиньи или овцы, тогда одно животное резали сразу для мииккульской еды нескольких домов. Возможно, это следы древнего общего жертвоприношения.

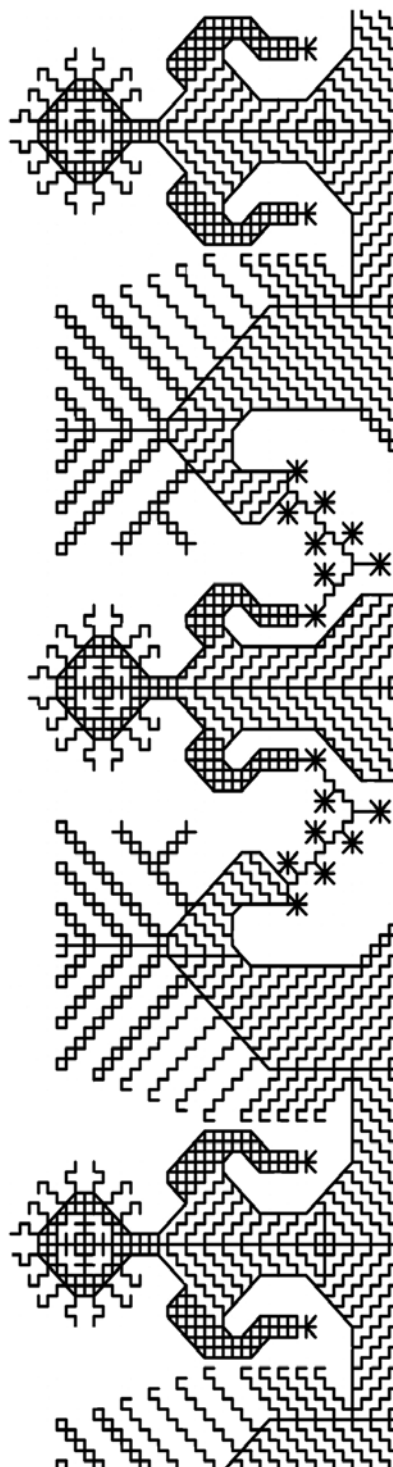
***

Нам удалось лишь прикоснуться к праздничной традиционной ижорской жизни. Многие останутся в ней непонятым. Долго еще мы будем гадать о забытом значении таинственных обрядов, о причинах странного переплетения давно ушедших верований и христианских канонов. Еще не раз будем вкладывать свой современный смысл в поступки людей прошлого, пытаюсь осознать глубинную суть их радости и праздничных надежд. Но останется главное чувство — чувство гордости за народ, у которого память о праздниках сильнее памяти о бедах.

На ижорском празднике в Виистина (пос. Вистино). Фотография О.Коньковой. 2007 г.

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

Особенно интересны были семейные обряды ижор. Любопытно, что упомянутые грамоты архиепископов дают возможность предположить существование у ижоры еще в XVI в. пережитков ранних форм брака, когда наряду с первой («предней») женой муж мог иметь других жен, а женщины тоже могли жить «с иными людьми законопреступно». Такие брачные формы вскоре были изжиты.

Обращаясь к ижорским свадебным обрядам, мы попробуем кратко описать их, опираясь на детальные описания Ф. Туманского²³⁸, подкрепляя их более поздними сведениями и учитывая при этом, что с конца XIX в. в ижорской свадьбе стало заметно сказываться русское влияние.

У ижор выбор невесты осуществлялся лишь по желанию жениха. Традиционный ижорский свадебный обряд начинался трехэтапным сватовством, которое порой называлось *тупакат* (от слова «табак»). Сначала родители выбирали свата *кессилук*, который отправлялся в дом невесты и объявлял причину своего приезда и, не дожидаясь ответа, уезжал, чтобы приехать снова через неделю. Затем, в случае согласия девушки, сват (уже называемый *киглама*), дарил ей от жениха 20 копеек, а невеста ему — платок. После курения табака и распития вина договаривались о дне обручения.

Обычно через неделю, сват с женихом и дружкой приезжали к невесте.

Жених вручал ей деньги и обручальное кольцо, а невеста дарила ему вышитый платок. Мать невесты, в свою очередь, приказывала ко дню свадьбы прислать головной белый платок, пояс с оловянными бляшками, нож с ножнами и несколько пар кожаных башмаков. Часто на обручение приглашались многочисленные гости, все пили пиво и курили табак. Не случайно ижоры говорили: «Если дым появился над домом — значит или пожар, или курят на обручении!». Часто при этом деревенские парни и девушки били в печные заслонки, устраивали невероятный шум на улице, громко крича, что такая-то девушка выходит замуж. В это время в доме обязательно пели песни, печальные — невесте, в ожидании скорого расставания, недобрые — сватам:

Kosolaine, keelikoir,
Pitkä keeli, pettelikkoi,
Pettelit miun sissoine,
Manittelit meiltä marjoin.
Yks oli ainoi puu kylässä,
Yks oli oksalla ommeena...²³⁹

Сватушка, языкастый пес,
Язык длинный, ты обманщик.
Обманул мою сестру,
Сманил у нас ягодку.
Одно было дерево в деревне,
Одно яблоко на ветке...

Перед свадьбой жених и невеста обязательно мылись в банях. И здесь уже звучали свадебные причитания:

A miksipä levitittä miun lepehet,
leinäkkään,
I miksipä harotitta miun hapeneen,
hekoinhalukkaan?
I onha miul kaks kättä, kytööväl itsi,
I viis sormia, sorttunehelle itsi...²⁴⁰

И зачем же распустили пряди моих
волос у меня, кручинной,
И зачем же распушили мои кудри,
мне, слабой, маятной?
И есть же у меня самой две руки,
у тлеющей самой,
И есть пять пальцев, у надломленной
самой...

К свадьбе и в доме жениха, и в доме невесты пекли свадебные караваи *купели*, украшенные круглыми оттисками — потом такими хлебами благословляли молодых (см. цветную иллюстрацию XXVI).

В каждом доме (и у жениха, и у невесты) варили ржаное или ячменное пиво, пекли пироги и устраивали предсвадебные вечеринки.

Когда невеста ехала в церковь, лицо ей закрывали большим покрывалом *сууркорвилуз*, чтобы уберечь от злых духов. Это белое льняное покрывало по

Благословление молодых иконой и свадебным хлебом.
Д.Савимяги (Глинки). Сойкинские ижоры. Фотография Д. Золотарева. 1926 г.
Российский этнографический музей

всем краям было вышито магическими узорами и изображениями женщин, сидящих на лошадях. Перед венчанием его снимали и расстилали на полу в церкви, а потом опять надевали на невесту до приезда в дом жениха. По некоторым сведениям, такое покрывало отдавали священнику²⁴¹.

Старинная ижорская свадьба, как и у многих народов Восточной Европы, была двухходовой — после венчания невеста возвращалась к своему отцу, а жених — в свой дом, где каждый со своими родственниками, дарящими подарки, праздновал свадьбу по отдельности. Но к концу XIX в. порядок изменился: молодые после венчания сразу ехали в дом жениха, где устраивали общий пир, то есть свадьба стала одноходовой.

На следующий день жених с родичами ехал за невестой. Оттуда после угощения, пения «отъезжей» песни и благодарения матери за хорошее воспитание до-

Ижорка у колыбели. Фотография Д. Золотарева. 1926 г.
Российский этнографический музей

чери все ехали в дом жениха. На пороге свекровь встречала молодых со свадебным хлебом *купели* и иконой или с кружкой пива, из которой все по очереди отпивали. Затем садились за свадебный стол. Правда, есть данные о том, что раньше ижорская невеста за стол не садилась, а стояла и кланялась на обе стороны, приглашая гостей есть и пить. Вечером молодых под пение песен отводили в хлев, где они должны были спать «всю зиму». Наутро их поднимали с песнями, вели в избу, где молодая одаривала новых родственников подарками *лахъят* (рубашками, кофтами, поясами, платками и т.д.), а те давали ей деньги. Гости благодарили хозяев:

Kaik on saatu lankoillamme,
Kaik on saatu, kail on tootu.
Saatu on sarvipäät jänikset,
tootu on tedret lehtikorvat...²⁴²

У сватов было всего добыто,
Всего добыто, всего нанесено.
Добыты зайцы с рогами,
Принесены тетерки с ушами...

Фольклорное сопровождение ижорской свадьбы было очень разнообразным, не случайно финские фольклористы назвали ее «трехдневной оперой». Песни и причитания сопровождали все этапы свадебного обряда от сватовства до проводов последних свадебных гостей: пела невеста, ее близкие, родственники жениха и гости, пели весело и печально, сопереживая и радуясь.

Данных о каких-либо особых обрядах, связанных с рождением ребенка, не сохранилось. Так же как у води, финнов и многих других народов, роды проходили в бане. Помогала при этом чаще всего свекровь, но в сложных случаях звали более опытную женщину-знахарку. Роженицу приходили поздравлять замужние женщины, приносившие с собой угощение и деньги.

КУЛЬТ МЕРТВЫХ

Почитание умерших принято считать одной из главнейших черт древней финской народной религии. У ижор (как и у других прибалтийско-финских народов) почти все стороны жизни и связанная с ними обрядность тем или иным образом соприкасаются с культом мертвых. Сопоставление различных источников позволяет нам не только воссоздать в общих чертах картину посмертного существования человека по верованиям ижор, но и предположить пути формирования в них самой идеи «царства мертвых», а также — причины, повлекшие изменения этой идеи²⁴³.

«ЦАРСТВО МЕРТВЫХ». СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Древняя картина царства мертвых представлена в эпических песнях калевальской метрики, записанных как у ижор, так и у карел и восточных финнов. По «фольклорным» представлениям этих народов, страна умерших под названиями Манала или Туонела находится далеко на северном краю земли. Там, на дне крутого обрыва, протекает река Туони, отделяющая мир покойников от мира живых, — река бурлящая, порожистая, иногда огненная, полная острых ранящих предметов. Порой мир мертвых представлялся и как остров — Маналан Саари («остров Маналы»). В этом царстве мрака и холода, в этой «стране без

солнца» ничто не растет. Умершие живут там в каких-то огромных жилищах. Из этой страны нет возврата.

Видимо, именно это древнее представление об отдаленности мира мертвых отразилось в типе и характере погребальных памятников населения Северо-Запада России I тыс. н. э. Обнаруженных памятников крайне мало, что связано, в первую очередь, с трудностями их выявления, а сами погребения, совершенные по обряду сожжения, невыразительны. Но именно их малочисленность и скудность говорят о нефундаментальности погребального обряда, для которого могильники имели «транзитный» характер, т. е. играли роль остановки для умершего на пути его перемещения из мира живых в мир мертвых. Сожжение умершего, разрушенные или деформированные в погребальном костре украшения и вещи свидетельствуют, что существование умершего продолжится не здесь, а там, куда устремляется дым вместе с исчезающим телом и сопровождающими его предметами.

Таким образом, перед нами предстает опосредованная через захоронение связь двух миров:

МИР ЖИВЫХ → ПОГРЕБЕНИЕ → МИР МЕРТВЫХ

Лишь с XII-XIII вв. новый тип погребений у карел и води отчетливо свидетельствует об археологическом проявлении нового мировоззрения (концепции могилы): умерших помещают в грунтовые ямы, часто огороженные валунами или отдельными камнями. Доминирует западная ориентировка погребенных, но встречается и восточная. Важной особенностью погребений является намеренная порча орудий труда — серпов, кос-горбуш, ножей, сопел от сыродутных горнов, положенных на могилы или рядом с ними. Богатый женский погребальный убор, встречаемый в несколько измененном виде и в поздних погребениях XVI-XVIII вв., говорит о «праздничной» символике смерти.

Итак, археологические памятники свидетельствуют, что к XII-XIII вв. погребения карел и води утрачивают «транзитную» семантику: покойника уже не сжигают, не лишают его телесной оболочки, снабжают нарядной одеждой, пищей, орудиями труда и оружием. Могила становится местом его загробного существования, и потусторонний мир идентифицируется с кладбищем.

Это новое представление о местонахождении мира мертвых мы находим в похоронных причитаниях, поверьях и заклинаниях карел, води и ижор, записанных в XIX-XX вв. Следует обратить внимание на перемещение Туонелы: она находится теперь не в отдаленной северной стороне, а здесь, рядом, на кладбище: «Там, на кладбище, в земле, и есть Туонела». Могила становится домом мертве-

ца: «...Мертвому хоромы строю, двор покойному рублю, домовину для усопшей...» (ижорская песня, запись 1880-х годов)²⁴⁴.

Само кладбище становится обиталищем «народа калмы» (т. е. «народа смерти»), оно предстает как «двойник» реальной деревни, как «деревня мертвых». Многие исследователи отмечали, на их взгляд, странный обычай устраивать кладбище при каждой, даже небольшой деревне. Подобные родовые кладбища у ижор можно было встретить вплоть до XVIII века. Родовой группе умерших приписывалась тесная связь с живыми родственниками и особая власть над ними.

Что же послужило толчком к изменению понятия могилы и кладбища? Важно помнить, что к началу II тыс. н.э. многие племена северной зоны переходят к пашенному земледелию. Перемены в технике земледелия, способствовавшие более стабильному образу жизни, изменили демографическую ситуацию и привели к увеличению сельского населения. Связь с определенным земельным участком становится условием существования: в деревне проходит жизнь человека, наступает его смерть и продолжается «жизнь» после смерти. Родовое кладбище становится частью деревни, своего рода «деревней мертвых». Таким образом, новую непосредственную связь реального и потустороннего миров можно представить теперь в таком варианте:

ДЕРЕВНЯ ЖИВЫХ — ДЕРЕВНЯ МЕРТВЫХ (мир живых) — (мир мертвых)

В отличие от кладбищ других народов Северо-Запада, средневековые ижорские могильники представляют нам совсем другой тип и динамику религии. Самые ранние памятники, выявленные в западном ареале расселения ижоры, говорят о переходе от обряда сожжения умершего к положению его в могилу несожженным. Такое изменение в обряде происходит в это время у многих местных племен, что, несомненно, связано с новыми представлениями, широко распространившимися на Северо-Западе и в Фенноскандии. Однако новой, «оседлой» концепции могилы-дома у ижор не наблюдается: погребения сохраняют свой транзитный характер. Так, в отличие от карел и води, ижорские погребения XII-XV вв. совершены в очень неглубоких ямах и не имеют никаких деревянных конструкций; лишь в некоторых погребениях XV в. покойник лежит на деревянных плахах, прикрытый сверху берестой. С XIV в. захоронения иногда отмечаются на поверхности отдельными камнями, цепочками камней, а позднее — и каменными нерегулярными обкладками. Плотные обкладки из камней начинают кое-где встречаться лишь с XVI в. В более ранних погребениях, совершенных практически под дерном, ориентировка погребенных часто приближена к северной. Крайне невыразительный погребальный

инвентарь (железные ножи и пряжки) затрудняет точную датировку, но о древности погребений говорит тот факт, что все они перекрыты и частично разрушены могильными ямами с захоронениями XIV-XV вв. В XIV веке в женских погребениях появляются единичные бронзовые украшения, а в XV в. — комплексы бронзовых украшений в женских и предметы вооружения в мужских захоронениях.

Лишь в XVII в. под влиянием христианства могилы ижоры становятся более глубокими, захоронения производятся в деревянных колодах и гробовищах, а в могилу кладут, как правило, нож, нательный крест, монеты. И это притом, что праздничная ижорская одежда по письменным источникам XVIII в. имела очень древние черты и обладала большим количеством археологически сохраняемых элементов! Причина подобной погребальной «бедности» кроется, без сомнения, в отсутствии у средневековой ижоры обычая погребения в праздничной одежде.

Чем вызвано сохранение промежуточного («неоседлого») характера погребений у ижоры, столь долгое на фоне общих перемен статуса могилы у прочих племен Северо-Запада? В поисках ответа вспомним, что новое понимание могилы и кладбища явилось своеобразным отражением нового образа жизни, связанного с закреплением нового типа хозяйственной деятельности. Мы не имеем еще данных о становлении и развитии пашенного земледелия на Северо-Западе до конца XV в. В настоящее время начато изучение начальной истории земледелия только на ограниченной территории Карельского перешейка. Но очевидно, что для пашенного земледелия пригодны особые, плодородные земли. Для основной части ижорской территории характерны малоплодородные. Значительная часть их осваивается лишь к позднему средневековью, а некоторые не используются и до сих пор. Поэтому ижоры обращаются к земледелию позже своих соседей — славян, води и карел. И именно такое запаздывание хозяйственного развития отражается в археологически отраженном позднем переходе к новому осмыслению связи двух миров, выражаемой противопоставлением «деревня живых» — «деревня мертвых».

Важно заметить, что переход к новой концепции могилы происходил не вследствие влияния христианства: культуры XII-XIII вв. местного финно-угорского населения были, несомненно, языческими. И этот переход был довольно длительным.

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ. УХОД ДУХА

Если скудость археологических памятников не позволяет представить дальнейшее существование умершего в древней дальней Туонеле, то о жизни после смерти в «ближней» Туонеле мы, на основе этнографических данных, можем

говорить более определенно. Нашей целью здесь является не описание погребальной обрядности (т. е. не взгляд на смерть извне), но воссоздание некоторых особенностей продолжения жизни покойника (т. е. как бы взгляд на загробную жизнь изнутри). Это предполагает описание посмертной жизни в виде ответов на обычные вопросы: как и куда уходит душа, как должен быть одет умерший, что он ест на том свете, чем он занимается, как общается с живыми и т.д.

Умиравшего старались не оставлять одного не только потому, что важно было присутствовать при «великой минутке». Необходимо было успеть попросить прощения у умирающего (хотя это можно было сделать и у покойника). В противном случае, это могло вызвать последующие «хождения» умершего. Для облегчения отделения духа от тела существовали различные способы: от развязывания узлов, расстегивания пуговиц на одежде и распускания кос у умирающей — до открывания окон, печных выюшек и дверей, чтобы душе легче было выйти из тела и из дома. Ижоры, как и многие народы, считали, что легче умирать на полу, для чего устраивалась специальная постель из соломы. В магии и обрядах солома занимает значительное место, и, возможно, в данном случае соломенное ложе выступает оберегом для живых. Ведь считалось, что в момент отлета души из тела умирающего солома вбирает в себя *калму* — дух смерти, и поэтому такую солому потом непременно сжигали²⁴⁵. Для защиты от злых сил, способных завладеть умирающим, смертное ложе помещали в священном большом углу, где православные ижоры держали иконы.

Но смерти ждали не только живые. Рассказывали, что порой умирающие видели своих покойных родственников и даже называли их по именам. Приход предков облегчал смерть, но за некоторыми умершими могли приходиться и «другие». Так, еще в начале XX в. у ижор ходили рассказы о том, что в момент смерти в доме появляются невидимые «движущиеся». Иногда они хлопали три раза дверью, и человек сразу умирал. Порой они шушукались и блеяли по ночам, беспокоя умирающего. Знающие люди говорили, что эти невидимые существа просят работы и чтобы их занять, нужно сыпать на пол пепел и золу из печки, которые они собирают. Полагали, что такое происходит в случае смерти колдуна или колдуньи, и лишь когда кто-либо возьмет «знание» у умирающего, тогда «движущиеся» вместо золы заберут душу колдуна²⁴⁶.

Когда душа отлетала, стремились облегчить ее дорогу: снимали с умирающего одеяло, «чтобы душа не спряталась под него», открывали печную выюшку или окно (главные пути для покойников), изредка — дверь. Перед вылетом из избы душа «омывалась», для этого на подоконник, стол (а иногда на подоконник и пол одновременно) ставили посуду с водой. Когда отлетавшая душа

касалась ее, вода в чашке колыхалась. Умершего клали на лавку в красный угол, а окно со стороны солнца занавешивали — уже не солнце должно было светить умершему. Под лавку ставили черный горшок, чтобы тело не почернело и лицо не изменилось²⁴⁷.

Куда отходила душа после отделения от тела и омовения? Ответы различны. Душа в течение шести недель после смерти находится в доме, где жил умерший. Излюбленное место души в это время — под столом, поэтому нельзя, сидя за столом, протягивать ноги, чтобы не ударить душу. Иногда полагали, что после отделения от тела душа садится на печной столб и следит, как обмывают и обряжают покойника. Она все видит и все слышит, поэтому о покойнике нельзя говорить ничего плохого. Трое суток сидит душа и ждет приговора, куда ей следует отправиться.

По верованиям, душа наиболее активна в промежуток между смертью и погребением, но при этом она и беззащитна: ижоры, к примеру, полагали, что в это время она может быть украдена «плохим человеком», и поэтому старались не оставлять мертвеца одного.

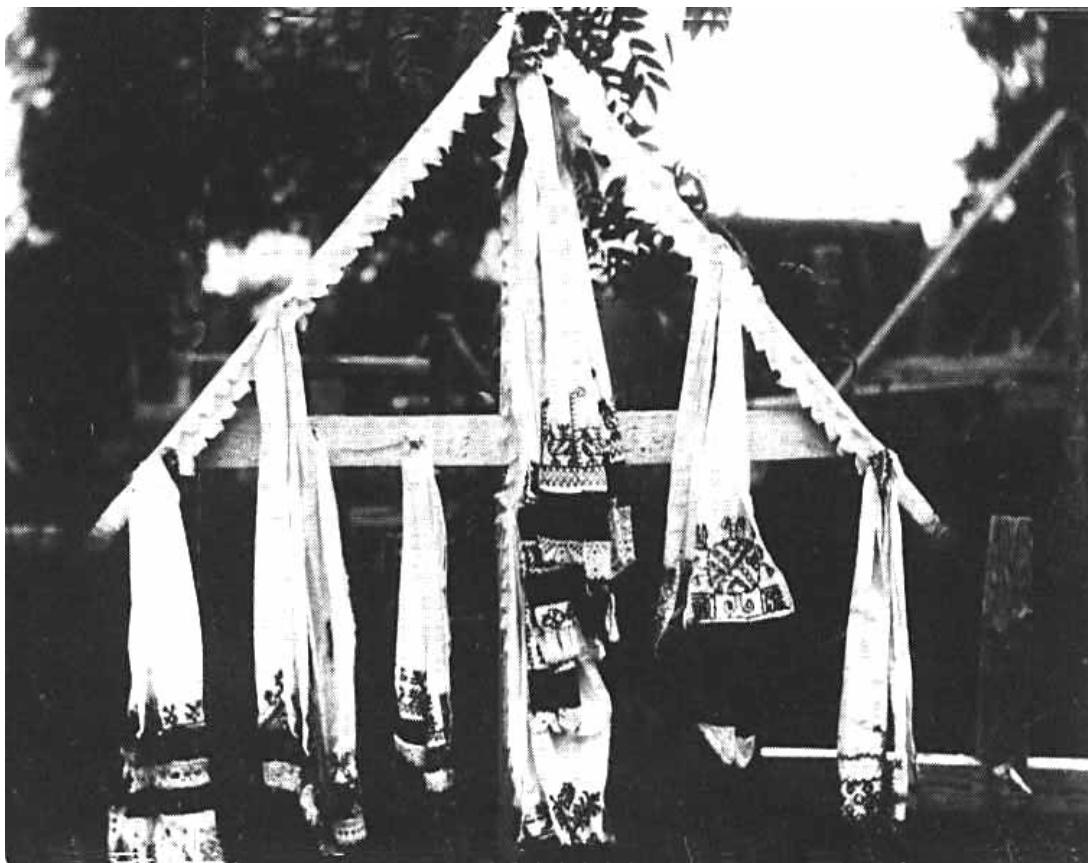
«ГОРЕВАНИЯ»

В ижорском языке есть особый глагол *лейнада* (горевать), определяющий правила поведения в семье после смерти близких. Женское время «горевания» длилось обычно 6 недель. Его внешними признаками служили, прежде всего, одежды и плачи. В северно-ижорских деревнях по смерти мужа жена должна была носить особый головной убор — «скорбную» сороку, вышитую черными и темно-синими шерстяными нитями. По берегам реки Хэваа (Коваши) вдовы закрепляли на старинном головном уборе *куккели* черную шелковую ленту *лейна*. Ижорки западно-ижорских деревень повязывали черный или темно-синий платок (напомним, что синий цвет у многих народов севера Европы был связан с миром мертвых). И в это время женщины не носили передник. Дочерним знаком «горевания» была распущенная коса (она так и называлась — *лейнехююскасса* — «горевальная коса»), когда волосы были растрепаны и перевязаны лишь у головы. Ношение одежды красного цвета, или даже хоть какой-либо детали было строго запрещено. Овдовевшие женщины и девушки-сироты ходили на кладбище «читать» — исполнять причитания (о них будет говориться в главе об ижорском фольклоре). Мужчины на кладбища не ходили и не причитывали, но им тоже нельзя было использовать в одежде красный цвет и украшать обувь. По маленьким детям так не «горевали»²⁴⁸.

ОДЕЖДА ПОКОЙНИКОВ

Порой считалось, что смертная одежда должна быть новой. Но иногда признавалась лучшей одеждой для покойника та, которую он при жизни надевал, посещая церковь. Погребальная одежда всегда была старинного типа — одежда умершего должна соответствовать костюму ранее умерших родственников, с которыми он соединяется.

Голову умершего обязательно покрывали. Мужчину, вне зависимости от времени года, старались похоронить в шапке. Когда человек погибал в море, и тело его нельзя было найти, сооружали кенотаф (т.е. пустую могилу), где заместителем покойного служила его шапка. Именно шапку благословлял священник, и на такую могилу в поминальные дни приносили угощение для покойного²⁴⁹.

Крест на могиле молодой девушки на кладбище в дер. Косемкина (Б. Куземкино).
Фотография В. Алава. 1892 г. Музейное Ведомство Финляндии

Особым был погребальный костюм девушки, умершей в брачном возрасте. Стремление дать ей лучшие возможности для вступления в брак в «царстве мертвых» приводило к похоронам в ярких, даже свадебных одеждах.

Меняли ли умершие одежду в загробной жизни? Несомненно. Есть разнообразные свидетельства того, что родственники должны продолжать одевать умерших.

Если покойнику не дать смены одежды тем или иным способом, он может прибиться кому-либо, жалуясь на холод. Увидевший подобный сон должен сообщить об этом ближайшим родственникам, чтобы они позаботились об умершем. Через нищих, бедных и родственников одежда «передавалась» мертвым и в поминальные дни. У ижор (как и у многих прибалтийско-финских народов) был широко распространен обычай повязывать на могильных крестах, столбах и особых деревьях «ветряные платки» (куски ткани) или полотенца²⁵⁰. Зачастую это делалось при каждом посещении могилы. Порой говорили, что это — «утиральники покойников». Встречается мнение, что первоначально «ветряной платок» рассматривался как пристанище для духов умерших, где они могли отдыхать. Однако, учитывая, что у некоторых народов (у води, сету, карел) вместо полотенца могли использовать ткань, пряжу, тесьму, полосы кожи, можно предположить, что все виды текстиля являются «заместителями» одежды для покойника. При посещении могилы умершему давалась часть еды, также ему могли давать часть одежды.

Со смертью ближайших родственников умершего его «одевание» прекращалось, но продолжалось «кормление».

ЕДА ПОКОЙНИКОВ

Одной из важнейших составных частей культа мертвых у прибалтийско-финских народов было «кормление» покойников. Согласно поверьям, в течение шести недель со дня смерти умерший не принадлежал окончательно царству мертвых, и кормить его должны были родственники.

У ижор существовало три способа «кормления» покойников во время похорон. Так, иногда провожающие брали с собой на кладбище еду, и у раскрытой могилы все это раздавалось нищим и бедным родственникам, которые уносили пищу домой и ели ее там, поминая покойника и желая ему такой же еды на том свете.

Другим способом «кормления» являлся обычай устраивать поминальное угощение прямо на свежей могиле, оставляя часть его покойнику.

Практиковалось также и положение еды покойнику в гроб. В курганах конца XII-XIV вв. на Ижорском плато часто встречаются горшки с остатками пищи в виде шелухи зерен и обрубков костей; горшки чаще всего стоят в ногах погребенных, иногда — в стороне или близ каменного изголовья²⁵¹. Единичные целые горшки и миски и многочисленные их фрагменты с вероятными остатками пищи в виде зольных налетов с внутренней стороны найдены мною и в средневековых грунтовых могилах ижоры.

Эта традиция сохранилась и до XX в. Так, иногда в гроб клали пироги, хлеб, мясо, порой — бутылку вина в изголовье²⁵².

Покойника «кормили» и после возвращения с кладбища: считалось, что его душа присутствует в доме, и ей в верхнем конце поминального стола, ближе к «красному» углу дома, ставили тарелку и ложку. Были распространены и поминальные жертвоприношения животных в честь умершего.

Основным способом последующего «кормления» покойников были поминки, интенсивность проведения которых по мере удаления от дня похорон постепенно уменьшалась.

Существовали довольно разнообразные обычаи поминальных трапез. Для ижор важны были воскресные поминки, поминки после девятой ночи и, особенно, устраиваемые на шестое воскресенье после смерти покойника. Другими «персональными» поминками у ижор были годовщины, которые у более богатых праздновались до трех раз. На могилу при этом носили пироги, куриное яйцо, гороховую кутью с сытой и вино. Вся еда должна была быть целой и нетронутой, а яйцо обязательно требовалось разбить на могиле. Рассказывали о случае, когда у женщины, принесшей яйцо целым с кладбища домой, сразу и навсегда окривел рот. Принесенная на могилу еда делилась на 3 части: одна съедалась приносившей женщиной, другая отдавалась случайному знакомому, третья оставлялась покойнику. Иногда делали отверстие в могиле и туда лили вино, а еду заталкивали ложкой в щели креста или закапывали в землю у его основания²⁵³. Обычай закапывания еды для покойников непосредственно в могилу наблюдал еще в XVIII в. И.-Г. Георги: «Когда священник предаст умершего погребению, то они (ижоры. — *О.К.*), пришед ночью на могилу, зарывают в оную пищу, и сие делают они не раз, но часто. Могилы их так плоски, что собаки легко вырывают оттуда положенное съестное, а они думают, что мертвецы оно прибрали»²⁵⁴.

Самыми главными у ижор были шестинедельные поминки, когда, по поверьям, покойник навсегда уходил в Туонелу (хотя время от времени и уходил оттуда). На подобные поминки приглашали всю родню, а порой и всю деревню. Утром ближайшие родственники (чаще — одна женщина) отправлялись «будить»

покойника на кладбище и звать его на поминки. На такие поминки покойник мог привести с собой всех умерших родственников, которых он «угощал» в качестве хозяина торжества. Ижоры, чтобы предупредить нашествие покойников, клали на поминальный стол в доме одну ложку — только для своего рода (считалось, что если бы ложек, особенно новых, было много, тогда пришло бы очень много покойников).

У сойкинских ижор еда для покойников — соль, горох и яйца — рассыпалась кусочками по столу, чтобы покойникам было удобнее есть. Причем вся еда разламывалась руками, лишь яйцо резали ножом, который затем сразу убирали со стола, так как скрежет ножа слышен в Туонеле. От каждого выпечного изделия сначала отщипывали маленький кусочек и клали его на божницу, где эти крошки могли находиться довольно долго — ведь «красный» угол у ижор считался местом общения с предками.

У ижор на поминках непременно должна была быть еда, «не имеющая начала», иначе, считалось, покойники обидятся. Имел хождение «разговор» двух покойников после поминок, где употреблялись описательные названия обязательной еды для умерших:

«1-й покойник: Было ли у вас рассыпчатое (толокно)?

2-й: Было.

1-й: Было ли у вас горстью берущееся (горох)?

2-й: Было.

1-й: Было ли у вас катящееся (яйцо)?

2-й: Было.

1-й: Но значит, у вас хорошо было. У меня не было ни того, ни другого. (И он удаляется в плохом настроении.)»²⁵⁵.

Существовали и «случайные» угощения покойников. Так, у ижор в свадебный «вечер обувания», в какой-то мере соответствующий русскому девичнику, невеста лила пиво через приоткрытое окно на улицу и звала умерших на «печальный ужин». Если невеста была сиротой, то покойных родителей она звала особенно²⁵⁶. Кроме того, невеста несла свадебное пиво и на кладбище.

Когда в доме происходили несчастья, особенно болезни человека или падеж скота, лучшим средством считалось пойти на кладбище и «покормить» того покойника, который считался «насылателем» болезни или беды. Причиной мести умершего могло быть слишком скудное угощение во время «больших» поминок или его забвение. Тогда, например, у ижор следовало поменять порядок «кормления»: первую порцию вина давали покойнику, а первую порцию еды помещали на верх креста «для птиц» (возможно, ижоры полагали допустимым превращение душ умерших людей в птиц). Следующую часть — по меньшей мере,

половину — давали любому встречному, хоть пашущему на соседнем поле человеку, и лишь остатки доедал «кормивший»²⁵⁷.

Общие для всех покойников календарные поминовения и «кормления» происходили в Радоницу, Троицкую субботу, осеннюю поминальную субботу и Крещение (Богоявление). Особенно важной была осенняя поминальная суббота, которую Православная Церковь приурочила к Дмитриевской, празднуемой в конце октября, перед днем памяти святого великомученика Дмитрия Солунского (26/X по ст. ст.). Ижоры говорили, что в поминальную субботу «весь мир на смертях». В честь покойников в домах резали обещанных им животных, ставили пиво и т. д. По таким дням еду мертвым на кладбище относил, как и обычно, одна женщина, остальная родня ждала покойников дома.

Но «кормить» покойников могли не только их живые сородичи, хотя «жалобы» покойников на голод, обращенные к ним, говорят о важности для них именно земной пищи родственников. Вероятно, какую-то часть еды мертвые получали из мира живых без участия людей. Очень любопытно распространенное в Ингерманландии поверье, что в Туонеле дают землянику всем умершим детям, кроме тех, чьи матери попробовали ее до дня поста Марии (Успение — 15/VIII по старому стилю). Также не следовало есть первую землянику, выросшую на камнях — она тоже предназначалась для покойников в Туонеле²⁵⁸.

Похоже, мертвые могли «кормить» себя и сами. Об этом свидетельствуют археологические находки из курганов Ижорского плато и некоторых грунтовых ижорских могил. Наличие земледельческих орудий труда (серпов, кос, рабочих топоров) в погребениях предполагает продолжение аграрной деятельности и за пределами мира живых. В XIX-XX вв. земледельческие орудия труда уже не клали в погребения. Хотя вплоть до последнего времени могли положить в гроб рыболовные сети и нож.

ФОЛЬКЛОР

Многие десятки тысяч ижорских песен удалось собрать за 200 лет. Кажется удивительным, что народ, чья численность в конце XIX в. едва достигла 20 тысяч человек, создал такое невероятное количество песен. При этом архаичность их мелодий и необычность древнего языка способны заворочить любого. Но чтобы понять и оценить истинную красоту ижорских песен нужно внимательно взглядеться в них, и лишь тогда можно понять, что именно песни способны донести до нас заповедный, древний, почти исчезнувший мир. Мы будем долго еще спорить об исторических событиях и войнах, о хозяйственных занятиях и обрядах, будем выискивать в архивах новые даты, цифры, имена. Мы многое не узнаем никогда. Но только фольклор дает нам возможность понять главное — душу, мысли, надежды и разочарования народа. Понять чувства людей, живших, возможно, тысячи лет назад.

СОБИРАТЕЛИ

В наши дни богатейшее, поражающее красотой песенное творчество ижор доступно всем заинтересованным людям. И трудно представить себе, что до середины XIX в. никто не мог и предполагать, что близ столицы Российской империи еще исполняются древние эпические песни.

В то время Финляндия уже была поражена «открытием» собственного

древнего эпоса в глухих финских и карельских деревнях. Уже был издан первый вариант всемирно известной «Калевалы» Элиаса Леннрота и им же созданный обширный сборник лирических песен «Кантелетар». Вся Европа уже зачарованно читала «финские руны», переведенные на немецкий язык Х. Шретером. А здесь, так близко от С.Петербурга, казалось, ничего нет! Самое удивительное, что великолепный исследователь и путешественник, академик Российской Академии наук А.Шёгрэн совершил не одну поездку в ижорские деревни и даже по материалам своих наблюдений опубликовал большое исследование о финноязычных жителях губернии²⁵⁹. И этот внимательный исследователь не придал никакого значения, а может быть, и не заметил, как широко были распространены здесь древние руны, не обратил внимания, как каждый вечер разносились по холмам и лесам старинные ижорские песни. Во всем своем труде он лишь раз привел в качестве образца слова одной свадебной песни. А ведь известно, что многие сведения он получал именно от тех людей, у которых позднее другие исследователи записывали лучшие ижорские песни!

И все же именно Э. Леннрот, великий финский просветитель и литератор, первым обратил внимание на песенную Ингерманландию. У этого неутомимого человека было замечательное свойство, столь нужное настоящим первопроходцам: он любил ходить пешком. Кто знает, как бы сложилась история ижорской фольклористики, если бы в декабре 1844 г., он, возвращаясь пешком из Тарту в Хельсинки через Петербург, не зашел бы переночевать к пастору в селе Котлы. Он остался там на три дня, позабыв обо все, о времени и необходимости идти дальше, безостановочно записывая 30 свадебных песен от одной местной женщины. Э. Леннроту не удалось, несмотря на страстное желание, приехать в Ингерманландию снова²⁶⁰. Но значение этого поистине великого человека было не только в его собирательской работе. Он своим литературным трудом подвиг на трудную и кропотливую фольклорную работу сотни последователей. И этот собирательский труд с его многокилометровыми вечно разбитыми российскими дорогами, с его трудностями общения с людьми, не понимающими, зачем все это нужно, с его вечным безденежьем стал уделом многих. Около 1000 человек посвятили часть своей жизни сбору фольклора в Ингерманландии и, прежде всего, в ижорских деревнях! Но особо следует рассказать о некоторых из них.

Давид Эммануэль Даниэль Эуропеус (1820-1884) был самым страстным собирателем ижорского фольклора. Уже в свою первую поездку в Северную Ингерманландию в 1847 г. он записал за три месяца около 800 рун! Именно он открыл Западную Ингерманландию с ее невиданным богатством ижорских песен. Он был странным человеком, с множеством непонятных окружающим чудачеств. Но он был и гением, выдвинувшим множество плодотворных идей в самых раз-

ных областях науки. Казалось, самой природой он не был создан для трудной собирательской работы: он заикался, был тщедушен, физически слаб, часто нервно переутомлялся, даже вроде бы страдал эпилепсией. Как было такому человеку странствовать по глухим деревням? Но в поле он преображался. И жизнь свою он отдал ижорским песням. Ради этих песен он пускался в самые трудные странствия, в которые вряд ли когда-либо отправлялись другие финские собиратели. И результативность его работ была просто феноменальна: за все свои семь поездок Эуропеус записал около 2500 рун (более 50 000 стихов) — больше, чем собрал великий Леннрот за свои одиннадцать экспедиций!

Он жил в бедности, временами даже в нищете. Но из своего скромного содержания он готов был отдать половину любому, кто готов был поехать в Ингерманландию. У него даже возник конфликт с Обществом финской литературы, которое в то время проводило фольклорные сборы, — по мнению Эуропеуса, оно не уделяло Ингерманландии достаточного внимания.

При этом он был равнодушен к академическим успехам в университете, где он так и не сдал экзамены.

Песни, которые услышал Эуропеус в затерянных ижорских деревнях, настолько поразили его, что он настоял на включении ижорских рун в новый вариант «Калевалы». Именно благодаря ему миллионы людей в самых отдаленных частях мира читают в «Калевале», ныне переведенной на десятки языков, о трагической жизни Куллерво. Эту ижорскую историю семейных распрей, отчаяния, мести и роковых ошибок по глубине чувств и психологических страданий можно сравнить с шекспировскими трагедиями.

Наряду с Д. Эуропеусом во второй половине XIX в. ижорские руны записывали Х.А. Рейнхольм, А. Алквист, К. Слёор, Я. Лянкеля, А. Тёрнероос, Т. Таллквист, Ф.А. Сяксбэк, О. Грундстрём, А. Борениус, А. Неовиус, В. Поркка, В. Алава, Я. Руотсалайнен и многие другие. Многие, искавшие среди безвестных певцов что-то истинное, древнее, и нашедшие это в ижорских деревнях.

Если Эуропеус был собирателем милостью Божией, то Вяйне Салминен (1880-1947) был основным исследователем ижорского фольклора. Песенная Ингерманландия стала первой и, пожалуй, единственной его любовью. Всю свою жизнь он почти исключительно посвятил изучению ижорского свадебного обряда, свадебной лирике, фольклору воды. Он сделал поистине великое и многотрудное дело — создал уникальный поименный справочник, где рассказал о 1200 (!) народных певцах Ингерманландии, чьи имена чудом сохранились²⁶¹. Ведь в XIX-XX вв. имена исполнителей записывались крайне редко, всем казалось, что поет «народ», а не отдельные люди. Отныне великое ижорское песенное наследие перестало быть безымянным! И мы, удаленные от тех людей вре-

менем, судьбой, верой и образом жизни, можем думать о них, представлять их, а, значит, и возвращать им вторую жизнь в наших душах!

А как умолчать о феноменальном труде Армаса Лауниса (1884-1959), обработавшего и издавшего 940 мелодий старинных песен, которые в Ингерманландии собрали, в основном, он сам и Эйно Левон? Лаунис прошел все ижорские деревни Западной и Центральной Ингерманландии, от прилужской Вюотермаа (Федоровка) до Юхимяги (Красная Горка) под Ораниенбаумом — он побывал везде, где на праздниках и вечерних гуляниях еще звучали старинные песни. Этот сборник напевов с момента своего выхода в 1910 г. остается единственным обширным музыкальным изданием ижорских напевов²⁶². Но значимость его была не только в музыке. Когда берешь в руки этот старый, уже пожелтевший том, видишь не просто тысячи мелких нотных знаков. Ты видишь то, что ушло навсегда, но не исчезло. Ты слышишь грустные, мягкие напевы, с размеренным движением мелодии, то со спокойным, даже отрешенным раздумьем, то с тихой щемящей жалобой. До тебя доносятся плясовые и хороводные песни, веселые, с непрерывным движением такой жизнерадостной мелодии, что, кажется, и твое сердце начинает стучать в такт вздрагивающим от желания танцевать ногам! Ты наблюдаешь, как меняются песни от деревни к деревне, от певицы к певице, как в очень лаконичные напевы, близкие по звучанию, каждый поющий привносит что-то свое, пережитое, то беспокойно-неустроенное, то отчаянно веселое. Ты чувствуешь и понимаешь больше, чем могут дать любые, самые лучшие книги и самые живые рассказы.

В те года А. Лаунису удалось записать на непрочные восковые валики фонографа первые «живые» звучания ижорских песен и наигрышей. Эти короткие (так как диаметр записывающего цилиндра был невелик) плохо различимые записи обладают такой эмоциональной силой, что заставляют забыть разделяющее нас столетие!

Как не вспомнить труд эстонских и финских фольклористов, в 1930-е годы изучавших песни и заклинания так называемой Эстонской Ингерманландии — тех деревень между реками Нарвой и Лугой, которые по Тартускому договору 1920 г. отошли Эстонии? И, прежде всего, Айли и Лаури Лайхо (Симонсуури). Две трети собранных там песен составили девять обширных томов в фундаментальном финском труде «Древние руны финского народа» — это 15 000 вариантов песен! В те же годы группу народных певиц с прилужских деревень пригласили в Таллинн, где удалось некоторые ижорские песни записать на радио и позже издать грампластинку²⁶³.

Как не сказать о и том, как в послевоенное время карельским и эстонским ученым удалось возобновить собирательскую работу в ижорских деревнях (хотя

были попытки это сделать прямо перед войной в 1940 г.)²⁶⁴! Когда, казалось бы, уже никому не нужные древние песни помнили только старики. Это были песни их молодости, они пели их когда-то на вечеринках и праздниках, с ними справляли свадьбы и «выветривали» горе. Тогда, в 1960-е годы, во многих сохранившихся старых домах на сойкинских холмах, по берегам Луги еще можно было услышать старинные руны, причитания и заговоры. Они звучали еще и в 1970-е годы. Но все реже и реже. Все тише и тише.

И эти последние ижорские песни, эту «золотую пыль» когда-то несравненного песенного богатства старательно, но уже торопливо, боясь не успеть, записывали известнейший эстонский исследователь ижорского языка Арво Лаанест, знаменитый карельский фольклорист Эйно Киуру.

Именно Эйно Киуру издал в 1974 г. у ставший уже бесценным сборник «Народные песни Ингерманландии» с полутора сотней ижорских песен, которые еще помнили в 1960-х — 1980-х годах²⁶⁵. Позднее появилась и «Ингерманландская эпическая поэзия» с 70 древними рунами и старинными ижорскими песнями²⁶⁶.

Когда я подхожу к книжным полкам и дотрагиваюсь до этих книг, мне кажется, что я касаюсь самого главного, самого ценного и нетленного — души народа. Того, что из-за сдержанности характера замалчивалось в обыденной речи. Того, что поверялось лишь вечному морю и молчаливому лесу. Того, что уходило в каждом поколении людей, измученных войнами и бедностью, властью и непониманием, но возрождалось в каждом новом поколении.

Неизвестная певица в 1853 г. пела Эуропеусу:

Eipä laulella pitäisi,	Мне бы петь теперь не надо,
Laulella piättelisi	Петь не следовало б песен
Viinnä, kuunna vuotuenä,	Целых шесть и семь годочков,
Seitsemänsatana vuonna,	Даже целых семь столетий —
Jott on maalla marras aika,	На земле лихое время,
Ilmalla itetys kerta... ²⁶⁷	Время слез на белом свете...

Но песни звучали и звучали, ижоры пели и пели.

ПЕВЦЫ

Среди ижор были великолепные певцы. Сколько песен можно запомнить за всю свою жизнь? Обычные люди знают десятки, талантливые — сотни. А как

назвать человека, знавшего их более тысячи? Ее звали **Ларин Параске**, в девичестве — Параскева Никитична Никитина²⁶⁸. Ей повезло — она выросла на Ижорской земле, где древних песен было больше, чем камней на маленьких крестьянских полях. Ведь ее народ — ижоры — сохранил десятки тысяч песен! В ижорских деревнях, разбросанных от реки Нарвы до реки Лавы и от прилужских болот до лемболовских холмов, пели почти все. Но она превзошла всех. От нее записано 1152 песни, 1750 пословиц, 336 загадок, множество причитаний. Она знала более 32 тысяч стихов!

Она родилась 27 декабря 1833 г. (по новому стилю — 8 января 1834 г.) в деревне Мякиенкюля прихода Лемпаала (окрестности Лемболово на территории нынешнего Всеволожского района). Ее жизнь до 53 лет — обычная жизнь обычной крестьянки. Родители (отец — Никита Никитин, мать — Татьяна Васильевна) были крепостными у помещика Ивана Кузова. У отца была кузница, и именно там Параскева впервые услышала многие древние руны, как, например, заклинание о рождении железа. У Никитиных было два сына и две дочери, но лишь самая младшая дочь стала известна всему миру.

Жизнь шла трудно. В 1848 г. умерла от чахотки мать, через три года — отец, еще через год брат был жестоко наказан плетью и умер от побоев. Извела хозяйскую плеть и сама Параскева. В 1853 г. она вышла замуж за крестьянина Гаврилу Степанова, он был старше ее на 20 лет. За свою жену он заплатил выкуп в 24 рубля. Параскева стала жить в деревне мужа Васкела по ту сторону границы, где не знали крепостничества. Дом, в который она вошла хозяйкой, по местной финской и ижорской традиции имел название — *Ларила* или *Ларин тупа* («изба Лари»). Отсюда и пошло всем известное имя Ларин Параске.

Замужество не принесло облегчения. Муж постоянно болел. Ей приходилось самой пахать и сеять, косить и жать. Она пела на свадьбах, причитывала на похоронах. Когда есть было нечего, бурлачила на реке Тайпале. Она родила девятирех детей, но выжило только трое. Как она горевала по ним! Как через многие годы плакала даже при чужих людях о своем горе!

Острейшая потребность в деньгах привела ее к пастору Неовиусу в 1887 г. Он был известен в народе как собиратель, плативший небольшие деньги за песни. Во время первой встречи Ларин Параске пела Неовиусу два дня подряд. Он был поражен ее талантом: многие, уже привычные сюжеты в ее устах звучали совсем иначе, более глубоко, порой более трагично, иногда — радостно, но по-своему, не похоже ни на кого.

Первые песни Ларин Параске запомнила еще в трех-пятилетнем возрасте. С десяти лет она пасла деревенское стадо — и это было не просто пастушест-

во. В Ингерманландии это была настоящая песенная школа. В долгие летние дни и светлые ночи на пастбищах возникали настоящие состязания в пении, певцы учились друг у друга, передавая самые старинные и самые новые песни.

У нее была просто фантастическая память и невероятный талант. В любую старинную песню она вносила что-то свое, ее импровизационный дар завораживал всех. Она придумывала песни сама и вкладывала в них всю свою тихую радость и огромную боль.

Жизнь Ларин Параске была тяжела и многотрудна, но ее голос пел чисто и прекрасно как *руокопилли* — тростниковая свирель. Это был голос холодных каменистых берегов и заросших лесных озер. Это был забытый нами голос народа, который первым пришел на эти земли много тысяч лет назад.

Язык ее песен был неповторим. Редко когда народные песни с такой силой затрагивают душу и одновременно воспринимаются как вечные истины. Порой ее слова — крик совершенно одинокой души, на краю отчаяния. Когда некому помочь, она взывает к «божьим деревьям»: «Кому поведать о моих муках, кому рассказать? В молчании иссохну, испепелюсь страданиями. Если поведаю брату, тот расскажет своей жене, а та детям и всей деревне; посмеются бабы, позлословят люди. Если бы Иисус подарил мне еще одно лето, Богоматерь растопила бы землю! Пошла бы я в летний лес, побеседовала бы с Божьими деревьями, с листовою осин; они-то уж никому не расскажут ради бабьих сплетен и людского злословия. Орошу слезами корни березы, можжевельниковые кусты...»

Гораздо реже она пела радостно: «У нас не садятся за стол с хмурью и заботой на лице — мы обедаем весело и шумно <...> Я родилась на веселом пригорке, выросла в веселом доме; отец любил веселье, мать светлую песню, у сестрицы — бойкие ноги, братец — отменный плясун. Сама я — затейница веселья, охоча до игрищ и шуток».

В песнях Параске поражают прежде всего поэтические сравнения. Даже в самых обычных песнях они звучат совершенно иначе, сильно, даже мощно. У ижор есть много песен о родине, где поется о том, что «чужая страна — ягода-черника, родина — сладкая земляника». Но только Параске трагически продолжает:

Oma maa omenakukka,	Родная сторона — цвет яблоневого,
Vieras maa veripunanen.	Чужбина — кровавый цвет.

В начале 1890-х годов Ларин Параске стала невероятно популярна в Финляндии. Она пела в Хельсинки. О ней заговорили газеты. Известнейшие финские

живописцы писали ее портреты, ваятели создавали скульптуры. Ее слушал самый знаменитый финский композитор Ян Сибелиус. Все искали с ней встреч — она стала символом истинной, нетронутой, глубокой и мудрой народной культуры (см. цветную иллюстрацию XXVII).

Но конец своей жизни Ларин Параске, как и многие другие народные певцы, потеряв семью, провела в одиночестве и нищете. Она собирала милостыню. Ее дом был продан за долги. Она умерла одинокой и всеми забытой в 1904 г. А через семь лет после ее смерти, на ее могиле были выбиты слова:

*Приносил мне песни ветер,
Ледяной порыв весенний,
Их ко мне толкало море,
Гнали их морские волны.*

Невозможно рассказать обо всех тех, благодаря кому ижорские песни, невзирая на все тяготы и страдания народа, дошли до наших дней. О ком-то мы знаем, многие же неизвестны.

Как великолепно еще совсем недавно на Сойкинском полуострове пела древние руны Кристина Андреева из деревни Таринайси (Андреевщина), как весело звучали масленичные песни и как протяжно лились печальные напевы Марии Никитиной из деревни Савимяги (Глинки)

Как горько и безнадежно, тихим, чуть вибрирующим голосом причитывала Акулина Кириллова из деревни Логове (Логи). Это были не песни, а сердечные жалобы с обрывающимися последними словами.

Какое затаенное ожидание счастья несли нам свадебные песни Марии Кондратьевой. Как пели для нас свои последние песни Ульяна Паюнен из деревни Савимяги (Глинки), Мария Еремеева из деревни Логове (Логи), Елена Васильева и Ульяна Иванова из Харккола (Старое Гарколово) и многие-многие другие.

Великолепной певицей была и Екатерина Александрова из деревни Волоитса (Валяницы) на Сойкинском полуострове. Сколько песен она помнила! От нежных колыбельных до светлых девичьих, от умудренных женских до прощально-безнадежных. Какие древние руны она сохраняла в своей памяти! Она пела о мифическом большом дубе, о трагической судьбе Куллерво, о гребне, утонувшем в море, и о многом другом, настолько древнем, что терялось представление о непременном течении времени. Я познакомилась с Екатериной Александровой в 1979 г. Она помнила, где, по рассказам ее бабушки, было старинное «шведское кладбище» и мы пошли на край деревни и через поле. Я не знала, что она поет, и сама ей пела ижорские песни, в ответ встречая кивание головой и мягкую улыбку.

Акулина Кириллова и Екатерина Александрова — народные ижорские певицы второй половины XX в. Сойкинский полуостров. Фотография Э. Киуру. 1977 г.

ку. Был душный июльский день, прохлада с моря не могла пробиться сквозь неподвижное море. Когда мы дошли до леса, она утомилась и прилегла на траву, спросив, можно ли ей «покричать»? И громким, молодым голосом она запела о том, как дневная птица ласточка искала землю, чтобы отдохнуть, чтобы снести золотые яйца в гнездо из меди:

Löysi mättähän sinniisen,
Toisen mättähän punnaisen,
Kolmas kellan karvalliin.
Tuli tuuca, aikoi tuuca,
Viiretti pesän vettee,
Laski munat lainehes...

Нашла кочку синюю,
Вторую кочку красную,
Третью — желтую.
Пришла туча, надвинулась туча,
Скатила гнездо в воду,
Яйца по волнам пустила...

И я вдруг поняла, что она, вопреки концу XX в., вопреки атомным реакторам Сосновоборской АЭС, видным с сойкинского берега, вопреки всем ученым раз-

говорам о гибели ижорского фольклора, поет древнейшую руну о сотворении мира, неба, солнца и звезд из разбитого яйца магической птицы! Поет просто так, не по воле фольклориста мучительно извлекая ее из памяти, а лишь для того, чтобы дать отдых телу и силу душе. Я была уверена, что такие песни остались где-то в вековой давности, что они отложены, как безвозвратно ушедшие археологические древности, в безлюдных хранилищах. И я тогда осознала, что такое «мифологическое» время, у которого нет начала и нет конца, которое не стремится от прошлого к будущему, как наше время. Тогда, на краю замершего от жары леса я оказалась в пространстве, где важно было только настоящее, где не было ушедшего, где не было ожидаемого, где мир рождался у тебя на глазах в заунывном ритме древнего напева...

ЭПИЧЕСКИЕ РУНЫ

Когда-то подобные руны пели на огромных пространствах от Белого моря до балтийских берегов. Но у ижор эти песни звучали по-иному.

В Ингерманландии пели почти исключительно женщины, и эту удивительную особенность никто до сих пор не может объяснить. Среди 2000 местных исполнителей, у которых фольклористы когда-либо собирали песни, только 15 % были мужчины, и у них записано лишь 3 % всех песен! И репертуар народных певиц порой превосходил мужской в десятки раз. Так, от знаменитой Ларин Параске было записано более тысячи песни, а от самого известного рунопевца-ижора Онтропо Мельникова — лишь 70.

И дело было не в том, что пелись эти руны женскими высокими или охрипшими от студеного морского ветра голосами. А в том, что женское сознание, женский опыт и женские судьбы полностью изменяли эти древние песни.

Если в карельских рунах, исполняемых мужчинами, все было основательно, прочно, каждый шаг героев воспринимался как подвиг, а каждое действие — как акт сотворения, то в ижорских песнях все было иначе. Несмотря на то, что многие сюжеты у ижор сохранили более древние мифологические мотивы, все же миф уже не воспринимался как рассказ о реальных событиях в начале времен, а подавался как забавный случай, казус, сказочное событие. В ижорских рунах все реалистично, все как в обычной жизни. Так женщины, много испытавшие на своем веку, уже не верят волшебству, не надеются на чудо, а смотрят на все с умудренной усмешкой и пониманием.

Это мы видим, например, в мифе о «большом дубе». Выросший у «ворот брата», «под окошком отца» большой дуб мешает солнцу и луне катиться по небу,

птицам летать по воздуху, людям проходить по земле. Это священное дерево, подпирающее кроной небосвод, в карельских «мужских» рунах срубают мифический герой и делает из щепок «мирового дерева» колдовские стрелы, порождающие боль. А в ижорских рунах дуб срубают просто брат певицы и делает из него не мифические и опасные, а просто полезные вещи — ложки, миски, (иногда — даже игрушки), да баню для сестры! А порой конец руны совсем низводили до смеховой ситуации, Так, например, Екатерина Александрова пела о том, как в этой бане попарились все, кроме Варпой:

Jäi vaa Varpoi kylpemätä,
Varvoin vasta hautomata.
Varpoi suuttui ja vihastui,
Otti saunan selkähää,
Kekälehet kenkähä,
Hiilet hibjän sezlähä.

Только Варпой не попарилась,
Веника своего не распарила,
Варпой рассердилась, обозлилась,
Взяла баню на спину,
Головни в сапоги засунула,
Угли — за пазуху.

Посмотрим и на руны о сватовстве, которое в карельской «мужской» традиции воспринимается как героическое деяние для укрепления и процветания рода, как настоящий мужской подвиг героя. В ижорских же рунах один из «наших» просто отправляется сватать невесту в другом мире — в Туонеле:

Mannun poika, mies mattaala,
Otti tuonki tehäksee,
Kuite ilman ollaksee,
Naiseta elelläksee.
Paha naiseta elellä,
Paha paian sotkiata!

Коренастый сын полей
Выполнить решил задание,
Чем незанятому быть,
Чем сидеть весь век без бабы.
Плохо без жены живется,
Без стирающей рубашки!

Так вот причина сватовства — тут не геройство, а просто плохо без жены, некому стирать рубашки. Это трезвый женский взгляд, а не мифологический подвиг.

Можно привести много подобных примеров. Так, в ижорских рунах о происхождении кантеле еще мог присутствовать Вяйнямёйнен (главный герой карельских рун и создатель первого кантеле из челюстей огромной щуки), но чаще пелось о простом кузнеце, порой кантеле делал сам «певец» из бараньих рогов, причем барашка он случайно находил на своем поле и выкармливал его.

Архаичных традиционных «калевальских» сюжетов у ижор записано много. Кроме перечисленных, нужно упомянуть руны о рождении огня, о золотой деве, о состязании в магическом пении, о запретной и трагической любви брата и се-

стры, о кровавой вражде двух братьев и родов, о несчастьях Куллерво, о приключениях Каукомойнена, и многое другое. Некоторые из них претерпели сильные изменения в ижорских песнях, другие — незначительные.

Мне нравится эта свобода ижор в интерпретации древних сюжетов. И я вижу в ней не столько разрушение мифа, сколько проявление свободолобивого, самостоятельного, ничем не стесненного народного характера, вольного и решительного как море, прямого как ветер, трезвого как ранние прибрежные заморозки. Характера, обладающего самым главным проявлением мудрости — способностью смеяться над собой!

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ БАЛЛАДЫ

Но совсем другой мир, с другими законами, временем и чувствами встает перед нами, когда мы слышим ижорские средневековые баллады. Земной мир усложнился. Новые христианские законы, новые идеи грехопадения, покаяния и искупления, чередования тайной страсти и безмерности страдания — все это есть в балладах. И именно через них мы можем понять и прочувствовать, каким грозным клином вошло в ижорскую культуру с ее древним устойчивым миром суровое средневековье. Оно несло не только войны, голод и новых властителей. Оно несло мучительный разлад в сердца простых, природно-наивных людей. Богатство и знатность оказывались ненадежны, и все зависело, в конечном счете, от Провидения. В том, прежнем, архаичном мире смерти не было — почти все герои были бессмертны. Теперь же смерть становилась почти обязательной развязкой любой баллады — карой, возмездием, искуплением, осуществлением божественной справедливости.

Благопристойность и тайный грех, безмерная гордыня и смиренное покаяние — вот крайние точки распространенной баллады «Песня Маталены». С трудом в ижорской Маталене можно узнать библейскую Магдалину. Маталена — старательная крестьянская хозяйка, от ее непрерывной беготни по хозяйству в доме износились половицы, истерся порог. Маталена отправляется к источнику и, увидев свое отражение, пугается, что ее украшения перестали блестеть. К ей подходит нищий пастух и просит напиться, но та презрительно отказывает ему. И тогда Христос в образе пастуха карает грешницу страшной правдой: Маталена тайно погубила трех младенцев, один из которых мог бы стать рыцарем в Швеции, другой — лучшим священником, а третий — господином на этой земле. И прежде гордая и неприступная Маталена, поняв ужас содеянного, готова омыть

Христу ноги покаянными слезами и осушить их своими волосами, она готова принять любую кару.

Есть великолепные наивно-трагические ижорские баллады «Несчастливая вдова», «Раб из Виро», «Женоубийца» и многие другие²⁶⁹. И я каждый раз переживаю заново, как внешне спокойное начало песни к середине сменяется конфликтом того, что было «прежде» и стало «теперь», как всегда поражает страшный в своей определенности конец песни, где расплата приходит неминуемо, и где каждый человек сам отвечает за свои поступки перед Богом и своей совестью.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ПЕСНИ

Исторических песен у ижор не так уж и много — «Война под Нарвой», «Военный поход Понтуса», «Поход Краснобородого» и несколько других. И это не хроники, где безразлично и отстраненно говорят о войнах и бедствиях, где выделяется главное и умалчивается о малом. Через ижорские земли часто прокатывались военные смерчи. И память о них жила порой столетиями, потому что это были «свои» беды, «свои» потери, «свое» горе. И незначительная с точки зрения российской истории осада крепости Копорье была большее, важнее и значимее, чем победа Петра I в Северной войне.

Niin siellä linnoin alla,
Siel on verta päälle polven,
Talmaa jaloin tasan,
Rattaat veressä vierit,
Rummut ulvoit urmehessa.
Niin on siellä linnoin alla,
Niin on siellä miehyisii
Kuite metsässä hakoa,
Metsässä haokkaassa.
Niin on siellä päähyisii
Kuin on maassa mättähii,
Maassa mättähällisessä.
Niin on siellä silmämunni
Kuin suossa karpaloja,
Suossa karpalokkahassa.
Niin on siellä sormuisii
Kuite suossa virvilöjä,
Suossa virvilökkähässä...²⁷⁰

Там, под крепостной стеною,
Крови красной по колено,
Вся нога в крови утонет,
Едут по крови колеса,
Втулки в красной тяжко стонут.
Там, под крепостной стеною,
Столько трупов там на поле,
Сколько сваленных деревьев
В том лесу, где был повал.
Столько там голов на поле,
Сколько кочек на земле,
На земле всей кочковатой.
Столько глаз на этом поле,
Сколько клюквы на болоте,
На болоте, щедром клюквой.
Столько пальцев человеческих,
Сколько на болоте прутьев,
На болоте, щедром ивой...

Так пел о сражении под Нарвой Алексей по прозвищу Кристус из деревни Хэваа (Коваши) в 1881 г.

Среди рун о войне больше всего песен о наборе рекрутов. Рекрутчину ввел Петр I, и она стала для многих тяжким горем, порой каторгой, вплоть до 1874 г.

Но ижора была бы не ижорой с ее несгибаемой верой в жизнь, если все песни о войне были столь безнадежны. Есть песни и суровые в своей правдивости, есть и бахвальские, гордые за свою силу, хитрость и удасть, есть и полумифические, есть и насмешливые. Но горьких все же больше...

ЛИРИКА

Ижорские лирические песни невероятно красивы и драматичны. Кажется невероятным, что в них можно найти практически все оттенки чувств, от ноющей боли и жалобы до хохочущего безудержного веселья, от всепонимающего сочувствия до язвительной насмешки, от нежного колыбельного шепота до почти кричащей радости. И все же, как и во всем ижорском фольклоре, горя, печали и глубокой тоски в них больше.

Тяготы жизни и вечная жалоба — вот о чем веками пелось и в сумрачных, топившихся по-черному домах, и на небольших скудных каменистых межах, и в ненадежных лодках среди стальных волн.

En miä laula laulujani,
Enk iloo iloisijani,
Miä vaa tuulan tuskijani,
Harotan haluisijani.
Suu lauloi, syän murehti,
Vatsa paahteli pappuva.
Miul ono suu suruva,
Hamppahat täyn haluva,
Helmat täyn on henkähystä.
Hot' miä iten, hot' miä laulan,
Ei miun päivöini pareнна,
Eikä itkuni alenna...²⁷¹

Я не песни распеваю,
Не веселю себя веселыми,
Я развеиваю горе,
Распускаю я печали.
Уста поют, а сердцу грустно,
И внутри огонь пылает.
У меня рот полон скорби,
На зубах полно печали,
Вздохов полон мой передник.
Хоть я плачу, хоть пою я,
Дни мои не станут лучше,
Не убавится и слез...

— пела Мария Никитина из деревни Савимяги (Глинки). Пела так же, как и тысячи женщин до нее. Перепевы этих слов я слышала от многих. Когда очень плохо, я пою о том же...

Одной из любимых тем было воспевание привольной жизни до замужества: «Хороша жизнь в девичестве, красиво быть носящей косы». И, как бы в противовес, огромное количество песен о замужней жизни, о невероятно тяжелой доле молодой невестки: «По-другому в другом доме, по-другому двери воют... Ледяная душа у свекрови, быстра она на попреки, медлительна на похвалу».

А как хороши были «круговые» песни, под них не только водили хороводы. С ними ходили веселыми рядами, подхватив друг друга под руки, вдоль по широким пыльным деревенским улицам. А когда солнце краем уже касалось моря, все уходило на край деревни и оттуда еще долго доносились веселые плясовые мотивы, на которые так хорошо ложились древние ижорские слова и русские припевы «раз — калина моя, раз — малина моя!» да «ой, цветочки мои, белорозовые».

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

Не случайно ижорскую свадьбу называли «трехдневной оперой» — и трех дней было мало, чтобы спеть то, что положено издавна. Ведь каждому действию, каждому шагу и обряду полагалась своя песня. И эти песни звучали непрерывно: от первого прихода сватов до отъезда последних гостей.

Эти песни были поразительны, они включали в себя всю гамму чувств: и отчаяние расставания, и замирающее ожидание счастья, и разумность советов, и чуть нервную насмешку над сватами, и радость праздника, и уважение тем, вырастил дочь и сына, и благодарность тем, кто устроил этот праздник (подробнее см. главу «Семейные обряды»).

ПРИЧИТАНИЯ

Но иногда слышны были над ижорскими деревнями и погостами совсем другие песни. Их даже нельзя назвать песнями — это душевные жалобы, это выражение самых психологически глубоких, самых сокровенных переживаний. Я говорю о причитаниях. Это особая, ни с чем не сравнимая, лучшая часть великого фольклорного наследия ижор. Это свой мир, со своим таинственным языком, со своими образами и запретами, со своими законами и мелодикой. Слушать причитания порой бывает трудно. Заунывный мотив, надрывные интонации, переходящие на шепот, слезы самой певицы — все это ранит душу, все это заставляет тебя уже не думать о смысле ее слов, а печалиться о своей судьбе, горевать по ушедшим, тосковать по забытым...

Причитания — всегда импровизация, их невозможно выучить, как нельзя выучить движения мучающейся души. Но и здесь были свои правила, свои непреложные законы. Первый запрет касался терминов родства — нельзя было по каким-то древним верованиям называть в причитаниях «мать», «отец», «брат» и т.д. Для разговора о матери нужно было использовать «замены» — «меня родившая», «на коленях державшая», «в мир меня принесшая», «меня лелеявшая», «меня в бане парившая» и еще много-много других ласковых слов. Упомянув брата, говорили так: «цветочек, поднятый меня укачивавшей», «приголубленный меня взлелеявшей». И так для каждого члена семьи находились десятки словесных замен.

Посещение могилы. Нижняя Луга. Фото Й. Луккаринона. 1911 г.
Музейное Ведомство Финляндии.

Был здесь и самый главный закон древнего «калевальского» языка — закон аллитерации, когда все слова (или некоторые из них) в строке имеют одну и ту же ударную гласную, либо один и тот же начальный слог. Это придает каждой строке свою особую музыку. В «калевальской» метрике не было привычной для современного слуха рифмы, но один и тот же звук давал стихам несравненную мелодику. В ижорских причитаниях монотонный напев вкупе с пронзающим каждую фразу звуком, с паузами и придыханиями были материальным выражением боли:

Elkkää sylvetä niin syvvää maaha miun synnyttäjäistään,	Не зарывайте так глубоко в землю меня родившую,
Elkkää porottaa niin pohjamaaha miun polvenpiteliäistään,	Не закапывайте ее на дно могилы, на коленях меня державшую,
La too tulloo tuuluttelomaa minnua, miun tuskijaan, tusakkahan,	Пусть придет она развеять горе мое, страдалицы,
La too tulloo harottelomaa miun halulojaan, heikoin halukkahan...	Пусть придет разогнать маяту мою, слабой, мятной...

— пела Акулина Кириллова из деревни Логове (Логи)²⁷².

Похоронные причитания сопровождали обряд «провождения» умершего в Туонелу (загробный мир), когда он еще лежал в доме на лавке, и опускание его в могилу. И после похорон на могиле звучали поминальные плачи. И приходя в разрешенные дни на кладбище, говорить с мертвыми можно было только «языком плача», иначе умершие не слышали живых.

Еще совсем недавно среди ижор бытовали и свадебные причитания. Они исполнялись в основном в доме невесты, когда ее мыли в бане, распускали косу, обували. Обрядовая функция подобных причитаний — обеспечить невесте благосклонность судьбы. Со временем свадебный причет потерял свое магическое значение. Он сохранялся как выражение чувств, связанных с самым важным шагом в жизни девушки, и как дань ушедшим, но праведным временам.

Порой причитывали просто так, чтобы «выветрить горе», «развеять тоску». Иногда в форме причитания рассказывали о каком-либо трагическом событии, затронувшем душу. К числу последних относился великолепный по смыслу и звучанию «Плач по молодым, увозимым фашистами на каторгу в Германию», Акулины Кирилловой из деревни Логове (Логи), сочиненный ею во время войны²⁷³. Известными сойкинскими плачами были Мария Никитина и Ульяна Паюнен из деревни Савимяги (Глинки).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

До начала XX в. *каннель* можно было услышать и в затерянных лесных орешских деревнях, и по берегам реки Хэваа, извиляющейся среди черных ольховых лесов, и на привольных сойкинских холмах, и близ темных заповедных омутов реки Луги. И порой мог путник, опасливо озирающийся на глухих дорогах среди волчьих лемболовских лесов, встретить старика в белых старинных одеждах с *каннелем* в руках.

От этих грубоватых, полых обрубков бревен с еле звенящими струнами исходили звуки небывалой, еще допотопной древности. Когда-то только женатый мужчина мог сам сделать себе *каннель*, вырубив его «тело» топором из недавно живой березы, полной еще влаги леса и шума ветра. Только он мог прибить сверху аккуратно вытесанную доску с прорезью посередине в виде круга («как солнце») или креста («чтобы Иисус помог»), вбить в по-птичь изогнутую часть каннеля старый кованый гвоздь, а в другой конец — крепкие деревянные колки. Только он мог решить, какими сделать 5-9 каннельных струн — из хвоста своей лошади («так проще»), или, тайком, соседской («так у каннеля будет больше волшебной силы»), или ночью, скрываясь от всех, пробраться к городскому чуду — телеграфу, и срезать с него медную проволоку («чтобы громче звенело») (см. цветную иллюстрацию XXVIII).

Каннель нужно было покрасить в черный цвет, потому что это инструмент не для забавы. На нем раньше чаще играли лишь для себя, полагая, что эти дрожащие неземные звуки помогут достичь желаемого. Иногда на каннеле даже и не играли, а прибивали его к закопченной стене над дверью избы — тогда об урожае можно было беспокоиться меньше. И ни женщина, ни холостой парень не должны были касаться каннеля, иначе пропадет вся его удивительная волшебная сила!

Когда-то под тихий дрожащий перезвон каннеля исполняли неторопливые древние руны. И в заметенных зимними бурями низких избушках, и в перламутровом свечении июньских пастушеских ночей, и среди вечно опасных волн Ладоги часами люди заморожено слушали о том, что и так им было знакомо с детства — о похищении небесных светил, о повесившейся в амбаре молодой красавице, о мече из моря...Слушали не для того, чтобы узнать, а для того, чтобы пережить заново чужую яркую жизнь.

Правда, к концу XIX в. под каннель пели и другие песни, и часто на веселых летних пригорках таинственный каннельный перезвон заглушали звонкий смех и разудалые песни. Под каннель уже пели и частушки, танцевали кадрили и ланцы.

И если каннель звучал чаще вечерами, то каждое утро в деревне начиналось громкими резковатыми наигрышами пастушеской трубы *труба* (это слово произносится, как и все ижорские слова, с ударением на первом слоге). С весны, следующего за Юрьевым днем утра до вечера осеннего Михайлова дня, все хозяйки начинали поторапливаться, заслышав пронзительные звуки трубы — пора было гнать свою Муссикки в стадо или встречать ее, устало и сыто после выпаса бредущую домой. Каждый пастух знал, как и из какого можжевельника лучше вырезать длинный прямой кусок ствола, просверлить его с обоих концов, сделать два или четыре, а может, и пять отверстий сверху да одно снизу, обмотать берестой шириной в палец. Получалась короткая, длиной до 70 см крепкая труба, играть на которой было непросто, нужно было дуть во всю силу груди, не забывая при этом крепко сжимать обветренные губы да живо зажимать отверстия пальцами (см. цветную иллюстрацию XXVIII). Только тогда с конца деревни до другой околицы, с края леса до темных влажных хлевов, с пригорка до ушей самых задумчивых девиц доносились не только пастушеские сигналы, но и танцевальные наигрыши. А порой можно было и петь под трубу, и тогда странное дикуватое сочетание сильного, но нежного женского голоса и звучного тягучего «крика» трубы долетало до самых отдаленных деревень, теряясь в непроходимых болотах и беспокойных морских волнах.

На вечерних гуляниях, посиделках и, уж конечно, на свадьбах звенели и *пилли* — свистковые флейты, их так просто было сделать из ивовой коры, а звук их был так чист и нежен! Нетрудно было вырезать *роогопилли*, и, перебирая маленькие отверстия, наигрывать ясную, как утро над заливом, и в то же время чуть глуховатую мелодию, напоминающую завывание ветра в шелестящем прибрежном тростнике, из которого и делали этот ижорский «кларнет».

В западных ижорских деревнях, по берегам Луги на праздничных гулянках надрывно завывала и древняя волынка *раккопилли* («пузырная дудка»). Делали ее свиного пузыря, в одну трубку вдували воздух, а на другой играли, попеременно зажимая 5 отверстий. Привычной же бурдонной трубы, издающей постоянный «тянущий» звук в такой архаичной волынке не было. Иногда в *раккопилли* звучали две трубки одинаковой длины (на одной было 5-6, на другой 2-3 игровых отверстий), связанные между собой жилами и заканчивающиеся берестяным раструбом. И главное здесь было найти пузырь, на него были и другие претенденты-мальчишки любили играть с надутым пузырем, он так легко и так высоко взлетал над головами и серыми деревенскими соломенными крышами!

Когда дом был далеко, а сердце просило музыки, можно было вырезать и *кявелюкеппи* («дорожную палочку»), благо нож у ижора всегда был на поясе. Зажимая пальцем край, из этой дудки умелый человек мог извлечь настоящие природ-

ные звуки, столь приятные для слуха лесных и озерных духов, а, значит, и сделать свою дорогу безопасной.

Играли и на рожке из коровьего рога. И, прижав ко рту кусок бересты, наигрывали дребезжащие чуть надрывные мелодии, похожие на знакомые с детства причитания матери. В этих краях, где природа и человек еще были неразделимы, можно было играть на всем, и все отзывалось душе человека.

***

Рассказать удалось о малом. Было еще так много невероятно важного, хорошего и горького, что нужно было каждому человеку услышать за свою жизнь. А, услышав и запомнив, пересказать и спеть другим, иначе как бы люди знали, кто они и откуда? Конечно, были и колыбельные с их вечным древним, укачивающим как волны залива мотивом. Были и обрядовые песни с их смешением древней магии и неизбывной радости праздника. Были и заговоры с их таинственным миром потусторонних сил и непредсказуемых последствий. Были загадки, которые должно было загадывать только днем. Были сказки, которые можно было рассказывать только вечером и отнюдь не детям (!). Были замшелые, как Копорская крепость, предания и легенды. Были страшные рассказы о ходячих покойниках и духах-халтиях, рассказы, пугающие даже днем и даже самых отчаянных парней. Был целый заповедный мир, который помогал жить и наполнял эту многотрудную жизнь особым смыслом и значением. И если бы мы поставили себе невероятную цель — найти душу народа, то у ижор она жила бы в их песнях (см. цветную иллюстрацию XXIX).

Но все проходит. Все, как прибрежный песок, протекает сквозь даже плотно сомкнутые руки. Память слабеет, люди уходят. В 1986 г. умерла Екатерина Александрова — последняя, кто помнил древние песни, кто пел их для других и для себя. Она их пела, потому что иначе не могла. Потому что так пела ее мать, и мать матери и многие поколения безвестных, но великих народных певиц. Но после нее так не пел никто. В деревне Краколье одна почти 80-летняя женщина сказала нам, что настоящие песни пели одни старики. «Мы, молодые, не знаем уже этих песен». Никто уже не смог вспомнить ни одной песни от начала до конца. Никто уже не пел просто так, чтобы душа взлетала над деревнями, зарастающими полями, темнеющим морем и вселенской суетой, как ястреб, вечно парящий в бесконечной замершей высоте над Сойкиной горой.

Ижор, играющий на *каннеле*. Сойкинский полуостров. Фотография К.Иванцова. 2007 г.

ИЖОРСКИЙ ЯЗЫК

Ижорский язык принадлежит к северной группе прибалтийско-финских языков, а сам он делится на четыре диалекта: сойкинский, хэваский, нижнелужский и оредежский.

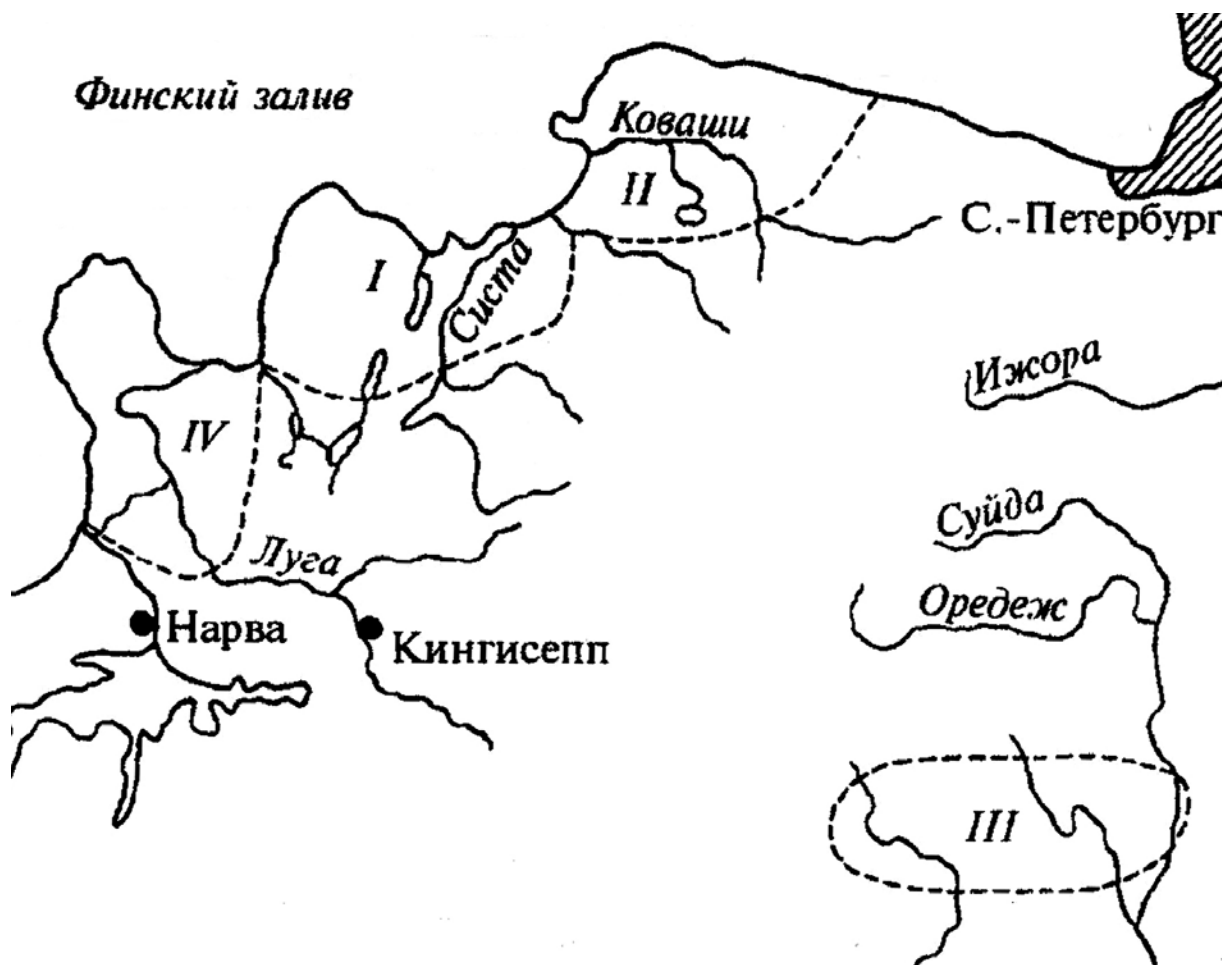
Еще совсем недавно нижнелужский диалект ижорского языка можно было услышать в низовьях Луги — в деревнях Котко (Орлы), Хаавико (Кейкино), Йоемпери (Краколье) и на Кургальском полуострове — в деревне Пярспия (Липово). На сойкинском диалекте до сих пор говорят на Сойкинском полуострове (по-ижорски — Сойккола). Несколько лет назад ижорская речь звучала в некоторых деревнях по реке Хэваа (Коваши). Отдельные лица, помнящие этот диалект, встречаются и в других деревнях в окрестностях современного г. Сосновый Бор.

Оредежский диалект уже вышел из употребления, но когда-то на нем говорили жители ижорских деревень по берегам реки Оредеж — Тарасино, Нестерково, Озерешно, Воцко, Ольховец, Чаща и Новинка, где последние записи ижорского языка были сделаны в 1950-е годы.

Диалект ижор, населявших земли к северу от Невы, остался неисследованным. Хотя есть обширнейшие материалы именно по этому диалекту — сохранились фольклорные записи, сделанные финскими исследователями при собирании рун и песен в северной Ингерманландии у многих народных певцов, таких, как, например,

Ларин Параске и Онтропо Мельников. Конечно, язык рун — особый язык, в нем много древних черт и слов, исчезнувших в живом разговорном языке, но представить себе особенности этого ушедшего диалекта — можно. Современные потомки северных ижор называют себя русскими или финнами, а свой язык, сходный с говорами ингерманландских финнов, живущих там же, — финским.

Первые сведения об ижорском языке собрал Ф. Туманский в 1789 г. и представил в виде 449 слов «ямского наречия» в своем рукописном словаре²⁷⁴. Списки ижорских слов были опубликованы и в XVIII в. в связи с составлением словаря

Карта распространения ижорских диалектов во второй половине XX в.:
I — сойкинский диалект; II — хэваский диалект; III — оредежский диалект,
IV — нижнелужский диалект

Палласа. Но лишь в 1885 г. финский ученый В. Поркка опубликовал первое специальное исследование языка ижор²⁷⁵.

Имеются монографии о говоре на реке Россонь, который относится к нижнелужскому диалекту (Ю. Мягисте)²⁷⁶, и о сойкинском диалекте (А. Савиярви)²⁷⁷. Знаменитый эстонский ученый П. Аристэ, занимавшийся, прежде всего, водским языком, издал сборник текстов на сойкинском и ордежском диалектах с лингвистическими комментариями²⁷⁸. Исследования замечательного эстонского лингвиста А. Лаанеста основаны на материалах всех сохранившихся к середине XX в. ижорских диалектов — им издано лингвогеографическое исследование ижорских диалектов²⁷⁹, а его докторская диссертация была посвящена исторической фонетике и морфологии ижорского языка²⁸⁰. Издал А. Лаанест и словарь ковашского диалекта²⁸¹. Составленный финским исследователем Р.Е. Нирви словарь ижорского языка содержит богатейший материал по сойкинскому диалекту, но лишь в малой мере отражает другие диалекты²⁸².

Наиболее полную картину исторического развития ижорского языка представил известный эстонский лингвист А. Лаанест. По мнению А. Лаанеста, ижорский язык произошел от древнего языка-основы, общего для ижорского языка и так называемых собственно карельских и восточнофинских диалектов. После начала распада языка-основы на отдельные диалекты между ижорой и предками финского племени эурямейсет, жившего в западной части Карельского перешейка, продолжали существовать тесные языковые связи. А финский лингвист Р.Э. Нирви предполагал, что ижора и эурямейсет даже некоторое время представляли собой единое племя. Эти общие ижорско-эурямейские следы прослеживаются в трех ижорских диалектах, и лишь в нижнелужском они почти отсутствуют, что может свидетельствовать о его относительно большей древности. Позднее в диалектах возникают самостоятельные черты, это означает, что их носители стали жить изолированно, отдельными группами.

Оказал влияние на ижорский язык (на его нижнелужский диалект) также и язык води. Наблюдаются и поздние влияния финских диалектов.

Есть в ижорском языке заимствованные русские слова и русские фонетические явления, но сам русский язык среди ижоры был мало распространен. Даже в 1927 г. исследователи отмечали сравнительно плохое знание ижорами русского языка, несмотря на то, что почти все население издавна было обращено в православие и носило русские имена. Мужчины, которые в 1920-х годах часто ездили в Ленинград с салакой и корюшкой, как правило, могли говорить по-русски, женщины знали русский язык слабо, а пожилые люди совсем не понимали русской речи.

В 1930-х годах была создана ижорская письменность на основе латинского алфавита и была сделана попытка ввести образование на ижорском языке в началь-

ных школах. Для этого финским кооперативным издательством «Кирия» было издано 25 учебников по грамматике и чтению, математике и природоведению на ижорском языке. В создании литературного языка большая заслуга принадлежит В.И. Юнусу, ингерманландскому финну по происхождению. В течение нескольких лет ижорские дети учились в начальной школе на родном языке, однако в начале 1938 г. обучение было прекращено, ижорские книги уничтожены, национальная интеллигенция репрессирована. Сам Юнус был арестован и через 10 дней расстрелян в НКВД. На протяжении ряда лет официальная пропаганда утверждала, что ижорская молодежь не хотела учиться на своем языке, предпочитая получать образование на русском языке, так как родной язык потерял свое практическое значение.

В настоящее время ижорский язык еще употребляется в среде пожилых людей, среднее поколение помнит отдельные слова. Молодежь, за редчайшим исключением, ижорского языка не знает. Многие ижоры называют себя русскими, не употребляя старые самоназвания. А еще совсем недавно население деревень по реке Коваши называло себя *ингеройсет* (в единственном числе — *ингеройнен*), жители Сойкинского полуострова — *ингерикот* (в ед.ч. — *ингерикко*) или *сойкколайсет* (в ед.ч. — *сойкколайнен*). На Карельском перешейке северные ижоры до конца XX в. помнили свое самоназвание — *инкерикот* (в ед.ч. — *инкерикко*). Трудно сказать, было ли в древности у ижор общее самосознание, и каким оно было. Летописи называют их «ижорой», «ижорянами», западноевропейские источники — «инграми».

Носители ижорского языка на Сойкинском полуострове в наши дни называют свой язык *ижорин кеель*. В нижнем течении реки Луга известно название *маа кеели* («язык земли»), которым пользуется и проживающая по-соседству вода. В научной литературе на немецком и английском языках употребляются наименования «Ingrische», «Ingrian».

Антропонимы имеют русское происхождение, но при этом издавна использовались варианты личных имен, приспособленные к особенностям ижорского языка: *Миффо* (Мифодий), *Огру* (Агриппина), *Оккули* (Акулина). У хэваских, сойкинских и нижнелужских ижор к ним часто присоединялся уменьшительный суффикс *-ой*: *Маарой* (Мария), *Мигой* (Михаил), *Катой* (Екатерина), *Петой* (Петр), *Силой* (Сильвестр), *Ивой* (Иван).

Наиболее распространенными у западных ижор были фамилии, образованные от личных имен.

Конечно, в ижорских деревнях эти имена и отчества звучали иначе: Петра Еремеева называли *Еррома Петой* (Логи, Сойкинский полуостров), а Григория Емельянова — *Омельян Кико* (Краколье, Нижняя Луга). Любопытно, что еще

в 1920-е годы ижоры не сохраняли отцовскую фамилию, обычно производную от имен собственных, а носили фамилию по имени деда. Например, у Владимира Игнатьевича Петрова сын был Иван Владимирович Игнатьев, а внук — Василий Иванович Владимиров²⁸³. Устойчиво фамилии закрепились лишь с 1920-х годов. Произошло это, как объясняют жители, по требованию советской власти, желавшей порядка в употреблении фамилий²⁸⁴.

Фамилии, образованные от названий профессий, у ижор очень редки и, часто, бывают переводными: так, происхождение известного певческого рода Мельниковых в Софолово на Карельском перешейке легенда связывает с человеком по фамилии *Мюлляри* («мельник»), родом из Никуляс, где такая фамилия бытовала у финнов²⁸⁵. Изредка встречаются у ижор фамилии, образованные от названий животных — как, например, Волковы, Сорокины, но и они в деревенской речи звучат как *Сузи* («волк») и *Харакка* («сорока»).

У ижор Карельского перешейка встречались как «русские» фамилии (Булкины, Коченовы, Подуловы), так и «финские» — Арикайнен, Валгонен, Виролайнен, Керро, Кокка, Лембинен, Туокко, Хайгонен. Некоторые фамилии «финского» облика бытовали только у ижор: Калккинен, Пиринен, Утту, Ховатти. Обратившись к северным ижорам бывших финляндских волостей Рауту и Метсяпиртти, можно обнаружить там фамилии, тоже встречающиеся только у ижор: Интке, Яске, Онтронен, Ратинен. Ряд фамилий в волостях Рауту и Метсяпиртти представлен как у православных ижор, так и у финнов-лютеран: Васкелайнен, Сорвали, Соякка, Хаукка. Некоторые из этих фамилий (Онтронен, Васкелайнен) образованы от православных форм христианских имен²⁸⁶.

Ижоры некоторых нижнелужских деревень бывшей Наровской волости, входившей с 1920 по 1940 гг. в состав Эстонии, имеют эстонские фамилии. По эстонскому закону о фамилиях от 1921 г. лица, не имеющие фамилии, обязаны были выбрать ее себе, и многим ижорам были буквально «навязаны» популярные эстонские фамилии: Вески, Кала, Каск, Киви, Лайн, Луми, Метса, Мяндр, Пихлак, Пыльд, Пяяр, Рауд, Роози²⁸⁷. Иногда эти новые эстонские фамилии ижор были созвучны их прежним русским фамилиям: Буцин > Пусси, Гулин > Куули; Деркин > Терки, Решкин > Рески, Соколов > Сакала; Хитров > Хитро; Кубикова > Кубик (все примеры взяты из дер. Венкуль). Некоторые прежние ижорские фамилии просто переводились на эстонский язык: Белов > Валге, Шукин > Хауки²⁸⁸.

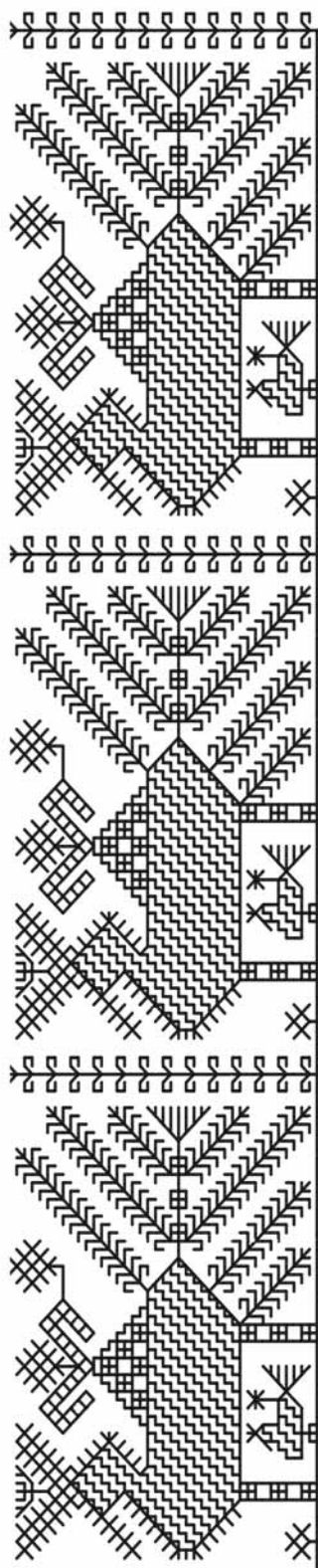
По ижорской топонимии специальных исследований не проводилось. Во многих ижорских названиях деревень присутствуют апеллятивы общеприбалтийского-финского происхождения: *Метсякюля* — «лесная деревня», *Мяттяхя* (*Мятяс*) — «холм», *Савимяги* — «глиняная гора», *Хаавикко* — «осиновая роща».

Часто употребляются суффиксы -ла/-ля, -ове, -иси: *Хамала, Реппойла, Тёнттёля, Саарове, Логове, Мурдове, Таринайси, Ленттииси.*

«Слушание имени будущего жениха» - гадание девушек.
Фотография А.Хямяляйнена. 1943 г. Архив Общества финской литературы

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИЖОРЫ В КОНЦЕ XX В.

Конец XX в. для ижор оказался драматичен. Продолжалось резкое сокращение численности ижор. И это сокращение имело очевидные причины. С одной стороны, по всей стране шли общие процессы аккультурации прежде всего коренных малочисленных народов — когда культуры этнических меньшинств размывались в общероссийской культуре. Здесь проявлялось и воздействие массовых средств информации, и приоритет «общенационального», и ведущие позиции русского языка во всей административной системе и образовании, и влияние «наднациональной» городской культуры.

Представители малочисленных народов (особенно тех, кого не поддерживали программы по коренным народам Севера и Сибири), и ижоры в том числе, не встречая государственной поддержки и не видя заинтересованности властных структур в своем существовании, переставали ощущать свою значимость, как народа. И сама административная система старалась не замечать а, порой, и отторгать активные проявления «самосознания» у местных коренных народов. Причем такое «отторжение» происходило на самых различных уровнях ее функционирования. Вспоминаю, как в 1980 г. на Сойкинском полуострове вместе с Зинаидой Травиновой — работником Горковской библиотеки — мы органи-

зовали первую лекцию по истории и культуре ижор. Она оказалась чрезвычайно востребованной — в клубе собралось очень много людей, пришли и жители дальних сойкинских деревень. Однако затем библиотекарю начальством был объявлен выговор за организацию подобного мероприятия, сопровождавшийся словами: «Ты бы еще попа пригласила!». Подобное происходило и в высших эшелонах власти: тогда существовавшее Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политики выработало проект «Федеральной государственной программы возрождения и развития культур финно-угорских народов России»²⁸⁹, но он так и остался проектом. Комитет по делам национальностей Государственной Думы подготовил Закон «Основы правового статуса коренных малочисленных народов России», но и его тогда отклонил Совет Федерации²⁹⁰. Кроме того, в среде старшего поколения еще помнили репрессии и гонения 1930-1940-х годов, зачастую утаивали свое ижорское происхождение и стремились оградить своих детей от возможных «национальных» проблем.

Во-вторых, чрезвычайно активно происходила и генетическая ассимиляция ижор. По мнению исследователей, начало процесса депопуляции ижоры относится еще к началу 1930-х гг., когда за 11-летний межпереписной период численность ижоры сократилась в два раза. И это несмотря на проведение активной национальной политики по развитию ижорского народа (вспомним, что тогда существовали ижорские школы, печатались издания на ижорском языке, имелись ижорские сельсоветы). Основную причину сокращения численности ижор в самых многочисленных ижорских районах на Сойкинском полуострове и в деревнях Нижней Луги демографы связывают с масштабным военно-гражданским строительством в районе Лужской губы в 1930-е годы. Поэтому в регионе оказалось огромное количество «свободных» мужчин, что привело к относительному «вытеснению» на брачном рынке ижор-мужчин. Перед войной доля детей, рожденных от смешанных браков, где отец — русский, а мать — ижорка в четыре раза превышала обратную комбинацию.

И позднее, в 1946-1996 гг., в ижорских деревнях Кингисеппского района было заключено 116 браков, в том числе эндогамных (когда ижор женится на ижорке) — всего семь. А последний раз такая ижорская свадьба была сыграна в 1961 г.! Всего за период 1945-1995 гг. родились 177 ижор (3,5 % от всех рождений в ижорском ареале), тогда как до войны — за 1930-1941 гг. — число рождений составило 2,5 тыс. (37 %). А за 1970-1995 года родились уже всего семь человек (все от смешанных браков)²⁹¹.

Третьей причиной сокращения численности ижор явился, несомненно, общий системный социально-экономический кризис 1980-90-х годов, когда смертность стала превышать рождаемость у всех финно-угорских и славянских народов Рос-

сии. Всего за 1945-1996 гг. в Кингисеппском районе умерло 657 ижор, что в 3,7 раза больше числа родившихся. Цифры распределения ижор по возрастам в последней переписи в 2002 г. выглядят трагично:

Ижоры (общая численность в пределах Ленинградской области)	177
в том числе в возрасте, лет:	
0 — 15	3
15 — 19	1
20 — 24	3
25 — 29	4
30 — 39	1
40 — 49	21
50 — 59	14
60 и более	130

По переписи 2002 г. в России 327 человек признали себя ижорами, из них лишь 177 — в традиционных ижорских деревнях Ленинградской области. Средний возраст ижоры составляет ныне 70,5 лет.

Одновременно на волне перестроечного подъема «новые» свободы привели к росту национального группового самосознания. В 1994 г. было создано объединение ижор Сойкинского полуострова «Шойкула». Вера в себя, радость этнического самоутверждения и надежда на многократно и отовсюду обещанную государственную поддержку делали свое дело. Члены общества регулярно собирались. Вспоминали язык и строили планы. Тем более, что Сойкинский полуостров и устье Луги попали в сферу федерального строительства: первоначальный проект создания Усть-Лужского порта включал в себя и программу исследования археологических памятников ижоры, и программу культурного возрождения ижор (я сама их неоднократно писала), и другое подобное. Закончилось как обычно: порт и всё сопутствующее начали строить, а все «ижорские» планы оказались забыты. Эти и многие другие внешние «обломы» привели к печальным результатам — к потере «внешней» значимости, когда люди стали понимать, что их национальные идеи нужны только для поддержания чужих проектов. Были потери и «внутренние». Очевидный антимарксистский ответ на

вопрос о роли личности в истории здесь приобрел явный вид: без лидера с определенной стратегической программой национального движения этого национального движения не будет. А программа должна включать в себя и просветительскую работу на местах (иначе как научить народ уважать себя), и обязательную работу с молодежью (иначе вся национальная жизнь закончится с уходом стариков), и «файндрайзинг» (по-русски говоря, поиск средств на различные проекты), и создание местных экономических структур (иначе как обычный сельский мужик поймет, что быть ижором хорошо?). Кроме того, для такой программы нужны профессионалы, хорошо образованные национальные кадры, причем с национальной, а не с личной экономической идеей в голове. А время было трудное, рыболовецкий колхоз тогда почти разорился. Музей (о нем речь пойдет ниже) удалось сохранить благодаря его директору и временному переходу под крыло отдела культуры администрации Кингисеппского района. Почти вся национальная жизнь сойкинских ижор стала заключаться в музее: там все еще собирались ижорские старики. Но все реже и реже и все в меньшем числе.

Правда, еще пели. На основе давно существовавшего русского хора «Рыбачка» в клубе поселка Вистино была создана песенная девичья группа (см. цветную иллюстрацию XXXI). Сейчас новое поколение пришло в коллектив, и это дает надежду на то, что ижорские песни еще будут звучать в сойкинских деревнях.

Вспомнили и запели в клубе деревни Горки. Ансамбль называли «Шойкулан лалут» или, по-русски, «Сойкинские напевы» (см. цветную иллюстрацию XXX). Запели не только ижоры, но и русские, белорусы, украинцы — те, для которых Сойккола стала новой родиной. Поют великолепно, в районе их любят. Сшили настоящие сойкинские костюмы, возродили почти исчезнувшие кадрили.

В те же годы стараниями В.А. Пилли был создан небольшой краеведческий музей при библиотеке в пос.Б.Куземкино.

МУЗЕЙ

Идея создания Ижорского музея возникла еще в конце 1980-х годов, когда стало понятно, что только музей способен поддержать память исчезающего народа. Ситуация на то время была уникальной: сам народ решил создать музей собственной культуры как средство самосохранения. Решение о создании экспозиции было принято на собрании местного рыболовецкого колхоза «Балтика» в 1989 г. В 1992 г. колхоз отдал будущему музею деревянное здание бывшей начальной школы в поселке Вистино. И мы начали «делать» музей.

Директор Ижорского музея в пос. Вистино Наталья Чаевская

Мы — это местная жительница Наталья Чаевская (ныне — прекрасный директор, стараниями которой держится весь музей), Михаил Сметанин (в то время сотрудник областной Дирекции музеев), художник Владимир Зернов и я. Какое это было прекрасное время! Когда в твоих руках было всё и можно создавать было всё: от деревянных рамок до идей вторичной фольклоризации народа! Появилась реальная возможность «выплаты долга» своему народу. Но из чего? Я вспоминаю десятки пыльных чердаков, темные, затянутые паутиной чуланы, порой даже подозрительно выглядевшие свалки на окраинах огородов. И посеревшие бочки, и разошедшиеся кадки, и съёжившиеся сапоги, и старые пыльные одежды, и развешанные на балках запутанные сети, и многое-многое другое.

«Можно? — А зачем? — В музей. — А кому это надо? — Вам. — А зачем? Это никому не надо». Так было в начале.

1 октября 1993 года музей открылся. Люди шли и не узнавали ни свои, казалось прежде ненужные вещи, ни своих отцов и прабабок, устало смотревших на них со старых фотографий, не понимая, что их давнее прошлое велико, а недавнее — прекрасно. Я видела, как менялись их лица, а потом и мысли. Еще в 1980-х годах ответом на вопрос о национальности обычно служили слова: «Отец у меня, к сожалению, ижор, мать — тоже ижорка, Но я — русская!» теперь же слово «ижор» начинало звучать с гордостью. Такого результата не ожидал никто: можно было увидеть своими глазами возникновение национального самоуважения. Один небольшой сельский музей (пусть даже очень хороший — это не мои слова), тысяча старых вещей и фотографий начали менять статус народа. Кроме того, на долгое время именно Ижорский музей стал центром «пропаганды» истории и культуры ижор: сотни людей из России, Эстонии (и даже индейцы с Аппалачских гор!) приезжали туда, и, удивленные необычностью ижорских костюмов, красотой сойкинских холмов и радушием местных жителей, возвращались по несколько раз.

НАШИ ДНИ

К началу нового столетия общественная активность ижор во многом передвинулась в Петербург — именно там начало формироваться новое поколение ижор, осознавших значимость и уникальность истории и культуры своего народа. При этом главной идеей стало «национальное» просветительство — такая концепция развития народной культуры стала оформляться еще в XIX в. Тогда в Финляндии, стремившейся к культурному и национальному самоопределению, был сформулирован главный лозунг национального возрождения: «Выжить может

только образованный народ!». Таких же идей стали придерживаться и лидеры возрождения ливов — когда в Латвии осталось всего два десятка людей, помнящих язык этого древнего прибалтийско-финского народа, именно интеллигенция с ливскими «корнями» приложила все усилия для возрождения ливов (была создана воскресная школа, напечатаны книги, созданы фольклорные группы, стали проводиться ливские праздники). И благодаря их усилиям ливы стали важной составляющей сегодняшней истории Латвии.

Сходные процессы начали происходить и среди ижор. В 2000 г. было создано Общество ижоры и води. В 2002 г. — образован Центр коренных народов. У этих национальных обществ одна общая главная цель — сохранение и развитие культуры коренных народов Северо-Запада России (прежде всего — ижоры, води и ингерманландских финнов). В 2002 г. при Центре организована фольклорная группа коренных народов «Корпи» («Темный дальний лес»). В нее входят представители коренных народов, издавна живших на Северо-Западе России — ижоры, води, финнов и карел. Группа поет старинные ижорские песни, когда-то звучавшие в Ингерманландии — на землях от реки Нарвы до Ладожского озера, от реки Сестры и до реки Луги. Руны о сотворении мира и свадебные песни, полевые запевки и песни вечерних гуляний, записанные в XIX — начале XX веков. В 2005 г. фольклорная группа выпустила профессиональный музыкальный диск «Inkerin kaiku», включающий 17 старинных песен ижор и финнов Ингерманландии. Фольклорная группа «Корпи» выступала более 120 раз. Ее гастролы проходили как в России (в Москве, С.-Петербурге, Петрозаводске, Твери), так и за рубежом (в Эстонии, Финляндии). Фольклорная группа является неоднократным лауреатом международных и российских фольклорных конкурсов и фестивалей. Фольклорная группа «Корпи» исполняет как старинные народные песни так называемой калевальской метрики, так и деревенские песни начала XX в. в настоящем народном варианте, в аутентичном исполнении, на диалектах тех деревень, где они были записаны собирателями.

В 2007 г. в группу «Корпи» пришло новое поколение ижор, сильное, молодое, по-новому заинтересованное в возрождении уникальной культуры своего народа.

В конце 2006 г. руками самих ижор (вместе с вожаками и ингерманландскими финнами) был построен мобильный Музей коренных народов Петербургской земли, где собраны материалы, фотографии и старинные ижорские вещи — этот музей будет развезать по деревням и городам. Сейчас мобильный музей работает в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого — знаменитой Петровской Кунсткамере.

Постоянно действует учебный семинар по народному костюму. Группа реконструкции на основе исследовательской работы в музеях России, Эстонии

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

МУЗЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЗЕМЛИ

Плакат об открытии Музея коренных народов Петербургской земли
в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук. Февраль 2007 г.

и Финляндии создает точные копии сохранившихся ижорских костюмов (некоторые костюмы в настоящее время представлены в «Музее коренных народов Петербургской земли» в Кунсткамере) и проводит обучение всех желающих. Группа готовит общедоступные издания по народной ижорской вышивке, изготовлению старинных поясов и народных костюмов. Разработана и особая программа для детей «Народные куклы коренных народов Северо-Запада России». Постоянно проводятся консультации для народных мастеров, клубных работников и учителей.

Молодежная фотогруппа Центра проводит большую работу по созданию национального фотоархива и активную выставочную деятельность: В 2006 г. открыта концептуальная фотовыставка «Национальные Вещества» в Институте Финляндии, Петербургском Обществе ингерманландских финнов и Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Подготовлена и открыта в Санкт-Петербургском Доме национальностей (2007–

Национальная фотогруппа Центра коренных народов. 2007 г.

2008 гг.) фотовыставка «Главный перекресток» (о связи города и коренных народов и судьбах ижор, води и финнов). В 2008 г. организована выставка «До-Петроглифы», где воссозданные древние народные вышивки соседствуют с этнофутуристическими фотографиями. При содействии Центра совместно с киностудией «Этнос» создан документальный фильм «Ижоры: приносил им песни ветер».

Одной из основных задач Центра является обязательное распространение всех имеющихся знаний об истории и культуре коренных народов Северо-Запада России посредством различных изданий. Изданы научно-популярные книги «Водь: Краткий очерк истории и культуры», «Фольклор и народные праздники ижоры», подготовлены к изданию книги «Водь. Очерки истории и культуры», «Ижора. История и культура», готовятся к изданию книги «Народный костюм води и ижоры», «Народная вышивка ижор и води», «Песни ижоры и води», «Тексты для чтения на ижорском языке», «Тексты для чтения на водском языке», «Кресты в Ингерманландии», «Окна в Ингерманландии» и др. Вся подготовка изданий ведется совместно с научными сотрудниками академических институтов Российской Академии наук, таких как Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Институт лингвистических исследований, Институт истории материальной культуры.

Регулярно читаются лекции и проводятся семинары по истории и культуре коренных народов Ленинградской области в школах, институтах, домах культуры и сельских клубах Ленинградской области и Санкт-Петербурга.

В 2008-2009 гг. на территории проживания ижоры и води проводится широкая учебная программа «Мобильная национальная школа», где все заинтересованные прослушают полный курс лекций по истории и культуре коренных народов Ленинградской области и получат навыки народных ремесел и фольклора.

В 2005 г. в Сойкинском сельском поселении была основана община малочисленного народа ижор «Шойкула». Община представляет собой форму самоорганизации не только ижор, но и лиц, не относящихся к малочисленным народам, но постоянно проживающих в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности ижор, объединенных по территориально-соседскому признаку. Община действует на территории Сойкинского административного округа Кингисеппского района Ленинградской области. Она объединяет около 100 человек, и ижор по происхождению, и тех, кто родился и вырос на сойкинской земле. По принятому в 2005 г. Уставу, основными целями Общины являются, прежде всего, охрана среды обитания и экосистемы Сойкинского полуострова (сохранение, возрождение и развитие рыболовства, переработка и реализация

продукции традиционных отраслей (рыболовства)). Также Община стремится к сохранению ижорской истории, культуры, языка, традиций, этнографии, фольклора и содействует изучению наследия ижор.

УМИРАЕТ ЛИ НАДЕЖДА?

Старики уходят в уже забытую ими ижорскую страну мертвых Калму. Ижорский язык как культурный слой древнего исчезнувшего царства, отложенный в кое-где сохранившихся ижорских учебниках 1930-х годов, в ученых статьях и словарях, лишь изредка золотой пылью взлетает над ижорскими деревнями. Ижорские песни разучивают как высочайшие образцы древнего финского пения в Академии Сибелиуса в Финляндии, но их уже почти не слышно на прибрежных холмах. Кажется, все как песок уходит сквозь пальцы. Но есть хорошее при словье: «Смерть не все берет, лишь свое берет».

Что она взяла, мы знаем. А что не взяла? Не взяла страсть человека к самопознанию, вечное стремление многих ответить на вопрос: кто я? Откуда? И зачем живу? Не взяла порой чрезмерную страсть к самоопределению, потому что всегда это самоопределение дает устойчивость и внутреннюю силу. Потому что мы держимся за наше прошлое, как единственно достоверное (см. цветную иллюстрацию XXXII).

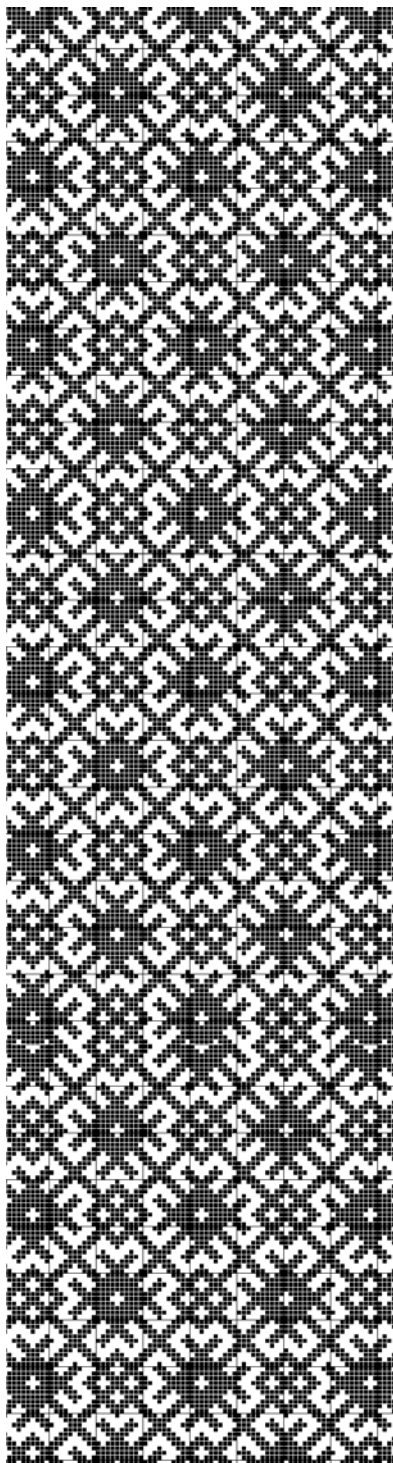
Собирается новое поколение. Почти не знающее язык, почти не помнящее своей истории, почти не умеющее жить как народ. Откуда идет эта вторая национальная волна, волна «потомков»?

Спросите себя, изменилась ли бы ваша жизнь, стали бы вы иначе думать и оценивать свои и чужие поступки, если бы узнали, к примеру, что вы — прямой потомок царя? Я думаю, все изменилось бы колоссально: вы бы иначе стали смотреть на себя в зеркало, у вас стала бы другая походка, вы бы ходили в музей и всматривались в потускневшие лица императоров, и вы бы стремились изменить что-то в вашей по-новому бесценной жизни.

Это важно знать, что прошлое твоего рода велико. Отблеск этой славы светится и на твоём лице. Нам необходимо знать, кто стоит за нашей спиной, чья многовековая мудрость и талант случайно (а, может, и нет) сконцентрировалась в нас. Мы ищем своего царя. Мы ищем ижору внутри нас.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Габе Р.М. Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградской области // Западно-финский сборник. Л., 1930. С. 107-162.

Гаген-Торн Н.И. О «бабьем празднике» у ижор (Ленинградского района) // Этнография. М., Л., 1930. № 3. С. 69-79.

Гадзяцкий С.С. Вотская и Ижорская земля Новгородского государства // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 100-148.

Гадзяцкий С.С. Ижорская земля в начале XVII в. // Исторические записки № 21. М., 1947.

Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопримечательностей. Ч. 1. СПб., 1776.

Дубов В.С. Лингвистическая работа среди ижор // Советская этнография. 1931. № 1-2. С. 184-185.

Золотарев Д.А. У ижор // Труды Ленинградского Общества изучения местного края. Т. 1. Л., 1927.

Ингерманландская эпическая поэзия: Антология / Сост. Э.Киуру. Петрозаводск, 1990.

Кеппен П. Селения, обитаемые ижорами С.-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и II отделениям. Т.6. СПб., 1849. С. 112-222.

Киуру Э.С., Шлыгина Н.В. Ижора // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Конькова О.И. Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 74-77.

Конькова О.И. Ижора // Мы живем на одной земле: Население Петербурга и Ленинградской области. СПб., 1992. С. 89-109.

Конькова О.И. Предварительные выводы по этнической истории ижоры // Материалы полевых этнографических исследований 1988-1989 гг. СПб., 1992. С. 164-175.

Конькова О.И. Ижора и Корела. Проблемы ранней дифференциации // Русский Север. К проблемам локальных групп. СПб., 1995. С. 43-62.

Конькова О.И. Ингерманландская историко-культурная зона в свете данных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 188-231.

Крюков А. Ижоры Карельского перешейка в XX веке // «Нет родной сторонки краше...». Сборник статей и материалов научно-просветительской конференции, посвященной 170-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины великой ижорской сказительницы Ларин Параске (1834-1904). СПб., 2006. С. 62-92.

Крюков А.В. О фамилиях води и ижор // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007.

Лаанест А. Ижорские диалекты. Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.

Лаанест А.Х. Историческая фонетика и морфология ижорского языка. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тарту, 1978.

Моора Х.А., Моора А.Х. Из этнической истории води и ижоры // Slaavi-läänemeresoome suhete ajaloost. Tallinn, 1965- LK-63-90.

Народные песни Ингерманландии. Издание подгот. Э. Киуру, Т. Коски, Э. Кюльмясуу. Л., 1974.

Прыткова Н.Ф. Одежда ижор и води // Западнофинский сборник, Л., 1930. С. 306-340.

Рябинин Е.А. Средневековая ижора (Итоги и перспективы исследования) // Финно-угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов. Сыктывкар, 1986. С. 27-40.

Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

Селицкая И.А. Библиография литературы на ижорском языке // Советское финно-угроведение. LU. I-X, Tallinn, 1965. № 4. LK. 302-305.

Федоров И.Т. Расселение ижоры в XIX-XX веках // Советская этнография. 1983. № 5. М., 1983.

Шлыгина Н.В. Роль хозяйственных занятий в ассимиляции водско-ижорского населения в конце XIX — начале XX века // Советская этнография. 1965. № 4. С. 55-65.

Шлыгина Н.В. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986. С. 208-228.

Ariste P. Isuri keelest // Emakeele Seltsi aastaraamat. Tallinn, 1956.

Ariste P. Isuri keelnäited // Keele ja Kirjandus instituudi uurimised. Saria V. Tallinn, 1960.

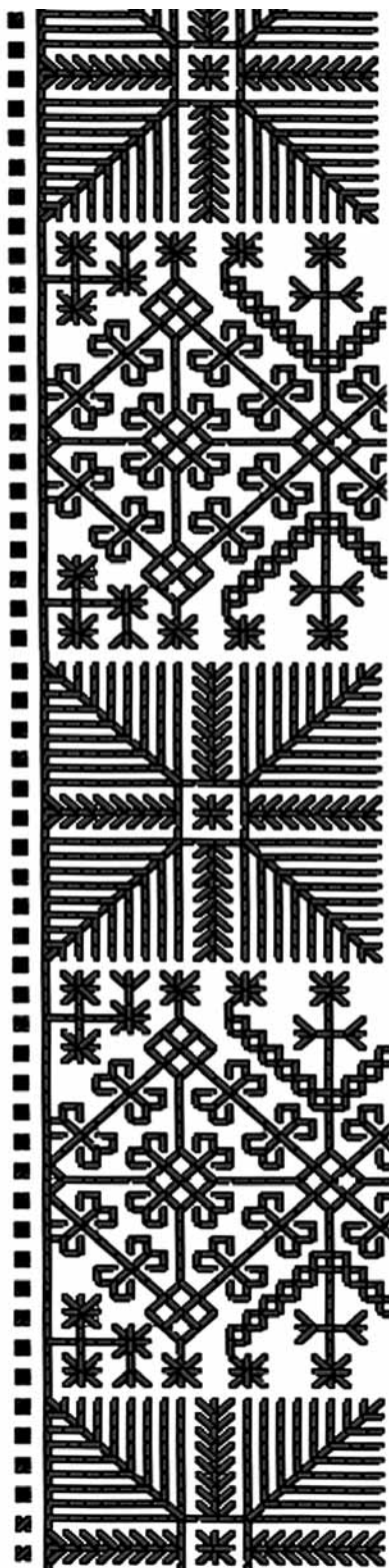
Laanest A. Isuri murdetekste. Tallinn, 1966.

Õpik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970.

Дети Ингерманландии. Фотография А.Отти. 1994 г.

ССЫЛКИ

¹ *Долуханов П.М.* История Балтики. М., 1969.

² *Huurre M.* 9000 vuotta Suomen esihistoria. Helsinki, 1969. S. 18-20.

³ *Земляков Б.Ф.* О следах каменного в. в районе северного побережья невиской губы // Экскурсионное дело № 2. [Петроград]. 1922.

⁴ *Viipurin läänin historia I.* Karjalan synty. Toim. Matti Saarnisto. Jyväskylä, 2003. S. 216.

⁵ *Тимофеев В.И.* Новые находки мезолита и раннего металла в Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985; Он же. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993

⁶ *Тимофеев В.И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993.

⁷ История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Таллин, 1952. С. 7.

⁸ *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. №87. М., 1961.

⁹ *Седов В.В.* Прибалтийские финны // Финны в Европе VI-XV века. М., 1990.

¹⁰ *Земляков Б.Ф.* О следах каменного в. в районе северного побережья невиской губы // Экскурсионное дело № 2. [Петроград]. 1922; Он же. Доистори-

ческий человек Северо-Западной области в связи с геологией в послеледниковое время // Доклады АН СССР. №5. М., 1928; Он же. Неолитическая стоянка в Лахте // Естествознание в школе. 1928. №4.

¹¹ *Гамченко С.С.* Исследования сестрорецких курганов в 1908 г. // Зап. отд. русск. и слав. археологии Русск. археолог. общества. IX. СПб., 1913.

¹² МАЭ. Коллекция 2614.

¹³ *Динцес Л.А.* Неолитическая стоянка в Токсово // Отделение Ленинградского окружного общества краеведения на финско-ладожском перешейке. Л., 1929.

¹⁴ *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М., 1961.

¹⁵ *Руденко С.Н.* Опыт применения методов естественных наук к исследованию неолитических памятников // Доклады отделений и комиссий Географического Общества СССР. Л., 1970.

¹⁶ *Тимофеев В.И.* Новые находки мезолита и раннего металла в Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.

¹⁷ *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М., 1961.

¹⁸ *Эфендиев Э.Ф., Петренко В.П., Тимофеев В.И.* Неолитическое местонахождение Венкуль в низовьях р. Наровы // Нарва, Ивангород, Принаровье: Взаимодействие культур: История и археология. Нарва, 1989.

¹⁹ НМ 5627:3-4.

²⁰ Очерк истории Кингисеппского уезда и города Кингисеппа (бывшего Ямбурга). Кингисепп, 1924.

²¹ *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. №87. М., 1961.

²² *Vasmer M.* Beiträge zur historicshen Völkerkunde Osteuropas: 2. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in der heutigen slavischen Ländern // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften Philosophisch-historische Klasse. Berlin, 1934.

²³ НМ 9229: I-II.

²⁴ *Hackman A.* Ett fornfynd på Tytärsaari i Finska viken // Kaukomieli. 1910. № IX.

²⁵ *Meinander K.F.* Eine steinzeitliche Schangenfigur aus der Gegend von Narv // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja № 58. Helsinki, 1954; *Моора Х.А.* Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1965.

²⁶ *Гурина Н.Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. № 87. М., 1961.

²⁷ Тимофеев В.И. Новые находки мезолита и раннего металла в Ленинградской области // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.

²⁸ Гурина Н.Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. №87. М., 1961. Рис.176, 2.

²⁹ Тимофеев В.И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб., 1993.

³⁰ Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 1. М., 1969.

³¹ Рябинин Е.А. Об исследовании средневековых могильников воды в Ленинградской области / Известия Академии наук Эстонской ССР. 36/4 Таллин, 1987. С. 410.

³² Tallgren A.M. The Prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XII. Helsinki. 1938. S. 97.

³³ Сорокин П.Е., Шаров О.В. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 170-171.

³⁴ Carpelan C. Katsaus saamelaisten esihistorian Suomen väestön esihistorialliset juuret // Bidrag till Kännedom av Finlands nature och folk. 1984. № 131.

³⁵ Сало У. Хяме и Сатакунта. // Финны в Европе VI-XV века. Вып. I. М., 1990. С. 67.

³⁶ Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.

³⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 150, 265.

³⁸ Sjögren A.I. Über die finnische Bevölkerung der St.-Petersburgischen Gouvernements und den Ursprung des Namens Ingermanlands. SPb., 1833.

³⁹ Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 32.

⁴⁰ Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 21, 22.

⁴¹ Laanest A. Isuri keele: Ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn, 1986. Lk. 158.

⁴² Nirvi R.E. Inkeröismurteiden asema // Kalevalaseuran Vuosikirja. № 41. Porvoo, Helsinki. 1961. S. 99-132.

⁴³ Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Bysantin ja Venäjän yhteyksistä keskiajan Karjalaan. Rauma, 1963. S. 25.

⁴⁴ Kirkinen H. Karjala idän ja lännen välissä. Helsinki, 1970. S. 15, 16.

⁴⁵ Моора Х.А., Моора А. Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийских отношений. Таллин, 1965. С. 70.

⁴⁶ Tallgren A.M. Inkerinmaan muinaisasutuksesta // Suomalainen Tiedeakatemia. Esitelmät ja pöytäkirjat: 1937. Helsinki, 1937. S. 57.

⁴⁷ Моора Х.А., Моора А.Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийских отношений. Таллин, 1965. С. 70.

⁴⁸ Kennen П. Селения, обитаемые ижорами С.-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и II отделениям. Т. 6. СПб., 1849. С. 112-222.

⁴⁹ Nissilä V. Inkeri-nimen etymologioista // Kalevalaseuran vuosikirjä. 41. Porvoo-Helsinki, 1961. S. 133; Моора Х.А., Моора А.Х. Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийских отношений. Таллин, 1965. С. 69.

⁵⁰ Попов А.Н. Названия народов СССР: Введение в этнонимистику. Л., 1973. С. 90; Мачинский Д.А. О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «Русь» (VIII — XI вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л. 1990. С. 115.

⁵¹ Mägiste J. Ingeri murded // Eesti Entsüklopedia. III. Tartu, 1934.

⁵² Приношу глубокую благодарность Арво Сурво за личное обсуждение этой темы.

⁵³ Tallgren A.M. The Prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XII. Helsinki. 1938. S. 102, 107.

⁵⁴ Донесение А.М.Раевской о раскопке в урочище Черная // Известия Общества Любителей естествознания, археологии и этнографии. Т. XX. 1875. С. 31-33.

⁵⁵ Tallgren A.M. Die russische und asiatische archeologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finlands // Eurasia Septentrionalis Antiqua. VI. Helsinki. 1928. S. 162-164.

⁵⁶ Tallgren A.M. The Prehistory of Ingria // Eurasia Septentrionalis Antiqua. XII. Helsinki. 1938. S.102.

⁵⁷ Отчеты Археологической комиссии за 1904 год. СПб, 1907. С. 105; Репников Н.И. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. II. СПб, 1915. С. 40,41.

⁵⁸ Сведения любезно предоставлены автором раскопок В.И. Кильдюшевским.

⁵⁹ Равдоникас В.И. 1932. С. 22-39

⁶⁰ Рябинин Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997. С. 70-71.

⁶¹ За предоставленные сведения приношу глубокую благодарность П.Сорокину.

⁶² Репников Н.И. Разведки и раскопки в Тихвинском и Шлиссельбургском уездах // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. II. СПб., 1915.

⁶³ Сведения о городищах и курганах С.-Петербургской губернии. 1874 // Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1874 г. СПб., 1874.

⁶⁴ Полевые исследования автора.

⁶⁵ *Седов В.В.* Этнический состав населения Северо-Западных земель Великого Новгорода (IX — XIV вв.) // Советская Археология № 18. М., 1953. С. 202.

⁶⁶ *Тыниссон Э.Ю.* Отчет о разведке ижорских и водских погребальных памятников в северо-западной части Ленинградской области в 1963 г. // Архив института археологии АН СССР. Р. I, д. 2661. С. 3-9.

⁶⁷ *Конькова О.И.* Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985; она же. Исследования средневековых ижорских могильников: Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л., 1990.

⁶⁸ Национальный Музей Финляндии. Топографический архив. 5668: 5-8.

⁶⁹ *Петренко В.П.* Разведка в западных районах Ленинградской области // Археологические Открытия. 1982. М., 1984. С. 27.

⁷⁰ *Рябинин Е.А.* 1986 Средневековая ижора (итоги и перспективы исследования) // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар. 1986. С. 63.

⁷¹ Полевые материалы автора.

⁷² Материалы исследований западно-ижорских могильников представлены в следующих работах: *Конькова О.И.* 1) Ижорские могильники // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1995. С. 74-76; 2) Исследования ижорских средневековых могильников: Итоги и перспективы // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы. Л., 1990. С. 31, 34; 3) Предварительные выводы по этнической истории ижоры // Материалы полевых этнографических исследований 1988 — 1989 гг. СПб., 1992. С. 164-175.

⁷³ *Конькова О.И.* Ижора и Корела. Проблемы ранней дифференциации // Русский Север. К проблемам локальных групп. СПб., 1995. С. 46-50.

⁷⁴ Приношу благодарность В.И.Потину за определение монет из раскопок западно-ижорских могильников.

⁷⁵ *Кеппен П.И.* Хронологический указатель для истории инородцев европейской России. СПб., 1861. С. 81-82.

⁷⁶ *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.-Л., 1938. С. 222.

⁷⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 65.

⁷⁸ Полное собрание русских летописей. Т.XV. Псковская вторая летопись. СПб., 1851. С.3.

⁷⁹ Изборник: Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 329-330.

⁸⁰ *Гадзяцкий С.С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. Т.6. М., 1940. С. 130.

⁸¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 68.

⁸² Там же. С. 89, 95.

⁸³ Там же. С. 89.

⁸⁴ *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб, 2001. С. 10-21.

⁸⁵ *Гадзяцкий С.С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 128-129; *Попов А.И.* Названия народов СССР: Введение в этнонимистику. Л., 1973. С. 90.

⁸⁶ Напр.: *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб, 1997. С. 63-64.

⁸⁷ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке. СПб.1853. С. 66.

⁸⁸ *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб, 1997. С. 20.

⁸⁹ Новгородские писцовые книги. Т.III: Переписная оброчная книга 1500 года (первая половина). СПб, 1868. Стлб. 494-569, 879-933.

⁹⁰ *Немиров Г.А.* Петербург до его основания. Очерк истории р. Невы и местности нынешнего Петербурга до 1703 года. Ч. 1. СПб., 1888. С. 19.

⁹¹ *Рябинин Е.А.* Водь // Финны в Европе. VI-XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. М., 1990. С. 18.

⁹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 78.

⁹³ Новгородские писцовые книги...1868.Стлб. 497, 504, 551, 539, 505, 518.

⁹⁴ Там же. Стлб. 675.

⁹⁵ Там же. Стлб. 625, 627, 633.

⁹⁶ Там же. Стлб. 370, 383, 404, 405, 333, 332.

⁹⁷ *Manninen I.* Kreevini rahvariie ja selle ethnograafilise sugulus // Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat. I. Tartu. 1925. Lk. 128-133.

⁹⁸ Полное собрание русских летописей. Т.VI. С.217.

⁹⁹ *Генрих Латвийский...* 1938. С. 222.

¹⁰⁰ Новгородская первая...1950. С. 78.

¹⁰¹ *Алексеев Ю.Г.* Водская пятина // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 205.

¹⁰² *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. М., 1955. С.115; *Алексеев Ю.Г.* Водская пятина // Аг-

рарная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 205 (табл.).

¹⁰³ *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. С. 67-78.

¹⁰⁴ Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. XI. М., 1851. С. 345.

¹⁰⁵ *Алексеев Ю.Г.* Водская пятина...1971. С. 203 (табл.).

¹⁰⁶ *Кашин В.Н.* Крестьянская железоделательная промышленность на побережье Финского залива по писцовым книгам 1500-1505 гг. // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 4.1934. С. 29.

¹⁰⁷ Новгородские Писцовые книги...1868. Стлб. 502, 503, 513, 517, 522, 525, 549, 906, 907, 909, 914, 915, 918, 919, 922, 929, 931.

¹⁰⁸ *Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65. М.Л., 1959. С. 10.

¹⁰⁹ Там же. С. 10,16.

¹¹⁰ Окладная книга Вотской пятины второй половины 1500 г. // Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. XI. М., 1851. С. 116, 141.

¹¹¹ Окладная книга... 1851. С. 450, 461.

¹¹² Suomen Kansan vanhat runot.III. Helsinki, 1908-1948. № 1224.

¹¹³ *Напиерский К.* Грамоты, касающиеся до сношений Северо- западной России с Ригию и Ганзейскими городами. СПб., 1857. № 1а.

¹¹⁴ *Гадзяцкий С.С.* Вотская и Ижорская земля Новгородского государства // Исторические записки. № 6. М., 1940. С. 134.

¹¹⁵ *Гиппинг А.И.* Сборник документов, касающихся истории Невы и Ниеншанца. Петроград, 1916. С. 159, 160.

¹¹⁶ *Сербина К.И.* Крестьянские промыслы Северо-Западной России в конце XV — начале XVI вв. // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI веков. Л., 1971. С. 310-312.

¹¹⁷ *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. С. 211-225.

¹¹⁸ *Данилова Л.В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. М., 1955. С.100.

¹¹⁹ *Tawaststjerna W.* Pohjoismainen viisikolmattavuotinen sota vuosinen 1570 ja 1590 välinen aika. Helsinki. 1918-1920.

¹²⁰ *Kuujo E.* Inkerin kaiheita keskiajalta 1700-luvun loppuun // Inkerin Suomalaisten historia. Jyväskylä. 1969. S. 62.

¹²¹ *Mikkola J.J.* Inkerinmaan kreikanuskoisten käännätyksestä vuosina 1683-1700 // Historiallinen Arkisto. XXXIX.5. Helsinki, 1932. S. 26-31.

¹²² *Андреев А.И.* Грамота 1685 года царей Иоанна и Петра Алексеевича шведскому королю Карлу XI // Летопись занятий Археографической Комиссии. XXXIII, Л. 1926.

¹²³ *Kuujo E.* Inkerin kaiheita keskiajalta 1700-luvun loppuun // Inkerin Suomalaisten historia. Jyväskylä. 1969. S. 66-69.

¹²⁴ *Öhlander C.* Om den svenska Kyrkoreformationen uti Ingermanland (ett bidrag till svenska kyrkans historia åren 1617-1704). Uppsala, 1900. B. 199-200.

¹²⁵ *Mikkola J.J.* Inkerinmaan kreikanuskoisten käännätyksestä vuosina 1683-1700 // Historiallinen Arkisto. XXXIX.5. Helsinki, 1932. S. 23, 29.

¹²⁶ *Гадзяцкий С.С.* Ижорская земля в начале XVII в. // Исторические записки № 21. М., 1947. С. 5.

¹²⁷ *Kuujo E.* Inkerin kaiheita keskiajalta 1700-luvun loppuun // Inkerin Suomalaisten historia. Jyväskylä. 1969. S.60.

¹²⁸ *Salminen V.* Inkerinmaan karjalaiset // Karjalan Kiriöpetatud Eesti Seltsi Kirjad. XXX. Tartu. 1938. Lukija. Porvoo-Helsinki. 1932. S. 545.

¹²⁹ *Гуннинг А.И.* Нева и Ниеншанц. Ч. I-II. СПб., 1909. С. 7.

¹³⁰ Акты, собранные в Библиотеках и Архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской Академии наук. Т. III. СПб., 1836.

¹³¹ *Warmholtz C.* Bibliotheca Historica Sueo-Gothica. Т. 9. Köpenhamn, 1966-1968. B. 140.

¹³² *Салохеймо В.* Рождение Тверской Карелии // Прибалтийско-финские народы. Истории и судьбы родственных народов. Ювяскюля, 1995. С. 460-462.

¹³³ Государственный Архив Швеции. Фонд «Moskovitica». Т. 92.

¹³⁴ *Haltsonen S.* Suomalaiset Inkeriä asuttamassa // Suomalainen Suomi. 1941. S. 290.

¹³⁵ *Kensy C.* Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000. С. 97.

¹³⁶ *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб, 2001. С. 52-58.

¹³⁷ Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969.

¹³⁸ *Mikkola J.J.* Inkerinmaan kreikanuskoisten käännätyksestä vuosina 1683-1700 // Historiallinen Arkisto. XXXIX.5. Helsinki, 1932. S. 23-29.

¹³⁹ Inkerin suomalaisten historia. Jyväskylä, 1969.

¹⁴⁰ *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. 700 лет поселению на Неве. СПб, 2001. С. 96.

¹⁴¹ История Северной войны. 1700-1721. М., 1987. С. 59-77.

¹⁴² Карело-финский народный эпос. Книга I. М., 1994. С. 452.

¹⁴³ *Троицкий С.М.* О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 118-119.

¹⁴⁴ *Salminen V.* Inkerin runonlaulajat ja tietäjät // Suomen kansan vanhat runot. Osa V 3. 1931. S. 597.

¹⁴⁵ *Inkerin suomalaisten historia.* Jyväskylä, 1969.

¹⁴⁶ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990. С. 96-97.

¹⁴⁷ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. СПб., 1776.

¹⁴⁸ Топографическое описание С.-Петербургской губернии // Центральный государственный архив. Военный ученый архив. Дело. 18999.

¹⁴⁹ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970.

¹⁵⁰ *Sjögren A.J.* Ueber die finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland. SPb., 1833.

¹⁵¹ *Sjögren A.J.* Bericht über eine im Auftrage der russischen geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene Reise zur genauen Untersuchung der Reste der Liwen und Krewingen // Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg. I. Bd., Weimar. 1849. B. 453-605.

¹⁵² *Кеппен П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861.

¹⁵³ Ethnographische Karte des Sankt-Peterburgischen Gouvernements, angefertigt und erläutert vom Akademiker Dr. P. v. Koeppen // Memories, Sc. Politiques etc. T. VIII. SPb., 1849; Кеппен П. фон. Селения, обитаемые ижорами в Санкт-Петербургской губернии // Ученые записки Императорской Академии наук по I и III отделениям. Т. 2. Вып. 3. СПб., 1854. С. 412-422; *Köppen P.* 1867. Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements. St. Petersburg. 1867.

¹⁵⁴ Донесение А.М.Раевской о раскопке в урочище Черном // Известия Общества Любителей естествознания, археологии и этнографии. Т. XX. СПб., 1875. С. 31-33.

¹⁵⁵ *Федоров И.Т.* Расселение ижоры в XIX-XX веках // Советская этнография. 1983. №5. М., 1983. С. 97-104.

¹⁵⁶ Материалы по статистике народного хозяйства С.-Петербургской губернии. В. I. Петергофский уезд. СПб., 1882; Материалы по... В. II. Шлиссельбургский уезд. СПб., 1885; Материалы по.... В. III. Ямбургский уезд. СПб., 1885; Ма-

териалы по.... В. V, Ч. II. С.-Петербургский уезд. СПб., 1887; Материалы по.... В. III. Царскосельский уезд. СПб., 1892.

¹⁵⁷ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 1-10.; СПб., 1869-1885.

¹⁵⁸ Материалы переписи населения Ленинградской области 1926 г. Архив РАН, ф. 135, оп. 3, д. 90.

¹⁵⁹ Полевые материалы автора: Мельникова Матрена Тимофеевна, 1901 г.р. из д. Софолово (Sohvola), Лайтинен Мария Петровна, 1900 г.р. из д. Кюляятка I (Miskumäki), Иванов Семен Николаевич, 1902 г.р. из д. Ненямяки.

¹⁶⁰ Материалы по статистике... В. III. Ямбургский уезд. СПб., 1885. С. 12.

¹⁶¹ *Кривошеев Е.П.* Нарва-Йыэсуу (историко-краеведческий очерк). Таллин, 1973. С. 9.

¹⁶² Исторические сведения по С.-Петербургской епархии за 1885 год. В. 10. С. 310.

¹⁶³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб, 1903. С. 92.

¹⁶⁴ *Золотарев Д.А.* Этнический состав населения Северо-Западной Области и Карельской АССР. Л., 1926. С. 32-51.

¹⁶⁵ *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX веке. СПб., 2004. С. 174.

¹⁶⁶ Там же. С. 146-147.

¹⁶⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Народность и родной язык. М., 1928. С. 12.

¹⁶⁸ *Nevalainen P.* Inkeriläiset exoduksessa 1900-luvulla // Dokumentteja Inkerinmaalta. Joensuu, 1990. S. 83-84.

¹⁶⁹ *Смирнова Т.М.* Национальность — питерские. Национальные меньшинства Петербурга и Ленинградской области в XX в. СПб., 2002. С. 322, 401.

¹⁷⁰ *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX веке. СПб., 2004. С. 258.

¹⁷¹ *Миренков В.И.* Эстонско-финско-ижорский педагогический техникум — страница трагической истории ингерманландцев // Новый часовой. 2000. № 10. С.364.

¹⁷² *Nevalainen P.* Inkerinmaan ja inkeriläisten vaiheet 1900-luvulla // Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1992. S. 268.

¹⁷³ *Филатова Е.* Детство опаленное войной. СПб., 2003. С. 13-15.

¹⁷⁴ Там же. С. 18-20.

¹⁷⁵ Цит. По: *Мусаев В.И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX веке. СПб., 2004. С. 319.

¹⁷⁶ Там же. С. 319-320.

¹⁷⁷ Материалы Госкомстата; Итоги всесоюзной переписи населения 1989 года по Ленинграду и Ленинградской области. М., 1989. Табл. 57.

¹⁷⁸ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. М., 2004.

¹⁷⁹ *Ауль Ю.М.* Антропологические исследования води и ижорцев на западе Ленинградской области // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 155: Труды по антропологии. I. Тарту, 1964. С. 118-164.

¹⁸⁰ *Марк К.Ю.* Антропология прибалтийско-финских народов. Таллинн, 1975.

¹⁸¹ *Аксянова Г.А.* Финноязычные народы Север-Западной России по данным физической антропологии. Соматология // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С.22.

¹⁸² *Õpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk. 68, 79.

¹⁸³ Там же. Lk. 81.

¹⁸⁴ Там же. Lk. 85.

¹⁸⁵ *Конькова О.И.* Ижора // Мы живем на одной земле. Л., 1992. С. 94.

¹⁸⁶ Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 134.

¹⁸⁷ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. СПб., 1776.

¹⁸⁸ *Õpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk. 68-76.

¹⁸⁹ *Paulaharju S.* Hevaan inkeroispuku // Suomen Museo. N 12. Helsinki; *Manninen J.* Die Kleidung // Kansatietellinen Arkisto, 13:1; *Salminen K.* Inkerin naisten puvusto ja käsityöt runoissa kuvattuina // Kalevalaseuran Vuosikirja, N 11. Helsinki, 1931; *Salminen K.* Inkeroisten ja vatjalaisten hurstutvaate // Kalevalaseuran Vuosikirja, N 13. Helsinki, 1933.

¹⁹⁰ *Прыткова Н.В.* Одежда ижор и води // Западнофинский сборник. Л., 1930; Шлыгина Н.В. Архаические формы женской одежды води и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы. М, 1986.

¹⁹¹ Для описания одежды мы используем материалы, полученные нами в результате исследовательской работы с ижорскими коллекциями XIX-XX вв. из Музея Культур (г. Хельсинки) и Эстонского Народного Музея (г. Тарту).

¹⁹² Для описания комплекса с *ааннуа* мы используем материалы, полученные нами в результате исследовательской работы с ижорскими коллекциями XIX-XX вв. из Музея Культур (г. Хельсинки), данные И.-Г. Георги и Ф.Туманского.

¹⁹³ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. СПб., 1776. С.27.

¹⁹⁴ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk.73; *Paulaharju P.* Nevaan inkeroispuku // Suomen Museo. Helsinki, 1912. S. 40, 41.

¹⁹⁵ Для описания одежды северных ижор мы используем материалы, полученные нами в результате исследовательской работы с коллекциями XIX-XX вв. из приходов Рауту на Карельском перешейке из Национального Музея Финляндии (г. Хельсинки) и из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук (Санкт-Петербург).

¹⁹⁶ Для описания комплекса с *хурстод* мы используем материалы, полученные нами в результате исследовательской работы с ижорскими коллекциями XIX-XX вв. из Национального Музея Финляндии (г. Хельсинки) и Эстонского народного Музея (г. Тарту).

¹⁹⁷ Для описания сарафанного комплекса мы используем материалы, полученные нами в результате исследовательской работы с ижорскими коллекциями XIX-XX вв. из Музея Культур (г. Хельсинки), Эстонского народного Музея (г. Тарту) и Ижорского народного музея (пос. Вистино Кингисеппского района Ленинградской области).

¹⁹⁸ *Прыткова Н.Ф.* Одежда ижор и води // Западнофинский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. № 16. Л., 1930. С. 321.

¹⁹⁹ *Прыткова Н.Ф.* Одежда ижор и води // Западнофинский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. № 16. Л., 1930. С. 316.

²⁰⁰ *Прыткова Н.Ф.* Одежда ижор и води // Западнофинский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. № 16. Л., 1930. С. 335.

²⁰¹ Описание построек ижор в Западной Ингерманландии см.: *Габе Р.М.* Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Западнофинский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. № 16. Л., 1930. С. 107-162. Табл. I-XXXVIII.

²⁰² *Шлыгина Н.В.* Ижора: Хозяйственные занятия и материальная культура // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 597.

²⁰³ Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 90.

²⁰⁴ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. СПб., 1776. С. 26.

²⁰⁵ *Шлыгина Н.В.* Ижора: Хозяйственные занятия и материальная культура // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 597, 599.

²⁰⁶ *Шлыгина Н.В.* Роль хозяйственных занятий в ассимиляции водско-ижорского населения в конце XIX — начале XX века // Советская этнография. 1965. № 4. С. 55-65.

²⁰⁷ Глава написана, главным образом, на основе полевых исследований автора, проведенных среди ижор в 1979-2008 годах.

²⁰⁸ Полное собрание русских летописей. Т. XV. Псковская вторая летопись. СПб., 1851. С. 3.

²⁰⁹ *Кеппен П.* Водь и Водская пяттина // Журнал министерства народного просвещения. 1851. Июнь. LXX. Отд. II, кн. 1. СПб. С. 60, 62.

²¹⁰ *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л., 1978. С. 208.

²¹¹ *С.И.Кочуркина, А.М.Спиридонов, Т. Н. Джаксон.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 42-43.

²¹² Там же. С.47.

²¹³ *Inkerin suomalaisten historia.* Jyväskylä, 1969.

²¹⁴ *Кеппен П.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 81-82.

²¹⁵ *С.И. Кочуркина, А.М. Спиридонов, Т.Н. Джаксон.* Письменные известия о карелах. Петрозаводск, 1990. С. 60-64.

²¹⁶ Там же. С.67-72.

²¹⁷ *Väänänen K.* Kirkko Inkerinmaalla Ruotsin vallan aikana (n.1581-1704) // *Inkeri. Historia, kansa, kulturi.* Helsinki, 1992. S. 91-94.

²¹⁸ Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701 г. Журнал министерства внутренних дел. Вып. XXIX, № 8. СПб., 1838. С. 266.

²¹⁹ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. СПб., 1776. С. 29.

²²⁰ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten praasnikoista // *Suomalaisen kansanrunousseminaarin julkaisuja II.* Helsinki, 1912. S. 50-51.

²²¹ *Nirvi R.E.* Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971. S.43.

²²² Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 88.

²²³ Глава написана, главным образом, на основе полевых исследований автора, проведенных среди ижор в 1979-2008 годах.

²²⁴ *Lukkarinen J.* 1910-1911, nro. 1039 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклорный архив Общества финской литературы).

²²⁵ *Vanha Tuutari.* Tuntemattoman tekijän käsikirjoitus 19. vuosisadan alusta. Julk. Sulo Haltsonen // Suomi. 112:4. Helsinki, 1967. S.58.

²²⁶ Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 78.

²²⁷ *Salminen V.* Keinu eli liekki ja liekkuvirret. Kalevalaseuran Vuosikirja. 11. Helsinki, 1931. S. 33.

²²⁸ *Гаген-Торн Н.И.* О «бабьем празднике» у ижор (Ленинградского района) // Этнография. М.; Л., 1930. № 3. С. 69-79.

²²⁹ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. СПб., 1776. С. 29.

²³⁰ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten praasnikoista // Suomalaisen kansanrunousseminaarin julkaisuja II. Helsinki, 1912. S.50-51.

²³¹ *Haavio M.* Heilige Haine in Ingermanland // Folklore Fellows Communications. №189. Helsinki, 1963. S. 84-88.

²³² *Lukkarinen J.* Inkeriläisten praasnikoista // Suomalaisen kansanrunousseminaarin julkaisuja II. Helsinki, 1912.

²³³ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk.84.

²³⁴ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990. С. 175-176.

²³⁵ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten praasnikoista // Suomalaisen kansanrunousseminaarin julkaisuja II. Helsinki, 1912. S. 50-51.

²³⁶ *Haavio M.* 1936. №2795 // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kansanrunousarkisto (Фольклорный архив Общества финской литературы).

²³⁷ Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 84-85.

²³⁸ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk.76-79.

²³⁹ Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 117.

²⁴⁰ Там же. С.143.

²⁴¹ *Шлыгина Н.В.* Ижора: Обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 609-610.

²⁴² Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 143.

²⁴³ Подробнее см. *Конькова О.И.* Мужчина и женщина в жизни после смерти (Археолого-этнографические заметки о погребальном обряде у финноязычного населения Северо-Запада России) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. Сборник музея антропологии и этнографии. LII. С. 23-38.

- ²⁴⁴ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990. С. 140.
- ²⁴⁵ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk.111, 113.
- ²⁴⁶ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten vainajanpalveluksesta // Kansatieteellisiä Tutkielmia. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia XXXV. Helsinki, 1914. S.1.
- ²⁴⁷ *Nirvi R.E.* Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971. S.493-494.
- ²⁴⁸ *Nirvi R.E.* Inkeröismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971. S. 259.
- ²⁴⁹ *Karjalainen K.F.* Ugrilaisten uskonto. Porvoo, 1918. S. 121, 122.
- ²⁵⁰ *Päss E.* Death, Burial and Life beyond the Grave with the Estonian Ingers and the Votes // Õpetatud Eesti Seltsi aastaraamat. II. 1937. Lk. 233.
- ²⁵¹ *Спицын А.Л.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л.К.Ивановского // Материалы по археологии России. № 20. 1896. С. 11.
- ²⁵² *Lukkarinen J.* Inkeriläisten vainajanpalveluksesta // Kansatieteellisiä Tutkielmia. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia XXXV. Helsinki, 1914. S. 2.
- ²⁵³ Ibid. S. 7, 8.
- ²⁵⁴ *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. I. СПб., 1776. С. 25.
- ²⁵⁵ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten vainajanpalveluksesta // Kansatieteellisiä Tutkielmia. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia XXXV. Helsinki, 1914. S.9-11.
- ²⁵⁶ *Porkka V.* Inkerin itkuvirsistä // Valvoja. Helsinki, 1883. S. 255-256.
- ²⁵⁷ *Lukkarinen J.* Inkeriläisten vainajanpalveluksesta // Kansatieteellisiä Tutkielmia. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia XXXV. Helsinki, 1914. S.11.
- ²⁵⁸ Ibid. S.3.
- ²⁵⁹ *Sjögren A.J.* Ueber die finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland. SPb., 1833.
- ²⁶⁰ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990. С. 17-18.
- ²⁶¹ *Salminen V.* Inkerin runonlaulajat ja tietäjät // Suomen kansan vanhat runot. Osa V 3. 1931.
- ²⁶² Suomen Kansan sävelmiä. Neljäs jakso: Runosävelmiä. I. Inkerin runosävelmät. Julkaisi Armas Launis. Helsinki, 1910.
- ²⁶³ Vадja ja isuri rahvalaule. Tallinna Heliplaadistuudio 1979.
- ²⁶⁴ Эти записи хранятся в Фоноархиве Карельского научного Центра РАН (г. Петрозаводск).
- ²⁶⁵ Народные песни Ингерманландии. Л.,1974.
- ²⁶⁶ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990.

²⁶⁷ Там же. С.94.

²⁶⁸ Näin lauloi Larin Paraske. Toim. S. Timonen. Helsinki, 1980; *Карху Э.Г.* Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении. История литературы Карелии.1. СПб, 1994. С. 188-195.

²⁶⁹ Ингерманландская эпическая поэзия. Антология. Петрозаводск, 1990. С. 150-152, 167-170.

²⁷⁰ Там же. С. 90-91.

²⁷¹ Народные песни Ингерманландии. Л., 1974. С. 90.

²⁷² Там же. С. 159.

²⁷³ Там же. С. 178-179.

²⁷⁴ *Öpik E.* Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Etnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi kubermangu kirjelduses. Tallinn, 1970. Lk. 165-189.

²⁷⁵ *Porkka V.* Über den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermänlandischen Dialekte. Helsingfors, 1985.

²⁷⁶ *Mägiste J.* Rosona (Eesti Ingeri) murde pääjooned. Tartu, 1925.

²⁷⁷ *Sovijärvi A.* Foneettis-äännehistoriallinen tutkimus Soikkolan inkeroismurteesta// Suomi № 103. Helsinki, 1944.

²⁷⁸ *Ariste P.* Isuri keelenäiteid // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi uurimused. Tallinn, 1960.

²⁷⁹ *Лаанест А.* Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966.

²⁸⁰ *Laanest A.* Isuri keele ajalooline foneetika ja morfoloogia. Tallinn, 1986.

²⁸¹ *Laanest A.* Isuri keele Nevaha murde sõnastik. Tallinn, 1997.

²⁸² *Nirvi R.E.* Inkeroismurteiden sanakirja. Helsinki, 1971.

²⁸³ *Золотарев Д.А.* У ижор // Труды Ленинградского Общества Изучения Местного Края (ЛОИМК). Т. 1. Л., 1927. С.139-148.

²⁸⁴ *Крюков А.В.* О фамилиях води и ижор // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С. 125-126.

²⁸⁵ *Егоров В.А.* Эвремейсы Лесколовского сельсовета // Сборник Ленинградского Общества Исследователей культуры финно-угорских народов (ЛОИК-ФУН). Л., 1929. С. 31-48.

²⁸⁶ *Крюков А.В.* О фамилиях води и ижор // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С.136-137.

²⁸⁷ *Йыги Б.* Пласты истории села Наровского – Венкули. Пласт 7-й. (Копии рукописи хранятся у родственников Б. Йыги в г. Нарве и д. Венкули). С. 204-210.

²⁸⁸ *Крюков А.В.* О фамилиях води и ижор // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. С.139.

²⁸⁹ Федеральная государственная программа возрождения и развития культур финно-угорских народов России. Проект. М.; Йошкар-Ола. 1995.

²⁹⁰ *Хрущев С.А., Клоков К.Б.* Мониторинг этнических систем финно-угорских народов Карелии, Псковской и Ленинградской областей (по материалам сайта www.rangifer.org).

²⁹¹ Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАЭ — Музей антропологии и этнографии имени Петра
Великого (Кунсткамера)

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

НМ — Национальный Музей Финляндии

Академическая научно-популярная серия
«КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ»

Конькова Ольга Игоревна

ИЖОРА

Очерки истории и культуры

Научно-популярное издание

Редактор Леонтина Сакса
Компьютерный макет Натальи Пашковской

Подписано в печать 15.04.2009.
Формат 220×240. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Гарнитура PeterburgC. Усл. п. л. 31. Уч.-изд. л. 34.
Тираж 1500 экз. Заказ № 1180.

РИО МАЭ РАН
199034. Санкт-Петербург, В.О., Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство «Лема»
199034. Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., 24